

O‘ZBEKISTON JURNALISTIKA VA
OMMAVIY KOMMUNIKATSIYALAR
UNIVERSITETI

Markaziy Osiyoda media va kommunikatsiyalar xalqaro ilmiy jurnali

Toshkent — 2025

p-ISSN 3030-3265
e-ISSN 3030-3354

Oliy attestatsiya
komissiyasining 2023-yil
29-avgustdagi
342/5-son qarori.

Jurnal fan nomzodi ilmiy darajasini olish uchun va fan doktori ilmiy darajasini olish uchun dissertatsiyalarning asosiy ilmiy natijalari chop etilishi kerak bo'lgan taqrizlangan ilmiy nashrlar ro'yxatiga kiritilgan.

Решение ВАК
№ 342/5 от 29 августа 2023 г.

Журнал входит в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Decision of the Supreme
Attestation Commission
No. 342/5 of August 29, 2023

The journal is included in the list of peer-reviewed scientific publications in which the main scientific results of dissertations for the scientific degree of Candidate of Sciences and for the scientific degree of Doctor of Science should be published.

Tahririyat manzili:
Uzbekistan, 100017, Tashkent
city, Center-5, Kiyot-88.
Tel: +998 94 473 09 90 ☎
e-mail: Info@media-ca.com

Markaziy Osiyoda media va kommunikatsiyalar xalqaro ilmiy jurnali

Ilmiy nashr
2023 yilda tashkil etilgan

Ta'asischi:

O'zbekiston jurnalistika va ommaviy kommunikatsiyalar universiteti

Xalqaro tahririyat kengashi:

Sh.T. Qudratxo'ja, siyosiy fanlar nomzodi, dotsent, O'zbekiston jurnalistika va ommaviy kommunikatsiyalar universiteti rektori, Milliy media birlashmasi boshqaruv raisi (O'zbekiston, Toshkent) — *tahririyat kengashi raisi*;

N.F. Muratova, filologiya fanlari doktori, dotsent, O'zbekiston jurnalistika va ommaviy kommunikatsiyalar universiteti prorektori (O'zbekiston, Toshkent) — *tahririyat kengashi raisi o'rinbosari*;

M.A. Abdullozoda, filologiya fanlari doktori, Rossiya-Tojikiston (slavyan) universiteti Davlatlararo ta'lim muassasasi «Mahalliy va xalqaro jurnalistika» kafedrasini professori (Tojikiston, Dushanbe);

T. Akdal, Ass. Prof., Zonguldak bulent ecevit universiteti aloqa fakulteti (Turkiya);

Y.N. Brizgalova, professor, filologiya fanlari doktori, Tver davlat universitetining jurnalistika, reklama va jamoatchilik bilan aloqalar kafedrasini mudiri, filologiya fanlari bo'yicha uchta dissertatsiya kengashlari a'zosi (Rossiya, Tver);

E.Y. Dugin, professor, sotsiologiya fanlari doktori, Media sanoati akademiyasining fanlar bo'yicha prorektori (Rossiya, Moskva);

I.M. Dzyaloshinskiy — filologiya fanlari doktori, Mass-media tadqiqotchilari milliy assotsiatsiyasi boshqaruv a'zosi, Yevroosiyo televideniye va radio akademiyasining akademigi, Rossiya aloqa assotsiatsiyasi tahririyati a'zosi;

G.D. Ibrayeva, siyosiy fanlar doktori, Al-Farobiy nomidagi Qozog'iston milliy universiteti professori, faxriy dotsent (Qozog'iston, Olma-Ota);

B.S. Mansurova, filologiya fanlari nomzodi, Rossiya-Tojikiston (slavyan) universiteti Davlatlararo oliy ta'lim muassasasi rus filologiyasi, jurnalistika va mediatexnologiyalar fakulteti ilmiy ishlar bo'yicha dekan o'rinbosari (Tojikiston, Dushanbe);

F. Mo'minov, professor, filologiya fanlari doktori, O'zbekiston jurnalistika va ommaviy kommunikatsiyalar universiteti (O'zbekiston, Toshkent);

A.G. Rixter, professor, filologiya fanlari doktori, Y.A. Komenskiy nomidagi universitet falsafa fakulteti jurnalistika kafedrasini professori; (Slovakiya, Bratislava)

M.Y. Sheresheva, Iqtisodiyot fanlari doktori, professor, M.V Lomonosovova nomidagi Moskva Davlat Universiteti, iqtisodiyot fanlari institutsional tahlil laboratoriyasi tarmoq iqtisodiy tadqiqotlari markazi direktori, "BRICS Journal of Economic" jurnali bosh muharriri, "Вестник МГУ" mas'ul muharriri (Rossiya, Moskva);

Yu.V. Sineokaya, falsafa fanlari doktori, Rossiya Fanlar akademiyasining muxbir a'zosi, "Mustaqil falsafa instituti" uyushmasi raisi (Parij, Fransiya)

G.N. Trofimova, professor, filologiya fanlari doktori, Rossiya Xalqlar do'stligi universiteti filologiya fakulteti ommaviy kommunikatsiyalar kafedrasini professori; Rossiya Federatsiyasining xizmat ko'rsatgan madaniyat xodimi; RUDN Kuzatuv kengashi a'zosi; «Drujba» gazetasi bosh muharriri; PDS 0500.003 Dissertatsiya kengashi raisi; Hujjatlar va axborot nizolari bo'yicha lingvistik ekspertlar gildiyasi raisining o'rinbosari (Rossiya, Moskva);

V.V. Tulupov, professor, filologiya fanlari doktori, Voronej davlat universiteti jurnalistika fakulteti dekani; Jamoatchilik bilan aloqalar, reklama va dizayn bo'limi boshlig'i; VDU qoshidagi fan doktori ilmiy darajasini olish uchun dissertatsiyalar himoyasi bo'yicha dissertatsiya kengashi raisi D212.038.18; Rossiya hududiy matbaa akademiyasining prezidenti; «Vestnik VGU. Seriya: Filologiya. Jurnalistikasi» ilmiy-amaliy almanaxi bosh muharriri. «Urg'u. Ommaviy aloqada yangilik» (Rossiya, Voronej);

E. Turdubayeva, PhD, Onlayn Universitet prezidenti va asoschisi (Qirg'iziston, Bishkek);

H.D. Yalzeze, Dr., Zonguldak bulent ecevit universiteti aloqa fakulteti, (Turkiya).

Tahririyat:

Anton A. Antonov-Ovseyenko, Abduxalim Abduxalilov, Dilobar Zaripova. Munira Nazarova.

Barcha huquqlar himoyalangan. Ushbu nashrning biror bir qismini nashriyotning yozma ruxsatisiz ko'paytirish mumkin emas

© O'zbekiston jurnalistika va ommaviy kommunikatsiyalar universiteti, 2025

MUNDARIJA

VOCABULARY/LUG'AT

Sayyora Kurbanova The analysis of lexical innovations based on Joanne Rowling and Lewis Carroll works	4
---	---

STILISTIKA/STYLISTICS

Barno Buranova, Hojarbibi Atabayeva Mediamatn tahlilida lingvopragmatik yondashuvlar	15
--	----

ЭТИКА/ ETHICS

Равшан Мухиддинов Международные и национальные нормы этики в журналистских расследованиях	28
---	----

МЕДИАГРАМОТНОСТЬ/MEDIA LITERACY

Зарифа Тажиева Превентивно-регулятивная роль медиаграмотности в условиях медиахайпа	41
---	----

ЛЕКЦИИ/LECTURES

Иосиф Дзялошинский Лекция № 4. Современные теории свободы: разбегающаяся вселенная интерпретаций	54
--	----

THESES/TEZISLAR

Qudratxo'ja Sherzodxon Фуқаролик жамияти ва ахборот коммуникациялари категориялари	83
--	----

Xusanova Laylo Kiber makonda blogpostning ahamiyatli jihatlari	86
--	----

Yunusaliyeva Shohista O'zbekistonda destruktiv kontentga qarshi kurash: media strategiyalar tahlili	90
---	----

Нозима Муратова Профессия журналиста в цифровую эпоху: трансформация ролей и вызовы мультимедийной среды	93
---	----

THE ANALYSIS OF LEXICAL INNOVATIONS BASED ON JOANNE ROWLING AND LEWIS CARROLL WORKS

Sayyora Kurbanova,
International Nordic university

Annotation: This article explores the linguistic creativity in the fantasy works of Joanne Rowling and Lewis Carroll, focusing on lexical innovation and word formation. It analyzes how these authors use inventive language strategies to construct immersive fictional worlds and convey thematic depth. Rowling's approach is characterized by playful neologisms, blends, and derivations that enhance the whimsical yet socially nuanced world of Harry Potter. In contrast, Lewis relies on archaisms, classical borrowings, and semantic shifts to reinforce the allegorical and theological underpinnings of Narnia. The study offers a comparative analysis of their linguistic choices, examining the narrative, phonological, and cultural functions of new and repurposed words. It argues that both authors use lexical innovation not merely for stylistic effect but as a core tool for world-building, symbolism, and reader engagement. The article contributes to broader discussions in literary linguistics, fantasy studies, and the intersection of language and narrative.

Ключевые слова: Lexical innovation, word formation, fantasy literature, Joanne Rowling, Lewis Carroll, neologism

1.1. Introduction

Fantasy literature is a fertile ground for linguistic creativity. Within this genre, authors often transcend the bounds of existing language to craft new words that give life to imagined worlds, creatures, and concepts. Lexical innovation – the creation of new words – and the inventive use of word formation processes play a central role in establishing the tone, culture, and believability of these secondary worlds. Among the most celebrated authors in this realm are J.K. Rowling and L. Carroll, whose works *Harry Potter* and *The Chronicles of Narnia*, respectively, have captured the imaginations of millions. Both authors employ linguistic inventiveness not merely as a stylistic device, but as a narrative tool that contributes significantly to world-building and reader immersion. This article aims to analyze the use of lexical innovation and word formation in the works of J.K. Rowling and L. Carroll. Through an examination of specific examples, the article explores how new words are formed, what linguistic techniques are employed, and how these innovations serve broader literary and thematic purposes. The comparative nature of the study also sheds light on the authors' differing approaches to language, influenced by their individual backgrounds and the historical contexts in which they wrote.

Lexical innovation is the process by which new words, phrases, or expressions are introduced into a language. This process can occur naturally through linguistic evolution or deliberately through creative writing, particularly in genres like fantasy and

DOI:

[https://doi.org/10.62499/
ijmcc.vi9.119](https://doi.org/10.62499/ijmcc.vi9.119)

Citation:

Kurbanova, Sayyora. 2025.
THE ANALYSIS OF LEXICAL
INNOVATIONS BASED ON
JOANNE ROWLING AND
LEWIS CARROLL WORKS
International Journal of Media
and Communications in
Central Asia. 9: 4-14

science fiction. In literary contexts, especially those involving world-building, lexical innovation is a crucial technique for authors to create unique settings, cultures, and identities for characters and places. It allows writers to introduce unfamiliar concepts and objects in ways that feel organic and immersive to the reader. A core component of lexical innovation is word formation – the set of linguistic processes used to construct new words. These processes are not only mechanisms for expanding the vocabulary of a language but also reflect cultural values, creative intentions, and stylistic preferences. In the context of J.K. Rowling and L. Carroll, word formation becomes a key tool for giving their fantasy worlds a sense of depth and authenticity.

2. Methodology

This study uses a theoretical method of comparative analysis of the most common word formation processes observed in fiction, which include the following.

Compounding: This involves combining two or more free morphemes (words that can stand alone) to create a new lexical item. For instance, Rowling’s Hogwarts (possibly derived from “hog” and “warts” or “wart” and “arts”) and Lewis’s Marshwiggle (likely from “marsh” and “wiggle”) are evocative compounds that suggest character traits or settings.

Derivation (Affixation): New words can be formed by attaching prefixes or suffixes to existing roots. For example, Rowling’s Disapparate adds the prefix “dis-” to suggest disappearance, mimicking the structure of real English words like “disappear.” Similarly, unforgivable follows conventional morphological patterns but acquires special meaning within the magical legal system of her world.

Blending: This process merges parts of two existing words, often truncating one or both, to form a new word. Rowling’s Pensieve blends “pensive” and “sieve,” metaphorically capturing an object used to filter and explore thoughts. Blends are particularly effective in fantasy because they create novel terms that still feel familiar.

Neologisms: These are entirely new words invented by the author, often without obvious etymological roots. Rowling’s Muggle, for example, is a neologism that has entered mainstream usage. Neologisms are essential in fantasy for labeling concepts that have no real-world equivalent.

Borrowing: Authors may incorporate words from other languages to evoke specific cultural or mythical associations. L. Carroll’s use of Aslan (Turkish for “lion”) not only emphasizes the regal and noble nature of the character but also adds an exotic and ancient feel to the Narnian world. Borrowing can also

involve modifying existing words to create a sense of antiquity or foreignness.

Semantic shift and archaisms: Lewis, with his background in classical literature and philology, often uses archaisms – old or obsolete words – or repurposes existing words to mean something new in the context of his fantasy world. This creates a connection to ancient myths and religious symbolism, reinforcing the moral and allegorical depth of his narratives.

These linguistic tools are not used arbitrarily. They serve specific narrative functions: to define the boundaries of the fictional world, to differentiate between magical and non-magical elements, to reflect character identities, and to enrich the cultural and historical textures of the story. Moreover, the use of inventive word formation reflects the authors' differing linguistic sensibilities – Rowling's playful and often humorous approach contrasts with Lewis's classical, mythologically resonant style. Understanding these techniques provides a foundation for deeper literary and linguistic analysis, revealing how language itself becomes a vehicle for storytelling in fantasy literature.

3.Result

3.1. *Lexical innovation in J. K. Rowling's work*

J.K. Rowling's Harry Potter series is renowned not only for its compelling narrative and imaginative world-building but also for its rich and inventive use of language. One of the key strategies Rowling employs to bring the wizarding world to life is lexical innovation. Through the creative use of word formation processes, Rowling crafts a lexicon that is both unique and believable, blending familiarity with fantasy.

Neologisms. Rowling's most iconic lexical inventions are often pure neologisms – newly coined words without direct roots in existing English. These terms are vital in naming creatures, spells, objects, and concepts that exist only within the magical universe. The word Muggle, meaning a non-magical person, is one of the most well-known examples. Though it has no prior meaning in English, it is phonetically simple and easily memorable. Its sound, slightly humorous and informal, subtly reflects the way wizards perceive non-magical people as mundane or lacking in wonder. Another example is Quidditch, the fictional sport central to the series. Though completely invented, the word mimics the rhythm and feel of existing English sports names, which lends it an air of plausibility and helps the reader accept it as part of the magical culture.

Blending and Portmanteaux. Rowling frequently blends parts of words together to create portmanteau terms, many of which are functionally descriptive while remaining playful. The word Pensieve, for example, combines pensive and sieve, referring

to a magical object that allows one to sift through thoughts and memories. This blend not only encapsulates the object's purpose but also adds a poetic depth to its name.

Another notable blend is Squib, which refers to someone born into a magical family but lacking magical ability. Though the word may echo the real-world term for a dud firework (a squib), it takes on a new, metaphorical meaning in the wizarding world – someone who fails to “ignite” with magic.

Compounding. Compounding is another frequent strategy in Rowling's lexical toolbox. Many of the names in the series are descriptive compounds that suggest characteristics of people or places. Hogwarts (possibly evoking “hog” and “warts”) sounds unpleasant and quirky, fitting the castle's mysterious and enchanted personality. Similarly, Spellotape (a magical adhesive tape) and Knight Bus (a magical emergency transport service) are examples where Rowling uses familiar words in novel combinations, preserving reader comprehension while expanding the lexicon.

Derivation and Affixation. Rowling also invents new verbs and adjectives by creatively applying prefixes and suffixes. Disapparate, meaning to disappear or teleport, is formed with the prefix “dis-” and the Latinate root “apparere,” mimicking the structure of real English words like disappear or disengage. This not only enhances linguistic believability but also adds an air of arcane formality appropriate to the magical register of the books.

Cultural and Linguistic Borrowings. Though Rowling invents many of her words, she also draws from Latin, French, and other languages – often using them as a basis for spell names (Expelliarmus, Lumos, Avada Kedavra) or creatures (Basilisk, Werewolf). These borrowings lend an aura of ancient scholarship and arcane authority to the magical world, making it feel both timeless and rooted in a wider mythical tradition.

Stylistic and Thematic Function. The cumulative effect of Rowling's lexical innovations is a vivid and engaging world that feels linguistically distinct yet still accessible to readers. The invented words contribute to the whimsical tone of the books while reinforcing their themes – especially the tension between the magical and non-magical worlds.

3.2. Lexical Innovation in L. Carroll's Work

L. Carroll, best known for The Chronicles of Narnia series, uses lexical innovation in a manner deeply influenced by his background in classical literature, medieval studies, and Christian theology. While less overtly inventive than J.K. Rowling's approach, Lewis's word-formation strategies are subtle and symbolically rich, often drawing from archaisms, classical languages, and mythological allusions. His lexical choices reinforce the timeless, allegorical,

and moral dimensions of his fantasy world.

Use of Archaisms and Semantic Shift. Unlike Rowling's frequent invention of entirely new terms, Lewis often repurposes older or obsolete English words, giving them new life in his fictional narratives. This use of archaisms contributes to the mythical and epic tone of the Narnian world. For instance, the word *dryad* (a tree spirit from Greek mythology) is reintroduced in *The Lion, the Witch and the Wardrobe* to describe sentient trees. Lewis also uses terms like *faun*, *nymph*, and *centaur*, which already existed in classical myth but are repurposed to inhabit a Christian-allegorical world.

This strategy of semantic shift where existing words are endowed with new contextual meanings allows Lewis to build a fantasy lexicon without overwhelming the reader with unfamiliar vocabulary. For example, the term *Deep Magic* in Narnia denotes an ancient law governing the moral and spiritual order of the world. While "magic" is commonly associated with fantasy, Lewis's use of it within a theological framework transforms its meaning to align with divine law.

Proper Names and Cultural Signification. Names in Lewis's work often carry deep etymological or symbolic significance. For instance, *Aslan*, the noble lion who serves as the Christ-figure of the series, is the Turkish word for "lion." The choice of a non-English term reinforces the sense of *Aslan*'s otherness and majesty while alluding to ancient languages and wisdom (Ward, 2008). Similarly, names like *Tash*, the false god of the Calormenes, are crafted to sound foreign and sinister, evoking unfamiliar deities and cultural conflict.

Lewis also employs traditional English place-name structures, such as *Cair Paravel*, which has a pseudo-Welsh or Celtic feel, suggesting an ancient and noble lineage. These names lend Narnia a sense of historical depth and mythic continuity, grounded in real-world linguistic echoes.

Mythological and Classical Borrowings. Lewis's use of lexical innovation is strongly rooted in classical and biblical traditions. Many of the creatures and terms in Narnia are borrowed directly from Greco-Roman and Christian sources. For example, *Satyrs*, *Minotaurs*, and *Bacchus* appear alongside *Father Christmas* and *Jesus-figures*, creating a unique syncretism of mythology and theology. Rather than coining new terms, Lewis synthesizes existing mythologies to create a world that feels both familiar and symbolically profound. This literary method aligns with his goal of using fantasy as a vehicle for spiritual and moral reflection (Hooper, 1996).

Limited Neologisms and Wordplay. While Lewis does not create as many new words as Rowling, he occasionally engages

in light neologism or creative naming. In *The Voyage of the Dawn Treader*, for example, he invents names such as Reepicheep (a valiant mouse), whose name combines “reap” (suggesting action) with a playful rhyme. Such names reflect character traits and enhance memorability, especially for young readers.

Lewis also uses onomatopoeic and phonetic play to build imaginative creatures or places. The Dufflepuds, for example, are silly and bumbling creatures whose name phonetically reflects their clumsy behavior.

Narrative Function of Lexical Choices. The linguistic strategies used by Lewis serve a deeper narrative function. By reviving and adapting classical and theological vocabulary, he embeds his fictional world with allegorical meaning. His restrained use of neologisms and preference for re-contextualized existing words reflect a desire for clarity, accessibility, and moral instruction rather than linguistic novelty for its own sake (Downing, 2005).

Lewis’s lexical innovations are thus less about inventing a new linguistic world from scratch, and more about enriching the existing lexicon with layered meaning. His approach allows readers to navigate the fantasy realm of Narnia without a steep learning curve, while still encountering a depth of symbolic and philosophical richness.

4. Discussion.

Comparative Analysis of Lexical Innovation in the Works of J.K. Rowling and L. Carroll

J.K. Rowling and L. Carroll, though both creators of widely beloved fantasy worlds, employ markedly different strategies in the use and formation of language. Their approaches to lexical innovation reflect their differing goals, literary influences, and audience engagement techniques. The following comparative analysis highlights five key dimensions of their work:

4.1. Frequency and Function of Neologisms

J.K. Rowling is prolific in her use of neologisms, often creating entirely new lexical units that serve precise world-building and narrative functions. Words like Muggle (non-magical person), Horcrux (a magical object containing a piece of one’s soul), and Apparate (a teleportation spell) are indispensable to the plot and logic of the Harry Potter universe (Crystal, 2003). These coined terms support Rowling’s intent to create a self-contained magical society with its own norms and language.

Conversely, L. Carroll shows a preference for semantic reinvention over coinage. Rather than inventing new words, he frequently reintroduces archaic or mythological terms with slightly altered meanings, such as dryad or faun. These terms carry

mythical and symbolic weight, fitting his overarching themes of morality, Christian allegory, and eternal truth (Downing, 2005). His lexical innovation is therefore subtler, and primarily literary rather than linguistic.

4.2. Sources of Lexical Innovation

Rowling draws extensively from Latin, Old English, and French to create pseudo-historical terms that resonate with the magical traditions she imagines. The spell *Expelliarmus*, for instance, is derived from Latin roots meaning “to disarm,” aligning with the word’s function in the narrative (Fenske, 2010). Her language construction is often grounded in etymological play, which enhances both credibility and reader engagement.

Lewis, on the other hand, relies heavily on classical and theological lexicons. Names such as Aslan (Turkish for “lion”) and Tash (a fictional god with echoes of Eastern deities) are not invented phonetically but chosen for symbolic and spiritual association (Ward, 2008). This reliance on established linguistic and cultural references create a sense of timelessness and gravitas in the Narnian world, in line with Lewis’s philosophical and moral purposes.

4.3. Phonological and Aesthetic Appeal

Rowling is highly attentive to the sound and rhythm of her invented terms. Many names in the Harry Potter series are whimsical, alliterative, or phonetically suggestive. For instance, Knockturn Alley (a pun on “Nocturnally”) immediately evokes a sense of mystery and danger (Thorne, 2008). This careful phonological crafting contributes to the memorability and tonal variety of her world.

Lewis, by contrast, takes a more conservative and classical approach to naming. Names such as Cair Paravel and Puddleglum are phonetically resonant but far less playful. While names like Reepicheep may demonstrate some level of sound symbolism, overall, Lewis prioritizes symbolism and heritage over auditory charm (Hooper, 1996).

4.4. Narrative and Thematic Integration

In Rowling’s work, invented language is embedded in the structure of magical education, governance, and culture. The very way wizards categorize people (Squib, Mudblood) reflects their social hierarchies and prejudices. Thus, Rowling’s lexical innovation mirrors and reinforces the socio-political dimensions of the wizarding world (Langford, 2007).

In Lewis’s narratives, lexical choices function more as symbolic keys to his theological and moral messages. Words like

Deep Magic or Emperor-Over-the-Sea reflect divine authority and moral law, reinforcing the Christian allegory at the heart of the Narnia series (Ward, 2008). His word choices guide readers toward a deeper, often spiritual interpretation of events.

4.5. Cultural and Linguistic Legacy

The neologisms from Rowling's world have made a notable impact on popular culture and even dictionaries. Terms such as Muggle have transcended their fictional origins and are now used in informal English to denote outsiders or non-specialists (Oxford English Dictionary, 2003). Her success in creating a living lexicon testifies to her linguistic accessibility and cultural penetration.

Lewis's lexical innovations, while deeply meaningful within their literary context, have not become part of mainstream vocabulary. Their symbolic depth and literary specificity keep them confined to academic or theological discussions rather than common usage (Hooper, 1996). His language lives within the realm of philosophical fantasy, while Rowling's lives both in literature and in the real-world lexicon.

5. Conclusion

Lexical innovation and word formation play a pivotal role in shaping the imaginative landscapes of fantasy literature. Through this comparative study of J.K. Rowling and L. Carroll, it becomes evident that both authors employ language as a creative and functional tool, yet they do so in markedly different ways reflective of their narrative intentions, thematic focuses, and historical contexts. J.K. Rowling's contribution to lexical innovation is especially significant due to her dynamic use of neologisms, which serve both world-building and socio-cultural commentary. Terms like Muggle, Horcrux, and Apparate not only define magical concepts but also reflect broader issues such as prejudice, identity, and power dynamics. Her creative application of Latin roots, blended compounds, and sound symbolism results in a rich, memorable lexicon that supports the complexity of the magical world and appeals to readers across linguistic backgrounds. The integration of these terms into real-world usage evidenced by their inclusion in major dictionaries and their adoption in popular discourse further attests to the lasting linguistic and cultural impact of Rowling's work.

In contrast, L. Carroll's use of language is more restrained yet deeply symbolic. Rather than inventing new words from scratch, Lewis often reclaims and recontextualizes existing terms from mythology, theology, and classical literature. His lexical choices, such as Aslan, Deep Magic, and Cair Paravel, are steeped in spiritual meaning, guiding readers toward deeper allegorical

interpretations of good, evil, sacrifice, and redemption. Lewis's linguistic subtlety aligns with his purpose of crafting narratives that echo eternal truths and moral teachings, often rooted in Christian theology. While his terms have not entered colloquial English to the extent of Rowling's, they remain significant within literary and philosophical discourse.

The comparison also highlights differences in stylistic execution. Rowling favors a playful, phonetically engaging, and modern style that invites reader participation and curiosity, especially among younger audiences. Lewis, on the other hand, employs a more formal, timeless register, drawing on the linguistic traditions of epic and religious storytelling. These stylistic choices are not merely aesthetic but are tightly interwoven with each author's worldview and narrative architecture.

Ultimately, both Rowling and Lewis exemplify how linguistic creativity can transcend the boundaries of fiction to influence thought, culture, and language itself. Their respective methods of lexical innovation reflect the flexibility and richness of the English language, demonstrating how invented words can convey complex ideas, build believable worlds, and inspire generations of readers. By analyzing their approaches side by side, we gain valuable insight into the interplay between language and imagination, as well as the enduring power of storytelling shaped by words that never existed – until someone imagined them.

References

- Anelli, M. (2007). *Harry, a history*. Pocket Books.
- Adams, Valerie. (1973). *An Introduction to Modern English Word-Formation*. London and New York: Longman
- Crystal, D. (2003). The language of the Pottverse. In *The language revolution* (pp. 45–58). Cambridge: Polity Press.
- Duffy, C. (2004). Magic words and neologisms in Harry Potter. *Children's Literature Association Quarterly*, 29(4), 410–415.
- Fenske, C. (2010). *Word creation in fantasy literature: A linguistic approach to the study of neologisms*. Frankfurt: Peter Lang.
- Garcia, A. (2008). Naming and identity in the Harry Potter universe. *Journal of Literary Onomastics*, 1(1), 23–35.
- Hooper, W. (1996). *C. S. Lewis: A companion and guide*. London: HarperCollins.
- Knowles, E. (2009). *Oxford dictionary of modern quotations*. Oxford: Oxford University Press.
- Langford, D. (2007). *The end of Harry Potter?* London: Orion Books.
- Lewis, C. S. (1950). *The lion, the witch and the wardrobe*. London: Geoffrey Bles.
- Lewis, C. S. (1951). *Prince Caspian*. London: Geoffrey Bles.
- Lewis, C. S. (1952). *The voyage of the dawn trader*. London: Geoffrey Bles.

Nel, Philip. (2001). *J. K. Rowling's Harry Potter Novels: A Reader's Guide*. London: Continuum.

Nel, Philip. (2005). "Is There a Text in This Advertising Campaign? Literature, Marketing, and Harry". *The Lion and the Unicorn*, 29(2):236-267.

Oxford English Dictionary. (2003). Muggle. Retrieved from <https://www.oed.com>

Trevarthen, Geo. (2008). *The Seeker's Guide to Harry Potter*. Winchester, UK, and Washington, USA: O Books.

Thorne, T. (2008). *Shoot the puppy: A survival guide to the curious jargon of modern life*. London: Penguin Books.

Vilceanu, Titela. (2017). *Dynamic Interfaces of Translation, Pragmatics and Intercultural Communication*. Craiova: Universitaria.

Vilceanu, Titela. (2018). "An Action-Oriented Approach to Translation and Translation Studies", *Romanian Journal of English Studies*, 15, pp. 122-127

Ward, M. (2008). *Planet Narnia: The seven heavens in the imagination of C. S. Lewis*. Oxford: Oxford University Press.

About the author:

KURBANOVA Sayyora Komiljanovna — International Nordic university, first year student in Master's degree, kurbanovasayyora87@gmail.com

АНАЛИЗ ЛЕКСИЧЕСКИХ НОВАЦИЙ НА ОСНОВЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ДЖОАН РОУЛИНГ И ЛЬЮИСА КЭРРОЛЛА

Аннотация: В этой статье исследуется лингвистическая креативность в фантастических произведениях Джоан Роулинг и Льюиса Кэрролла, особое внимание уделяется лексическим инновациям и словообразованию. В ней анализируется, как эти авторы используют изобретательные языковые стратегии для создания захватывающих вымышленных миров и передачи тематической глубины. Подход Роулинг характеризуется игривыми неологизмами, сочетаниями и производными, которые подчеркивают причудливый, но в то же время социально насыщенный мир Гарри Поттера. Напротив, Льюис опирается на архаизмы, классические заимствования и семантические сдвиги, чтобы усилить аллегорическую и теологическую подоплеку Нарнии. В исследовании предлагается сравнительный анализ их языкового выбора, изучаются повествовательные, фонологические и культурные функции новых и переработанных слов. В нем утверждается, что оба автора используют лексические инновации не только для стилистического эффекта, но и как основной инструмент построения мира, символики и привлечения читателя. Статья способствует более широким дискуссиям в области литературоведения, фэнтези-исследований и на стыке языка и нарратива.

Keywords: лексические инновации, словообразование, литература в жанре фэнтези, Джоан Роулинг, К.С. Льюис, неологизм.

Об авторе:

КУРБАНОВА Сайера Комильяновна — Международный Северный университет, студентка первого курса магистратуры, kurbanovasayyora87@gmail.com

JOAN ROULING VA LYUIS CARROLL ASARLARI ASOSIDA
LEKSIK YANGILIKLARNI TAHLIL QILISH

Annotatsiya: Ushbu maqola Joan Rouling va Lyuis Carrollning fantastik asarlaridagi lingvistik ijodkorlikni o'rganadi, leksik innovatsiyalar va so'z yasashga alohida e'tibor beradi. Unda ushbu mualliflar hayajonli xayoliy olamlarni yaratish va tematik chuqurlikni etkazish uchun ixtirochi til strategiyalaridan qanday foydalanishlari tahlil qilinadi. Roulingning yondashuvi Garri Potterning g'alati, ammo ijtimoiy jihatdan boy dunyosini ta'kidlaydigan o'ynoqi neologizmlar, kombinatsiyalar va hosilalar bilan ajralib turadi. Aksincha, Lyuis Narniyaning allegorik va diniy asoslarini kuchaytirish uchun arxaizmlar, klassik qarz olish va semantik siljishlarga tayanadi. Tadqiqot ularning til tanlovining qiyosiy tahlilini taklif qiladi, yangi va qayta ishlangan so'zlarning hikoya, fonologik va madaniy funktsiyalarini o'rganadi. Unda ta'kidlanishicha, ikkala muallif ham leksik yangiliklardan nafaqat stilistik effekt uchun, balki dunyoni qurish, ramziylik va o'quvchini jalb qilishning asosiy vositasi sifatida foydalanadilar. Maqola adabiyotshunoslik, fantaziya tadqiqotlari va til va rivoyat chorrahasida kengroq muhokamalarga yordam beradi.

Kalit so'zlar: leksik innovatsiyalar, so'zlarni shakllantirish, fantaziya adabiyoti, Joan Rouling, Lyuis Carroll, neologizm

Muallif haqida:

QURBANOVA Sayera Komilyanovna — Xalqaro Shimoliy universitet, magistraturaning birinchi kurs talabasi, kurbanovasayyora87@gmail.com

MEDIAMATN TAHLILIDA LINGVOPRAGMATIK
YONDASHUVLARBarno Buranova,

O‘zbekiston jurnalistika va ommaviy kommunikatsiyalar universiteti

Hojarbibi Atabayeva,

O‘zbekiston jurnalistika va ommaviy kommunikatsiyalar universiteti

Annotatsiya: Maqolada, asosan, matbuot tilidagi lisoniy va uslubiy me’yor buzilish holatlari, xususan, funksional jihatdan samaradorlikni pasaytiruvchi klishelardan ortiqcha foydalanish masalalari ilmiy-nazariy yondashuv asosida tahlil qilinadi. Tadqiqot gazeta va jurnal matnlari asosida olib borilib, unda nutqiy qoliplarning tipologiyasi, ularning stilistik, pragmatik va semantik xususiyatlari, shuningdek, ularni cheklash usullari tahlil qilinadi. Natijada matbuot tilining ifodaviy imkoniyatlarini kengaytirish hamda adabiy til me’yorlariga muvofiqligini ta’minlash bo’yicha aniq tavsiyalar shakllantiriladi.

Kalit so‘zlar: Klishe, adabiy til, stilistik me’yor, matbuot tili, uslubiy xatolik, sinonimiya, dominant so‘z, pragmatika, semantika

1. Kirish

Ommaviy axborot vositalari, ayniqsa, bosma nashrlar – gazeta va jurnallar – til madaniyatini shakllantirish va adabiy-lisoniy me’yorlarni ommalashtirishda muhim ijtimoiy vosita hisoblanadi. Nashr tili nafaqat axborot yetkazish, balki lingvistik me’yorlarni tatbiq qilish orqali jamiyat tafakkurida til madaniyatini shakllantirishga bevosita ta’sir ko’rsatadi. Shu bois, matbuot tilining uslubiy jihatdan ravonligi, lisoniy aniqligi va adabiy til me’yorlariga sodiqligi hozirgi zamonda dolzarb tadqiqot yo’nalishlaridan biri sifatida ko’rilmogda. Ayniqsa, klishe, ya’ni qoliplashgan iboralar va gaplarning haddan ziyod bo’rttirib qo’llanilishi matnda axborot berish va asosiy mohiyatni o’quvchiga yetkazishda noaniqlikni yuzaga keltiradi. Matn uslub jihatdan g’alizlashadi, o’quvchining qiziqishi susayadi va tilning boy ifoda imkoniyatlaridan to’liq foydalanilmaslik holati kuzatiladi. Mazkur maqolada ayni shu muammolar misollar asosida tahlil qilinadi. Ma’lumki, klishe, odatda, muayyan vaziyatda tez-tez qo’llaniladigan standart iboralar bo’lib, ular matnning usluban ravonligini cheklaydi. Masalan, “xalqimiz azaldan mehnatkash”, “yurt ravnaqi yo’lida” kabi iboralar aksariyat mediamatnlarda noo’rin qo’llaniladi. Tadqiqot ishimizning asosiy maqsadi matbuot tilida uchraydigan klishearning turlari, ularning kelib chiqish sabablari, matn mazmuniga ta’siri va ularni kamaytirish yo’llarini ilmiy-nazariy yondashuv asosida tahlil qilishdir. Maqolada gazeta va jurnal materiallari asosida misollar keltirilib, klishearning nutqdagi funksional roli va ularning stilistik xususiyatlari o’rganiladi. Shuningdek, matbuot tilini boyitish, adabiy til me’yorlariga moslashtirish bo’yicha tavsiyalar beriladi.

DOI:

<https://doi.org/10.62499/>

ijmcc.vi9.131

Iqtibos:

Buranova, Barno;
Atabayeva, Hojarbibi. 2025.
MEDIAMATN TAHLILIDA
LINGVOPRAGMATIK
YONDASHUVLAR
Markaziy Osiyoda media va
kommunikatsiyalar xalqaro
ilmiy jurnali. 9: 15-27.

2. Tadqiqot metodologiyasi

Maqoladavtifsifiy-lisoniytahlilusulibilanbirqatordalingvostilistik, qiyosiy va kontent-tahlili metodlaridan foydalanildi. Empirik manba sifatida “Sharq yulduzi”, “Jahon adabiyoti”, “O‘zbekiston adabiyoti va san‘ati”, “Hurriyat”, “Ma‘rifat” kabi gazetalar hamda “Qalampir.uz” va “Kun.uz” kabi onlayn axborot platformalarida chop etilgan maqolalar tanlab olindi. Tahlilda matndagi pragmatik hamda semantik muammolar, klishelarning kontekstual qo‘llanishi, ularning matn uslubiyaiga ta’siri va funksional yuki baholandi.

3. Adabiyotlar sharhi

Tadqiqot ishining nazariy va metodologik poydevori tilshunoslik, pragmalingvistika va media tilining tahlili sohasida ko‘plab olim va mutaxassislar izlanishlar olib brogan. Xususan, A.Abduaidov axborot yetkazish zarurati andozaviylikni keltirib chiqargan bo‘lsa, unga baho berish ehtiyoji ta’sirchanlikni taqozo etishini (2005) va bu ta’sirchanlikni ifodalashda badiiy til elementlaridan foydalanish ko‘payib borayotganini ta’kidlar ekan (2014), — buni tasviriy vositalar, maqol va iboralarni ishlatish ocherk, lavha va maqolalarda diologlardan keng foydalanishda ko‘rish mumkinligini aytadi. Shu bilan birga, ommaviy axborot vositalari tilidagi uslubiy nosog‘lomliklar, madaniyatsizlik va lisoniy xatolar chuqur tahlilga muhtoj ekanligini (2004) e’tirof etadi.

Ommaviy axborot vositalarida muayyan davrga oid yagona tasvir emas, balki turli xil va ko‘p sonli manzaralarni tahlil qilish zarur (Hall, 1997). Bu jarayonda ayrim umumiy jihatlar (masalan, tezkorlik, harakatchanlik, dolzarblik) ko‘zga tashlanadi (Van Dalen & Albæk, 2023). Biroq mazmun jihatidan ushbu tasvirlar o‘rtasida katta tafovutlar, hatto o‘zaro zid g‘oyalar uchrashi mumkin. Shu sababli, pragmatik yondashuv doirasida nutq muallifi va u kimga murojaat qilayotgani – ya’ni yo‘llovchi va qabul qiluvchini – chuqur tahlil qilish muhim ahamiyat kasb etadi (Teshaboyeva, 2020). Ommaviy axborot vositalarining tili ijtimoiy va lingvistik jihatdan media tilining shakllanishi, yangiliklar tuzilishi va ularning jamiyatdagi rolini o‘rganadi (Bell, 1991). Tadqiqotchi olim Azim Hojiyevning keltirishicha (2002), pragmalingvistik atamalar tilshunoslikning nutq egasi va nutq iste’molchisi o‘rtasidagi munosabatlarni, kontekstdagi til birliklarining ma’nosini, so‘zlovchining maqsadini va gapning ijtimoiy ta’sirini o‘rganadigan sohadir. Shu nuqtai nazardan grammatika asosan ijtimoiy kelishuvlarga asoslangan bo‘lsa, pragmatika insonlarning kommunikativ maqsadlariga ko‘proq bog‘liqdir (Leech, 1983). Til birliklarining pragmatik tahlili ularning madaniy kontekstda qanday ishlatilishini tushunishga yordam beradi (Safarov, 2008). Bundan kelib chiqib aytish mumkinki, OAV tilining rivojlanish xususiyatlari uni kommunikativ pragmatika va madaniyat nuqtayi nazaridan o‘rganish zaruratini tobora kuchaytiradi (Oparina, 2021).

Mutaxassislarning fikricha, OAVning barcha sohasida ko‘chib yuruvchi qolipli, badiiy-publitsistik uslubga xos bo‘lgan so‘zlar, gap qoliplari, matnlar uchraydi (Lijun Guo, 2014). Bunday jumladan xoli mediamatnlar ham bor, albatta. Betakrorlik, jimjimadorlikni ta‘minlash maqsadida har bitta so‘zga e‘tibor qaratish, sinonimlar, ko‘p ma‘noli so‘zlardan unumli foydalanish juda muhim (Cuddy et al., 2009). Lekin publitsist, jurnalistlar, tadqiqotchilar uchun maqolani takror va ko‘chib yuruvchi qoliplardan himoya qilib yozish ancha murakkab. Mazkur muammoni ijobiy hal qilish, so‘zni o‘z o‘rnida, tejamkorlik bilan ishlatish yozuvchi, muxbir, jurnalistlarning mahoratini ko‘rsatuvchi omillardan hisoblanadi.

Matbuot materiallarida uchrovchi takror va ko‘chib yuruvchi so‘zlar, ya‘ni klishe nafaqat matnning betakror uslubiga putur yetkazadi, balki yetkazilayotgan axborot yoki ma‘lumotga bo‘lgan qiziqishni susaytiradi (Amis, 2018).

Klishe (fr. cliché), shuningdek, nutq shtampi (adabiy shtamp, kino shtampi va boshqalar) — san‘atda an‘anaviy ravishda o‘rnatilgan qotib qolgan shakl (motiv, mavzu).

Klishe – illyustratsiya (rasm, reproduksiya, ba‘zan matn) lardan matbaa usulida nusxa ko‘chirish uchun mo‘ljallangan bosma shakldir.

Klishe haddan tashqari ko‘p qo‘llaniladigan gaplar, fikrning tayyor qoliplari (Khakieva et al., 2023) hisoblanadi. Mazkur istiloh fanga XIX asrning o‘rtalarida kirib kelgan bo‘lib, fransuz tilidagi cliché — cliché “chop etish” so‘zidan olingan. Qo‘llash nuqtayi nazaridan klishe bayonning kerakli mazmunini aks ettirishning eng oson, qisqa va o‘ylanmagan yo‘lini ta‘minlaydi; idrok etish nuqtayi nazaridan bu fikrni ifodalashning eng kam o‘ziga xos va jamiyatni zeriktiradigan usulini suiiste‘mol qilishdir.

Klishe so‘zlar mediamatn tarkibida turli shakllarda: so‘z yoki so‘z birikmasi, gap tarzida uchraydi. Nutqiy klishe – so‘z qo‘llashning standart namunalari, so‘z birikmalari va sintaktik tuzilmalarning namunaviy sxemalari, shuningdek, muayyan vaziyatlarda nutqiy xatti-harakatlarning umumiy modellaridir. Klishe san‘at asarlarining an‘anaviy syujetlarida, ilmiy adabiyotlarda, so‘zlashuv nutqida qo‘llaniladi. Ammo biz maqola tarkibida takror-takror bir so‘zdan foydalansak bir xil qolipdagi birikmalar, gaplar qo‘llasak bu maqolaning darajasini nisbatan pastga tushiradi va aksincha, qanchalik sinonim so‘zlardan, birikmalardan foydalansak bu e‘tiborga loyiq maqola bo‘ladi. Bunday maqolalar mushtariylarni o‘ziga jalb etadi (Basovskaya, 2020). Demak, klishe – stilistik inersiyani ko‘rinishidir. Stilistik inersiya nima? Stilistik inersiya – bu adabiy tilda biror til vositasi yoki uslubiy shaklning o‘zining asl kuchini yo‘qotgan bo‘lsa ham, odat tusiga kirib qolganligi sababli qo‘llanilishi holatidir (Vinogradov, 1963). Bu holatda ifoda yangilik yaratmaydi,

balki avvalgi ishlatilgan uslubni inersiya (ya'ni harakatning davomiyligi) tarzida takrorlaydi. Adabiy yoki publitsistik nutqdagi tayyor qolipni takrorlaydi. Bu holat ko'pincha o'quvchi yoki tinglovchida zerikish, sun'iylik hissini uyg'otadi. Bulardan tashqari matn mazmunini yoritishda pragmatik va semantik tomonlariga ham katta e'tibor qaratish lozim. Pragmatika nima, degan savolga qisqacha shunday javob berish mumkin: pragmatika – bu tilshunoslikning bir sohasi bo'lib, u til birliklarining (so'z, gap, matn) qanday sharoitda, kim tomonidan, kimga, qanday maqsadda va qanday ijtimoiy kontekstda ishlatilishini o'rganadi (Ogba & et.all., 2020). Oddiyroq qilib aytganda, tilning amalda va odamlarning o'zaro muloqotida bo'lgan paytdagi holati hamda uning ta'sirini o'rganadigan fandır. Matn pragmatikasining o'rganilish tarixi tilshunoslikda nisbatan yangi soha bo'lsa ham, biroq uning kelib chiqish tarixi qadimgi antik davrga borib taqaladi. Ya'ni, pragmatikaning ayrim g'oyalari qadimgi yunon faylasuflari, ayniqsa, Aristotel, Sokrat va Platon asarlarida uchraydi. Ular til va mantiq, nutq va ta'sir o'rtasidagi bog'liqlikni muhokama qilgan. Aristotel nutqning maqsadi – tinglovchiga ta'sir o'tkazish ekanligini ta'kidlagan.

Nutqdagi leksik ma'noviy hodisalarni tahlil qilishda, o'rganishda semantikaning ham o'rni nihoyatda katta. Semantika – tilshunoslikning til birliklari mazmuni va ushbu birliklardan tuzilgan nutqiy hosilalarni o'rganadigan bo'limdir. Semantika alohida fan sifatida shakllangan, asosan, leksemaning ma'no taraqqiyoti, kengayishi, torayishi, ixtisoslashishi, vizual va okkazional ma'no, bosh va hosila ma'no, sinonimiya, antonimiya, polisemiya kabi semantik hodisalar doirasidagi masalalar tadqiqi bilan shug'ullanuvchi lingvistik soha sanaladi. Semantika, yunoncha- “sema” so'zidan olingan bo'lib, til birliklarining mazmun qiymatini, ma'nosini tahlil qiladi. (Hojiyev, 2002).

“Semantika” atamasining fanga kiritilishi va soha taraqqiyoti XIX asr oxiri – XX asr boshlariga to'g'ri kelishi haqidagi ma'lumotlar nisbiydir. Lingvistik birliklar ma'nosi Qadimgi Xitoyda eramizdan avvalgi V-III asrlarda, Qadimgi Gretsiyada va o'rta asr Yevropa an'analari, so'ngra esa Uyg'onish davri grammatikachilari va faylasuflari tomonidan tadqiq qilgan (Jerebilo, 2006). O'rta Osiyo qomusiy olimlari semantika masalalariga alohida e'tibor qaratishgan. Keyinchalik, semantikaning nazariy asoslari Alisher Navoiyning “Muhokamat-ul lug'atayn” risolasida ilmiy asosda yoritilgan (Navoiy, 2013).

Mazkur fikrlardan ma'lum bo'ladiki, pragmatika ham semantika ham juda tarixiy jarayonlardan rivojlanib kelgan. Lekin vaqtlar o'tib ular fanning bir bo'lagiga aylanishni taqazo qilgan va olimlar hali hamon matnning ma'nosida ularni farqlash muhimligini o'rganib kelishmoqda.

Tadqiqotning mulohazalar qismida mazkur nazariy qarashlar mediamatn namunasi asosida tahlil qilinib ko'rib chiqilgan va olingan xulosalar natijasida yana bir qancha ma'lumotlar taqdim etilgan.

4. Mulohaza va natijalar

Milliy matbuot tahlili shuni ko'rsatadiki, jurnalistlar me'yordan ortiq, ba'zi nuqtalarda mutlaq noo'rin, biroq avtomatik tarzda qo'llaydigan klishe-so'zlar lug'ati shakllangan. Xususan, "islohot", "tadbir", "modernizatsiya", "rekonstruksiya" singarilarni kiritish mumkin. Fikrimiz isboti sifatida quyida "Xalq so'zi" gazetasining 30-mart onlayn nashrida e'lon qilingan (2025) rasmiy xabaridan parcha keltiramiz:

"O'zbekiston Respublikasi Prezidenti Shavkat Mirziyoyev va Pokiston Islom Respublikasi Bosh vaziri Shahboz Sharif 30-mart kuni bo'lib o'tgan telefon orqali muloqotda butun musulmon ummati uchun muqaddas bo'lgan Ramazon hayiti - Iyd al-Fitr bayrami munosabati bilan bir-birlarini samimiy qutladilar. Do'st O'zbekiston va Pokiston xalqlariga tinchlik-osoyishtalik, farovonlik va ravnaq tilaklari izhor etildi.

Joriy yil fevral oyida Pokiston Bosh vazirining O'zbekistonga tarixiy tashrifi davomida erishilgan kelishuvlarni "yo'l xaritasi"ga muvofiq amalga oshirish masalalari muhokama qilindi. Vazirliklar, idoralar va tarmoqlar darajasidagi muloqotlar faollashgani va almashinuvlar samarali tus olgani alohida mamnuniyat bilan qayd etildi".

Ma'lumki, Prezident xabarnomalari, asosan, davlat rahbarlari haqidagi ma'lumotlarni yoritganligi bois yuqori darajadagi rasmiy til va ifodani talab qiladi. Bunda esa so'zlar aniq, ravshan va sodda bo'lishi kerakligini taqazo qiladi. Albatta, omma qabul qilishi uchun tushunarli til ishlatilishi bilan rasmiylikni saqlashga, ortiqcha takrorlardan holi matn tuzishga erishish mumkin. Lekin biz yuqoridagi matnda buning aksini ko'rishimiz mumkin. Ya'ni xabarnomada "butun musulmon ummati uchun muqaddas" jumlasining ortiqcha ekanligini ko'rish mumkin. Mazkur qolip birikma matnni uslub jihatidan g'aliz qilgan, natijada rasmiy uslub qoidalari buzilishiga sabab bo'lgan. Bu yerda jumlaning klishe tarzda berilgan desak, xato bo'lmaydi. Chunki bunda birikma ko'proq badiiy matnda keltiriladigan tasviriy ifodani eslatadi. Yana shu gapning oxirida keltirilgan "samimiy qutladi" so'z birikmasini rasmiy uslubga mos tarzda berish yoki "samimiy" so'zini keltirmasdan, "tabrikladi" shaklida qisqa va lo'nda berish mumkin. Chunki "samimiy qutladilar" birikmasi matnni emotsional jihatdan kuchaytiradi va usluban boyitadi. Vaholanki, rasmiy uslubda bo'yoqdorlik emas, balki aniq va ravon fikr zarur (Nuriddinova & Shodiyeva 2023). Matndagi

keyingi gap tarkibidagi birikmalarga e'tibor qaratsak, bu yerda "tinchlik-osoyishtalik, farovonlik va ravnaq tilaklari izhor etildi", birikmasi ham badiiy uslubga xos. Mazkur gapda "izhor etildi" birligi o'rnida rasmiy uslub qoidalariga muvofiq tarzda "tinchlik, farovonlik va ravnaq tiladi" qolip birikmasini qo'llash maqsadga muvofiq bo'ladi. Ta'kidlash jozki, har qanday uslubda yozilgan jumlaning yoki matnning pragmatik va semantik tomonlari doimo muhim ahamiyat tutadi. Matn tarkibidagi qolipli birikmalarni tahlil qilsak, pragmatik jihatdan noo'rin qo'llanilgan til birliklarini takroran ko'rishimiz mumkin, misol uchun "tarixiy tashrif" so'z birikmasi bu yerda mutlaqo ortiqcha. Chunki har qanday rasmiy davlat tashriflari, albatta, tarixga muhrlanadi, buni xabarda yoritish shart emas. Agar yoritiladigan bo'lsa, oddiy xalq buni "tarixda birinchi bor bo'layotgan tashrif" sifatida qabul qilishi mumkin. Shu bilan birga, matn tarkibida berilgan "yo'l xaritasi"ga muvofiq" iborasi barchaga tushunarli bo'lmasligi mumkin. Bu o'rinda "tasdiqlangan reja asosida bosqichma-bosqich ish olib borish" jumlasidan foydalanish maqsadga muvofiq.

Biz rasmiy xabarnomalar matnini yozganimizda jarayonning aniqligini qat'iy ifodalashimiz, hissiyotlarni bermasligimiz muhim. Bunday talablarni teran bilish va uslubni to'g'ri tanlash bizni mukammal matn yaratishimizni ta'minlaydi. Afsuski, yuqoridagi kabi rasmiy xabarlar, maqolalar boshqa gazetalarda ham mavjud. Ayniqsa, bu qolip gaplardan foydalanishda yorqin ifodalanmoqda. Vaholanki, yuqoridagi so'z va so'z birikmalarining o'nlab sinonimik variantlari mavjud. Qolip gaplardan foydalanish milliy matbuotda bir xil jumalarning takror va takror kelishiga olib keladi. Quyida tahliliy misollar orqali fikrimizni isbotlashga harakat qilamiz:

"Yangi O'zbekiston" gazetasining 2025-yil 18-fevral sonida chop etilgan "O'zbekiston – Kuvayt munosabatlarini keng qamrovli sheriklik darajasiga olib chiqqan samarali uchrashuvlar" sarlavhali maqolasidagi: "Yetakchilar xalqaro va mintaqaviy ahamiyatga molik dolzarb masalalar yuzasidan ham fikr almashdilar" (2025) jumlasini bilan ushbu gazetaning 2025-yil 10-may sonida chop etilgan "O'zbekiston xalqi ulkan jasorat va yuksak insonparvarlik namunasini ko'rsatib, buyuk g'alabaga munosib hissa qo'shgan" maqolasidagi: "O'zbekiston va Rossiya yetakchilari xalqaro ahamiyatga molik masalalar yuzasidan ham fikr almashdilar" (2025) jumlasini hamda shu gazetaning 2023-yil 22-fevral sonida nashrdan chiqqan "O'zbekiston – Misr hamkorligida yangi davr boshlanmoqda" sarlavhali: "Davlat rahbarlari xalqaro va mintaqaviy ahamiyatga molik dolzarb masalalar yuzasidan fikr almashdilar" maqolasidagi ayrim jumlar deyarli bir xil qolipda yozilgan. Ya'ni, bu maqolalarda "xalqaro ahamiyatga molik masalalar yuzasidan ham fikr almashdilar" (2023) jumlasini bir xil

qolipda qo'llanilgan. Yuqoridagi har uchala jumlaning qurilishi va leksik tarkibi bir xil. Bu holat misol tariqasida tanlab olingan gazetadagina emas, deyarli barcha matbuot nashrlarida eng ko'p ko'zga tashlanadigan kamchiliklardan sanaladi.

Xuddi shunday misolni "Vatanparvar" gazetasining bir nechta maqolalarida ham kuzatishimiz mumkin. Xususan, gazetaning 2025-yil 23-may sonida nashrdan chiqqan "To'rt urinishda to'rt yuqori natija" (Ro'ziboyev, 2025) sarlavhali maqolaning o'zida ikki o'rinda "amalda isbotladi" iborasini kuzatsak, shu gazetaning 2025-yil 9-may sonida berilgan "Jadidchilik" (Ahmedov va Safaraliyev, 2025), "Yoshlar amaliy o'q otish mashg'ulotlarida" (2025) maqolalarida ushbu qolib ifodadan foydalanilganligini ko'rishimiz mumkin. Milliy matbuotimizda bu kabi klishe'lar matbuot uslubiga qarab, o'zgarib turadi. Maslan, "Yangi O'zbekiston" gazetasida "ahamiyatga molik masalalar yuzasidan" qolib ifodasidan ko'p foydalanilsa, "Vatanparvar" gazetasida "amalda isbotladi", "amalda namoyon qildi" singari ifodalar bot-bot ko'zga tashlanishini ko'rish mumkin.

Sinonimlardan foydalanmaslik u yoki bu so'zning ko'p marotaba takrorlanishi, pirovardida maqola ichki leksikonining haminqadar bo'lishiga olib keladi. Masalan, "Jadid" gazetasida chop etilgan "Komilalik tarifi" sarlavhali maqolada (G'offorova, 2025) "ayol" so'zi 20 marotaba takrorlangan.

Bir xil klishe'lardan foydalanish, ayniqsa, rasmiy xabarlarda ko'p uchraydi, har doim kerakli, qiyin vaziyatdan chiqaruvchi reja bo'lib qolgan desak ham bo'laveradi. Masalan, "O'zbekiston adabiyoti va san'ati" gazetasida (2023-yil 24- fevral №7) "Millatni ziyoli onalar tarbiyalaydi" nomli maqolada, "Hukumat idoralari tadbirkorlarning muqobil energetika loyihalarini amalga oshirish borasidagi tashabbuslarini qo'llab-quvvatlashga alohida e'tibor qaratadi", yoki "Jamoatchilik vakillari bilan uchrashuvda Prezident maktabgacha va maktab ta'limi masalalariga ham alohida to'xtaldi", kabi kichik ko'chib yuruvchi jumlar ko'plab keltirilgan. Bunday qolipli gaplar hamma uchun qulay bo'lib qolgan. "Tashrifdavomida", "ma'lumki", "ta'minlash" kabi so'zlar keragidan ortiq ishlatilgan. Bu so'zlarning o'rniga sinonimlarini ishlatish kerak, aslida.

Bunday holat nafaqat rasmiy uslubdagi maqolalar, balki ilmiy, badiiy uslublarda ham juda serob. Yana "O'zbekiston adabiyoti va san'ati" gazetasida Almaz Ulvining "She'r-ko'ngil tug'yoni" (2023) nomli maqolasida bejirim so'zlar qo'llangan, ammo bu so'zlar barcha badiiy uslubda keng ishlatiladi, masalan "Yurakni o'rtaydigan bu misralar onani qo'msashmi yoki ona uchun nolami?!". Bu gapda "yurakni o'rtaydigan misralar" qolipi doimo she'r misralarini tarflashda ishlatiladi. U qanday ma'nodagi she'r bo'lsa ham biz uni "yurakni o'rtaydi" deb yozishga o'rganib

qolganmiz.

Adabiyotshunoslik bilan bog‘liq maqolalarning ko‘pchiligid yuqorida ko‘rib chiqilgan qolip ifodalarga o‘xshash klishelardan ko‘p foydalaniladi. “Sharq yulduzi” jurnali 2023-yil 11-sonida Yo‘ldosh Solijonovning “Isajon Sultonning badiiy olami” maqolasi tahlilga tortilganida deyarli barcha yozuvchi, adabiyotshunoslar qo‘llaydigan qolip ifodalardan foydalanilganligini ko‘rish mumkin. Masalan, “Isajon Sulton asarlari mutolaasiga kirishar ekanmiz, ko‘z o‘ngimizda darhol o‘zimizga g‘oyatda tanish rangin manzaralar, odamlar paydo bo‘ladi. Qulog‘imizga ajib ohanglar, daraxtlarning shovullashi, qushlarning chug‘ur-chug‘uri, maysalarning shitirlashi, shamolning guvullashi, yomg‘ir yog‘ishi, itlarning vovullashi-yu qo‘y-qo‘zilar ma‘rashi eshitilib turadi” (2023). Ushbu parchada adabiyotshunoslikka oid maqolalarda ko‘p uchraydigan “asarlari mutolaasiga kirishar ekanmiz”, “ko‘z o‘ngimizda”, “rangin manzaralar”, “ajib ohanglar” singari bir qator qolib ifoda va klishelardan foydalanilganini ko‘rishimiz mumkin.

Tahlillar natijasi shuni ko‘rsatadiki, klishe matn semantikasida yuzakilik, emotsional sun‘iylikni yuzaga keltiradi, natijada stilistik g‘alizlik matn saviyasini tushiradi. Ta‘kidlash joizki, klishe ma‘lum ijtimoiy guruhlar orasida umumiy tushuncha, ya‘ni kontekst hosil qilishda yordam beradi, lekin ularni maqsadga muvofiq qo‘llash joiz. Aks holda quyidagi jadvalda berilgan lisoniy-uslubiy xatoliklar yuzaga keladi:

Klishe ibora	Stilistik inersiya sifatidagi holati	Matn semantikasiga ta‘siri
Yurakni o‘rtaydigan bu misralar onani qo‘msashmi yoki ona uchun nolami?	Oddiy hissiy holatni kuchaytirib berish	Emotsional ta‘sir yo‘qotadi, chunki ko‘p ishlatilgan
Barcha sohalarda izchil amalga oshirilayotgan chora-tadbirlar o‘zining yuksak samaralarini bermoqda.	Asosiy mohiyatdan chalg‘itadi	O‘quvchi uchun falsafiy emas, odatiy eshitiladi
Binobarin, izchil amalga oshirilayotgan islohotlar tufayli barcha sohalarda yuqori samaradorlikka erishilyapdi.	Tayyor qolip birikma qo‘llanishi natijasida matnning asl mohiyati g‘alizlashgan	Fikriy izchillik yo‘q, asl mohiyat noaniq.

Hukumat idoralari tadbirkorlarning muqobil energetik loyihalarini amalga oshirish borasidagi tashabbuslarini qo'llab-quvvatlashga alohida e'tibor qaratadi.	Klishe natijasida mavhum mohiyat yuzaga kelgan.	Subyektiv fikrlar ifodasida aniqlik kamayadi.
Isajon Sulton asarlari mutoalasiga kirishar ekanmiz, ko'z o'ngimizda darhol o'zimizga g'oyatda tanish rangin manzaralar, odamlar paydo bo'ladi	Matn mazmuniga yangilik qo'shmaydi	Natijada matn mazmuni umumiy bo'lib qoladi

Tadqiqot natijalari shuni ko'rsatadiki, milliy matbuot tilida klishe'lardan foydalanish holatlari yuqori bo'lib, bu holat tilning ifodaviy imkoniyatlarini cheklaydi, matnning stilistik boyligini kamaytiradi. Tahlil etilgan misollar asosida shuni aytish mumkinki, matbuot tilini zamonaviy adabiy til mezonlariga moslashtirish uchun jurnalistik ta'limda tahrir madaniyatini chuqur o'rgatish, amaliy mashg'ulotlarni kuchaytirish zarur. Xususan, imloviy, uslubiy va kontekstual jihatdan izchil ishlangan matnlar auditoriyaga samarali ta'sir ko'rsatishi mumkin. Shuningdek, so'z boyligini oshirish, sinonimlardan faol foydalanish va qolip ifodalardan voz kechish orqali matnlar ta'sirchanligi oshiriladi.

Bugungi kunda media sohasi vakillarining faqat bir tomonlama bilimga ega bo'lishi natijasida, ular aynan tildagi mana shunday klishe'lar, pragmatik, semantik yondashuvlarning muhimligidan, ya'ni til birliklarini muayyan kontekstga bog'liq ravishda ishlatilishidan bexabarligi yoki bunga rioya qilmasligi natijasida matbuotda biz na'munalarda ko'rsatganimiz kabi qo'pol xatoliklar yuzaga kelishi kuzatilmoqda. Vaholangki, bugungi kunda sun'iy intellektning rivojlanishi natijasida mediamatnlar tahririda ham yangidan yangi imkoniyatlar yuzaga kelmoda. "Sun'iy intellektdan foydalangan holda o'zbek tilidagi matnlarni tahrirlash texnologiya va inson ijodining o'zaro ta'sirini butunlay yangi qirralarda ochib berib, tarmoqlar bo'ylab son-sanoqsiz imkoniyatlarni taqdim etadi" (Nazarova, 2024). SI vositalari yordamida matn yozish yoki tahrirlash borasida qilinadigan ishlar ko'p bo'lishiga qaramasdan, matn tarkibidan qolip ifodalar va takror jummalarni topish, ularni sinonim muqobillariga almashtirish

imkoniyati mavjud. Natijada, matnda berilayotgan axborat mushtariylar va tinglovchilarni zeriktirmasdan, axboratlarni to'liq va ishonchli manbalar bilan asoslash imkonini beradi. Yuqorida sanab o'tilgan bir qator kamchiliklar, shu va shunga o'xshash holatlarning yagona yechimi – media sohasi vakillarining yanada chuqurroq ilm olishi, nafaqat media sohasidagi bilimlarni rivojlantirish, balki eng so'nggi lingvistik tadqiqotlarni ham yaxshi bilish, o'rganib borishni talab qiladi. Bu esa bugungi kunda pastlab borayotgan bosma nashrlar darajasining oshishiga, matbuot sohasida sifatlilikka, gazeta, jurnallar va umuman mediaga bo'lgan qiziqishlarning ortishiga sabab bo'ladi.

5. Xulosa

Maqolada keltirilgan tahlil natijalaridan kelib chiqib, quyidagicha xulosalarga ega bo'ldik:

Birinchidan, klishelarning ko'pligi matbuot tilida ifodaviylikni cheklaydi, matnlarni stilistik jihatdan g'alizlashtiradi va o'quvchi uchun zerikarli kontent beradi.

Ikkinchidan, lingvopragmatik va semantik xatolar ayniqsa, rasmiy xabar va maqolalarda ko'p kuzatilmoqda. Aynan “xalqaro ahamiyatga molik masalalar yuzasidan fikr almashdilar” kabi tayyor qoliplar matn ifodasini susaytiradi.

Uchinchidan, stilistik inersiya hodisasi – tilda biror ifoda yoki ibora ma'nodagi yangilikni yo'qotgan holda odatga aylanishini bildiradi – bu holat OAV tilida keng tarqalgan.

To'rtinchidan, OAVda lingvistik tafakkur va uslubiy tafovutlar inobatga olinmasligi tufayli turli sohalar va matnlar uchun yagona qoliplar ishlatilmoqda.

Beshinchidan, tadqiqotlar shuni ko'rsatmoqdaki, “tashrif davomida”, “amalda isbotladi”, “xalqimiz azaldan mehnatkash”, “tinchlik-osoyishtalik, farovonlik va ravnaq” kabi qolip ifodalar ortiqcha emotsional yoki mafkuraviy yuklama beradi.

Aniqlangan kamchilik va ilmiy xulosalarni umumlashtirgan holda quyidagi taklif va tavsiyalarni ishlab chiqdik:

Birinchidan, jurnalistlar va muharrirlar uchun uslubiy qo'llanma ishlab chiqish:

– matnlarda klishe va qolip ifodalardan qochish bo'yicha amaliy tavsiyalar;

– sinonimik ifodalardan foydalanish uchun lug'at yaratish;

– rasmiy, badiiy, ilmiy, tahliliy uslublar orasidagi farqlarni ko'rsatib beruvchi metodik vositalar ishlab chiqish.

Ikkinchidan, matnlarni SI yordamida avtomatik analiz qilish tizimlarini ishlab chiqish:

– matn ichida klishe iboralarni aniqlovchi sun'iy intellekt moduli;

– uslubiy takror va semantik noaniqliklarni ko'rsatib

beruvchi tahrir vositasi.

Uchinchidan, tahrir etilgan maqolalarda yangilik, betakrorlik va ifodaviylik darajasini o‘lchovchi mezonlarni ishlab chiqish:

- leksik xilma-xillik ko‘rsatkichi;
- klishesizlik indeksi;
- kontekstga muvofiqlik va adresatlilik bahosi.

To‘rtinchidan, media monitoring tizimini joriy qilish:

- rasmiy gazetalar va yangilik portallarini klishe ishlatilishi bo‘yicha monitoring qilish;
- tahririylarga stilistik tahlil hisobotlarini taqdim etish.

Foydalanilgan adabiyotlar ro‘yxati

Abdusaidov, A. (2004). Jurnalistning tildan foydalanish mahorati. Samarqand. URL: https://tsuull.uz/sites/default/files/anjuman_toplami_2021yil_15-sentabr.pdf (Murojaat sanasi 25.05.2025).

Abdusaidov, A. (2005). Gazeta janrlarining til xususiyatlari. Filol. fan. doktori. Avtoreferat. Toshkent. URL: <https://uzswlu.uz/backend/web/files/Israil%20Mukaddas.%20Avtoreferat.pdf> (Murojaat sanasi 25.05.2025).

Abdusaidov, A. (2014). Jurnalistning tildan foydalanish mahorati. Samarqand. URL: <https://api.ziyonet.uz/uploads/books/757053/5c0a0bca77dde.pdf> (Murojaat sanasi 25.05.2025).

G‘afforova, Z. (2024). Komilalik sari. Jadid, 45(45), 5. URL: <https://oyina.uz/storage/publications/November2024/BtmINw4rIcfMEacP4uVR.pdf> (Murojaat sanasi 25.05.2025).

Hojiyev, A. (2002). Tilshunoslik terminlarining izohli lug‘ati. Toshkent: O‘zbekiston Milliy Ensiklopediyasi. URL: <https://library.uzfi.uz/ebooks/view?id=22205> (Murojaat sanasi 25.05.2025).

Nazarova, M. Y. (2024). Sun‘iy intellekt va muharrir tomonidan tahrirlangan matnlarning qiyosiy tahlili. O‘zbekistonda xorijiy tillar, (6), 107–120. DOI: <https://doi.org/10.36078/1735296072>

Nuriddinova, R., & Shodiyeva, A. (2023). Rasmiy va ilmiy uslublarning bog‘liqligi va farqli jihatlari. Models and Methods in Modern Science, 2(4), 151–154. DOI: <https://doi.org/10.5281/zenodo.7794605>

Teshaboyev, D. (2020). Medialingvistika: Mediamatnning diskursiv paradigmasi. Medialingvistikaning dolzarb masalalari: xalqaro ilmiy-amaliy konferensiya to‘plami. URL: <https://conference.fledu.uz/wp-content/uploads/sites/6/2023/05/medialingvistika-tuplam.pdf> (Murojaat sanasi 25.05.2025).

Виноградов, В. В. (1963). Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. Москва. Наука. URL: https://biblio.imli.ru/images/abook/teoriya/Poetika_i_stilistika_russkoj_literatury_1971.pdf (Дата обращения: 25.05.2025).

Опарина, Е. О. (2021). Медиатекст: семантика и прагматика. Социальные и гуманитарные науки, 1(6), 114–121. DOI: <https://doi.org/10.31249/ling/2021.01.08>

Amis, M. (2018). Martin Amis, Style Supremacist. *The New Yorker*. Retrieved May 25, 2025 from <https://www.newyorker.com/magazine/2018/02/05/martin-amis-style-supremacist>

Bell, A. (1991). *The Language of News Media*. Oxford. Blackwell. Retrieved May 25, 2025 from <https://www.cambridge.org/core/journals/language-in-society/article/abs/allan-bell-the-language-of-news-media/4C39AE5618D61FC7CE948EF4BC8294A6>

Hall, S. (1997). *Representation: Cultural Representations and Signifying Practices*. London. Sage Publications. Retrieved May 25, 2025 from https://fotografiaetoria.wordpress.com/wp-content/uploads/2015/05/the_work_of_representation_stuart_hall.pdf

Leech, G. N. (1983). *Principles of Pragmatics*. London. Longman. Retrieved May 25, 2025 from https://www.academia.edu/49346281/Notes_from_Geoffrey_Leechs_Principles_of_Pragmatics

Ogba, T. I., Awa, J. O., & Ogayi, M. C. (2020). Pragmatics: The Study of Its Historical Overview, Meanings, Scope and the Context in Language Use. *IOSR Journal of Humanities and Social Science*, 25(6, Series 3), 51–57. DOI: <https://doi.org/10.9790/0837-2506035157>

Van Dalen, A., & Albæk, E. (2023). Seeing the Whole Picture: Towards a Multi-perspective Approach to News Content Diversity. *Journalism Studies*. Retrieved May 25, 2025 from <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/1461670X.2023.2178248>

Mualliflar haqida:

BURANOVA Barno Menglibayevna — O‘zbekiston jurnalistika va ommaviy kommunikatsiyalar universiteti “O‘zbek tili va adabiyoti” kafedrasida dotsenti, PhD., buranovabarno17180915@gmail.ru

ATABAYEVA Hojarbibi Yarash qizi — O‘zbekiston jurnalistika va ommaviy kommunikatsiyalar universiteti birinchi bosqich tayanch doktoranti, atabayevahajarbibi@gmail.com

LINGUOPRAGMATIC APPROACHES IN MEDIA TEXT ANALYSIS

Abstract: The article primarily analyzes instances of linguistic and stylistic norm violations in press language, particularly the issue of excessive use of clichés that reduce functional effectiveness, based on a scientific and theoretical approach. The research is conducted using newspaper and magazine texts, examining the typology of speech patterns, their stylistic, pragmatic, and semantic features, as well as methods to limit their use. As a result, specific recommendations are formulated to expand the expressive capabilities of press language and ensure its compliance with literary language norms.

Keywords: cliché, literary language, stylistic norm, press language, stylistic error, synonymy, dominant word, pragmatics, semantics

About the authors::

BURANOVA Barno Menglibayevna — Associate Professor of the “Uzbek Language and Literature” Department at the University of Journalism and Mass Communications of Uzbekistan, PhD., buranovabarno17180915@gmail.ru

ATABAYEVA Hojarbibi Yarash qizi — First-year doctoral student at the University of Journalism and Mass Communications of Uzbekistan, atabayevahajarbibi@gmail.com

ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ В АНАЛИЗЕ МЕДИА-ТЕКСТА

Аннотация: В статье, прежде всего, анализируются случаи нарушения лингвистических и стилистических норм в языке прессы, в частности, проблема чрезмерного использования клише, снижающих функциональную эффективность, на основе научно-теоретического подхода. Исследование проводится с использованием газетных и журнальных текстов, изучая типологию речевых паттернов, их стилистические, прагматические и семантические особенности, а также методы ограничения их использования. В результате сформулированы конкретные рекомендации по расширению выразительных возможностей языка прессы и обеспечению его соответствия нормам литературного языка.

Ключевые слова: клише, литературный язык, стилистическая норма, язык прессы, стилистическая ошибка, синонимия, доминирующее слово, прагматика, семантика

Об авторах:

БУРАНОВА Барно Менглибаевна — доцент кафедры “Узбекский язык и литература” Университета журналистики и массовых коммуникаций Узбекистана, кандидат технических наук., buranovabarno17180915@gmail.ru

АТАБАЕВА Ходжарбиви Яраш кизи — докторантка первого курса Университета журналистики и массовых коммуникаций Узбекистана, atabayevahajarbibi@gmail.com

МЕЖДУНАРОДНЫЕ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ НОРМЫ ЭТИКИ В ЖУРНАЛИСТСКИХ РАССЛЕДОВАНИЯХ

Равшан Мухиддинов,
Университет журналистики и массовых коммуникаций Узбекистана

Аннотация: Статья посвящена анализу этических и нормативных основ, регулирующих деятельность журналистов в сфере расследовательской журналистики. Рассматриваются международные и национальные кодексы — включая Декларацию принципов поведения журналиста Международной федерации журналистов, SPJ Code of Ethics, Прессекодекс Германии, а также законодательные и профессиональные нормы, действующие в Республике Узбекистан. Особое внимание уделено универсальным принципам: уважению к правде, защите конфиденциальности, объективности и социальной ответственности. Подчеркивается роль этики как ключевого инструмента формирования общественного доверия и обеспечения баланса между правами личности и интересами общества.

Ключевые слова : журналистские расследования, этика журналиста, профессиональные стандарты, конфиденциальность источников, язык в журналистике, манипулятивные стратегии, свобода слова, общественный интерес, правовая ответственность, медиа-этика, речевая стратегия.

1. Введение и гипотеза

Журналистские расследования являются одной из наиболее ответственных и значимых форм журналистской деятельности. Их основной задачей выступает выявление скрытых, социально значимых фактов, часто связанных с нарушением прав, злоупотреблениями властью, коррупцией и иными формами общественной несправедливости. Именно поэтому к жанру расследования предъявляются повышенные требования не только в части точности и документальной обоснованности, но и в сфере этики и языка изложения. Вопросы профессиональной этики становятся особенно острыми в ситуациях, когда журналисту приходится балансировать между интересами общества и правами отдельных лиц, между стремлением к разоблачению и обязанностью соблюдать уважение к частной жизни.

Особое значение в связи с этим приобретает языковое оформление расследовательского материала. Не менее, чем факты, именно форма подачи информации — выбор лексики, интонации, стилистических и риторических средств — влияет на восприятие, доверие аудитории и возможные правовые последствия. Язык становится не только способом передачи информации, но и средством воздействия: он может усиливать обвинение или смягчать тональность, формировать образ виновности или оставлять пространство для сомнения. Этические нормы, регулирующие поведение журналиста при

DOI:
[https://doi.org/10.62499/
ijmcc.vi9.128](https://doi.org/10.62499/ijmcc.vi9.128)

Цитировать:
Мухиддинов, Равшан. 2025.
МЕЖДУНАРОДНЫЕ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ НОРМЫ ЭТИКИ В ЖУРНАЛИСТСКИХ РАССЛЕДОВАНИЯХ. Международный журнал медиа и коммуникаций в Центральной Азии. 9: 28-40.

подготовке расследования, закреплены как в международных, так и в национальных кодексах профессиональной этики. Однако на практике каждое расследование предполагает принятие множества моральных и речевых решений, не всегда укладывающихся в формальные рамки. Редакционные стандарты, внутренняя ценностная позиция журналиста, давление аудитории и даже интуиция — все это влияет на итоговую публикацию.

Настоящая статья посвящена комплексному рассмотрению двух взаимосвязанных аспектов: этики и языка в журналистских расследованиях. В ходе анализа особое внимание уделяется моральным дилеммам, возникающим в процессе подготовки расследовательских материалов, а также особенностям речевых стратегий, влияющих на восприятие информации и формирование общественного мнения. Объективность, допустимые границы интерпретации, конфиденциальность источников, манипулятивный потенциал языка, необходимость соблюдения стандартов уважения к личности — все эти аспекты рассматриваются в тесной взаимосвязи как составляющие профессионального мастерства и общественной ответственности журналиста.

Статья обосновывает необходимость сознательного и ответственного подхода к языковым и этическим решениям в журналистских расследованиях, а также акцентирует внимание на стандартах, регулирующих качество медиа-практики в условиях повышенного доверия и социальной значимости жанра.

2. Обзор литературы

Актуальность научных исследований особенностей журналистики расследований в связи с соблюдением (нарушением) профессиональных этических норм продолжает сохранять высокую актуальность. В последние годы по исследуемой теме опубликованы тысячи работ с различной спецификой. Так, о важности учета этических норм в эпоху искусственного интеллекта говорится в работе “Этика и проблемы журналистики в век искусственного интеллекта: общение с профессионалами и экспертами” (Gutiérrez-Caneda, Lindén, and Vázquez-Herrero, 2024). Этой теме посвящено также исследование коллектива авторов “Разработка эффективных и ценностно-ориентированных инструментов искусственного интеллекта для журналистов: 12 важных вопросов для размышления” (Cordero and ot., 2025).

Об опасностях, возникающих в связи с растущей доступностью онлайн-данных в методиках исследований с открытым исходным кодом (OSINV), которые становятся все

более популярными в журналистике, говорится в исследовании “Этика расследований с открытым исходным кодом: преодоление проблем конфиденциальности в ‘серой зоне’ информационного ландшафта” (van der Woude, Dodds & Torres, 2024).

В статье “Переосмысление медиасистемы Халлина и Манчини: трансграничные сети расследований в Европе” ее автор анализирует, как трансграничная журналистика расследований (СВИ) расширила параметры медиасистемы, описанной Халлином и Манчини (2004), добавив новые индикаторы для адаптации ее к парадигме глобальных конвергентных медиа (Romero-Domínguez, 2024).

Для целей использования эмпирического метода компаративного анализа международных и национальных этических норм в работе используются тексты таких документов, как “Кодекс профессиональной этики журналистов” (The Code, 2025), “Глобальная хартия журналистской этики” (Global, 2025) и др.

3. Методы

В настоящей работе используется как теоретический метод анализа жанровых характеристик журналистского расследования, так и эмпирический метод компаративного анализа лексики, используемой в журналистских расследованиях, а также международных практик и норм в области профессиональной журналистской этики.

Журналистское расследование представляет собой особый жанр журналистики, ориентированный на выявление скрытых, социально значимых фактов. В отличие от обычной информационной подачи, расследование требует от журналиста не только высокой профессиональной подготовки, но и готовности брать на себя значительную степень ответственности как перед обществом, так и перед законом. По определению А.А.Тертычного, «цель журналистского расследования прежде всего и заключается в том, чтобы определить эти корни, причины, обнаружить скрытые пружины, приведшие в действие некий механизм, породивший вполне конкретный результат» (Tertychny, 2017).

Основной характеристикой расследования является его инициативный характер: журналист сам выбирает объект, тему, структуру и методы сбора информации. Важнейшими признаками жанра считаются глубина и системность анализа, доказательственная база, наличие конфликта интересов, а также наличие исследовательской версии. Часто журналистское расследование обращается к темам, связанным с коррупцией, злоупотреблением властью, нарушениями прав

человека, экологическими и социальными проблемами. Исторически жанр получил развитие в англоязычной журналистике: примером может служить деятельность Боба Вудворда и Карла Бернштейна, опубликовавших в газете The Washington Post расследование по делу Уотергейт, которое привело к отставке президента США Ричарда Никсона.

Современная практика показывает, что расследовательская журналистика продолжает играть важную роль в обеспечении прозрачности и подотчетности институтов власти. В то же время ее развитие сопровождается ростом рисков: журналисты подвергаются давлению, судебным искам, а в некоторых странах — и угрозам физической безопасности. Это особенно актуализирует вопросы этики и языка, так как любое нарушение профессиональных стандартов может быть использовано в качестве инструмента дискредитации не только отдельного расследования, но и всей редакции.

4. Результаты

Этика журналистики — особенно в ее расследовательском измерении — представляет собой совокупность нормативных принципов, регулирующих профессиональное поведение журналиста на всех этапах его деятельности: от сбора и анализа информации до публикации и интерпретации фактов. В центре этой системы ценностей находятся такие категории, как достоверность, справедливость, уважение к личности, приоритет общественного интереса и профессиональная добросовестность. Именно они определяют границы допустимого вмешательства в частную жизнь и меру ответственности за публичное высказывание.

Важность учета этих категорий становится особенно актуальной с наступлением эпохи искусственного интеллекта (ИИ), который, как замечают исследователи, трансформирует медиаиндустрию за счет автоматизации процессов, с применением в анализе данных, автоматизированном написании, преобразовании форматов, персонализации контента и проверке фактов. Хотя интеграция ИИ открывает новые возможности в журналистике, она также поднимает этические проблемы, связанные с конфиденциальностью данных, алгоритмическими предубеждениями, прозрачностью и потенциальным сокращением рабочих мест.

В Декларации принципов Международной федерации журналистов, принятой в Мюнхене в 1971 г., изложены ключевые обязанности и права журналиста в процессе получения, проверки и представления информации. Документ подчеркивает необходимость избегать искажения фактов, уважать частную жизнь, обеспечивать достоверность и воздерживать-

ся от необоснованных обвинений (International, 1971).

В национальном правовом контексте вопросы свободы информации регламентируются положениями Конституции Республики Узбекистан. В соответствии со статьей 33, каждому гражданину гарантируется право на свободу мысли, слова и убеждений, включая право искать, получать и распространять информацию, за исключением ограничений, установленных законом в целях защиты общественного порядка и конституционного строя (Article 33, 2025).

Таким образом, в основе журналистской деятельности в Узбекистане лежит фундаментальное конституционное право на свободное обращение с информацией, которое распространяется как на профессиональных журналистов, так и на граждан, осуществляющих общественно значимую деятельность, включая блогеров.

Профессиональная журналистика, опирающаяся на правовые и этические основания, предполагает использование легитимных методов получения информации и выполнение функции общественного контроля в интересах открытости и подотчетности государственных структур. Однако именно в этом контексте обостряются ключевые моральные противоречия, требующие особого внимания.

Одним из центральных этических вызовов в журналистских расследованиях остается соблюдение баланса между общественным интересом и правом на неприкосновенность частной жизни. При подготовке материалов, затрагивающих конкретных лиц, особенно важным становится соблюдение принципа конфиденциальности источников. Журналист обязан обеспечить защиту информаторов, особенно в случаях, когда возможны угрозы их жизни, свободе или репутации (News, 2025).

Не менее сложной этической дилеммой является работа с неполной или не до конца проверенной информацией. Даже при наличии устойчивой гипотезы журналист обязан стремиться к ее верификации, формулировать предположения с осторожностью и выражать сомнение, где это необходимо. Распространение непроверенных сведений, инсинуаций или обвинений без доказательной базы не только нарушает профессиональные стандарты, но и может повлечь за собой юридическую ответственность (Salaidinov, 2021).

Особое внимание должно уделяться согласованию участия фигурантов в расследовании. Проведение журналистского расследования в отношении человека без его ведома допустимо лишь в случае, если это оправдано значительным общественным интересом, и отсутствуют иные способы получения информации. Нарушение этого принципа может рас-

смаивриваться как вмешательство в частную жизнь или как акт диффамации (Public, 2025).

Таким образом, этика журналистских расследований требует от профессионала не только юридической компетентности, но и высокой степени рефлексии, внутренней ответственности и осознания последствий своих действий. Только строгое следование принципам объективности, верифицируемости информации, уважения к личности и приоритета общественного значения может обеспечить устойчивое доверие к расследовательской журналистике как к инструменту гражданского контроля и защиты демократических ценностей.

Язык журналистского расследования представляет собой не просто средство передачи информации, но и важнейший механизм формирования общественного восприятия, оценки фактов и доверия к источнику. В силу высокой социальной значимости и потенциальных последствий, риторика расследования требует от автора точности, ответственности и осознанного выбора лексических и стилистических средств. Каждое языковое решение в тексте расследования — это не только редакторская стратегия, но и этическая позиция, от которой зависит репутация журналиста и доверие аудитории.

Одной из ключевых функций языка в жанре журналистского расследования является конструирование смысловой картины происходящего. Журналист, воспроизводя цепь событий, не ограничивается простой передачей фактов — он неизбежно формирует у аудитории определенную интерпретацию, определяет акценты, рамки оценки и эмоциональный фон восприятия. В связи с этим особую значимость приобретают точность формулировок, корректность в использовании юридической терминологии и отказ от категоричных утверждений в отсутствие достаточной доказательной базы. Избыточно эмоциональная, ироничная или обвинительная тональность способна нарушить этические стандарты журналистики и исказить восприятие материала, снижая уровень его объективности и подрывая доверие аудитории.

На практике это проявляется, в частности, в выборе между нейтральной и экспрессивной лексикой. Рассмотрим два варианта: «чиновник допустил превышение полномочий» и «чиновник нагло злоупотребил властью». Первый пример ориентирован на юридическую точность, второй — на эмоциональный эффект. Эти два подхода различаются по своей направленности и по последствиям: первый подает информацию, оставляя читателю пространство для вывода, второй — навязывает интерпретацию. С точки зрения этики журналиста предпочтение должно отдаваться первому варианту.

Особое внимание в языке расследований уделяется за-

головкам и подзаголовкам, так как они становятся первыми элементами, формирующими восприятие текста. Исследователи отмечают, что заголовок может выступать инструментом как информационного, так и манипулятивного воздействия (Varzarova, 2022). Так, примеры вроде «Кто стоит за коррупцией в администрации города?» или «Тайные миллионы министра» демонстрируют, насколько опасным может быть чрезмерно оценочный заголовок. Этический подход требует от журналиста формулировать заголовки так, чтобы они не вводили в заблуждение и не создавали у аудитории предвзятого отношения до прочтения основного текста.

Дополнительную сложность представляет работа с метафорами и образными выражениями. Хотя они усиливают выразительность текста и привлекают внимание читателя, в контексте расследования их использование должно быть предельно осторожным. Метафора может исказить юридическую суть вопроса или трансформировать серьезную проблему в публицистическое клише.

Не менее важен вопрос соблюдения принципов инклюзивного и уважительного языка в отношении всех участников расследования. Даже в случае, если факт нарушения установлен, журналист обязан избегать лексики, которая может быть воспринята как дискриминирующая, стигматизирующая или уничижительная. Языковая агрессия, даже оправданная праведным гневом автора, подрывает объективность материала и нарушает журналистские стандарты.

Таким образом, язык в журналистских расследованиях представляет собой не только технический, но и этико-профессиональный инструмент. Его осознанное использование — ключ к формированию доверия аудитории, соблюдению журналистских стандартов и защите репутации как отдельного журналиста, так и всей редакции.

5. Обсуждение

Практика журналистских расследований невозможна без учета системы профессиональных стандартов, регулирующих как поведение журналиста, так и содержание его высказываний. Этические кодексы и декларации формируют не только рамки допустимого, но и профессиональное сознание журналиста, предлагая универсальные ориентиры для принятия решений в морально неоднозначных ситуациях.

Декларация принципов поведения журналиста была принята Международной федерацией журналистов (МФЖ) на Втором Всемирном конгрессе в Бордо (1954) и обновлена на XVIII Конгрессе в Хельсинки (1986) (IFJ Declaration, 2025). Позднее, в 2019 г. на XXX Конгрессе в Тунисе, была утвер-

ждена Глобальная хартия этики журналистов, расширившая и конкретизировавшая положения «Декларации Бордо» (Global, 2025). Основные принципы документа сводятся к следующему: журналист обязан уважать правду, обеспечивать право общества на достоверную информацию, использовать только честные методы получения данных и проверенные источники. Особое значение придается соблюдению конфиденциальности, отказу от призывов к дискриминации, а также недопустимости таких нарушений, как плагиат, клевета, искажение фактов и получение вознаграждений за публикацию или сокрытие материалов.

Декларация и Хартия формируют этическую основу профессии и остаются универсальными стандартами, регулирующими поведение журналистов в международной практике.

В свою очередь, Кодекс этики Общества профессиональных журналистов США (The SPJ, 2025) представляет собой свод профессиональных принципов, ориентированных на поддержку высокой нравственной и профессиональной культуры в журналистике. Впервые документ был принят в 1926 г., а его актуальная редакция утверждена в 2014 г. Кодекс не является нормативно-правовым актом, но служит этическим ориентиром для журналистов вне зависимости от платформы или жанра. В его основе лежат четыре ключевых принципа: стремление к правде, минимизация вреда, независимость и прозрачность. Документ подчеркивает необходимость тщательной проверки фактов, четкого разграничения мнений и информации, уважения к личной жизни, недопустимости стереотипизации и дискриминации, а также требование журналистской ответственности перед обществом. Особое внимание уделяется защите конфиденциальных источников, недопущению конфликта интересов и открытому признанию ошибок.

Таким образом, SPJ Code of Ethics служит универсальным инструментом профессионального саморегулирования, призывающим журналистов к сознательному и ответственному выполнению своей общественной миссии.

Сравнительный анализ показывает, что несмотря на культурные и правовые различия, большинство этических кодексов опираются на общие принципы: стремление к правде, уважение к личности, недопустимость причинения вреда и необходимость служения обществу. В англоязычных странах, таких как США и Великобритания, особое внимание уделяется прозрачности в работе журналиста. Например, «Этический кодекс Общества профессиональных журналистов», о котором мы уже говорили выше, включает обязательство при-

знавать ошибки и исправлять их как можно скорее, а также отделять факты от комментариев (The SPJ, 2025).

Интересен также опыт Германии, где Прессекодекс Германии (также «Принципы публицистики») — свод этических норм, разработанный Германским советом по прессе, представлен в 1973 г. Документ действует на основе добровольного саморегулирования и распространяется на печатные и онлайн-СМИ (с 2009 года). Кодекс закрепляет принципы правдивости, достоверности, редакционной независимости, конфиденциальности источников, уважения к частной жизни и недопущения дискриминации. Средства массовой информации обязаны проверять информацию перед публикацией, оперативно исправлять ошибки и не допускать влияния частных или коммерческих интересов на содержание материалов (Ethische, 2025).

В Республике Узбекистан профессиональная деятельность журналистов регулируется рядом нормативных актов, обеспечивающих их права, обязанности и этические стандарты: Законы Республики Узбекистан «О средствах массовой информации» и «О защите профессиональной деятельности журналиста» и «Кодекс профессиональной этики журналистов», утвержденный 24 июля 2019 года на IV конференции Творческого союза журналистов Узбекистана, который определяет морально-нравственные ориентиры для работников СМИ. Документ закрепляет такие принципы, как профессиональная ответственность, объективность, достоверность информации, сохранение конфиденциальности источников, уважение к личной жизни, недопустимость плагиата и дискриминации по национальному, расовому или религиозному признаку.

С целью соблюдения этических норм был создан Общественный совет по СМИ, избираемый сроком на пять лет. Он осуществляет мониторинг и дает экспертные заключения по вопросам нарушений журналистской этики. Решения Совета носят консультативный характер и не являются основанием для юридической ответственности журналистов, что подчеркивает приоритет саморегулирования и профессиональной этической автономии в сфере узбекской журналистики (The Code, 2025).

Профессиональная деятельность журналиста, особенно в сфере расследований, невозможна без опоры на систему этических и правовых стандартов, выработанных как на международном, так и на национальном уровне. Документы, такие как Декларация принципов поведения журналиста Международной федерации журналистов, Глобальная хартия этики, Кодекс этики Ассоциации профессиональных

журналистов (США), Прессекодекс Германии, а также законодательство и Этический кодекс Республики Узбекистан, закрепляют базовые ориентиры — уважение к правде, защиту источников, независимость, недопустимость дискриминации и манипуляций.

Несмотря на различия в правовых системах, все эти документы опираются на универсальные принципы журналистской ответственности и служения обществу. Их соблюдение не только защищает профессионала от правовых рисков, но и укрепляет доверие аудитории к расследовательской журналистике как к инструменту демократического контроля и выражению гражданской ответственности.

6. Заключение

Проблематика этики и языка в журналистских расследованиях сегодня выходит за рамки профессионального дискурса и приобретает статус общественно значимого вопроса. В условиях, когда расследовательская журналистика выполняет функцию публичного контроля, разоблачения злоупотреблений и защиты общественных интересов, от уровня этической и речевой культуры журналиста зависит не только качество публикуемого материала, но и степень доверия к самой журналистике как институту.

Проведенный анализ показал, что журналистское расследование как жанр требует от автора высокой ответственности в трех взаимосвязанных плоскостях: правовой, этической и коммуникативной. Недопустимость манипуляций, искажения фактов, вторжения в частную жизнь без весомого общественного обоснования, неуважение к источнику информации или к объекту публикации — все это составляет зону профессионального риска, при нарушении которой страдает не только репутация автора, но и общественное восприятие всей медийной среды.

Особую роль в обеспечении этических стандартов играет язык расследовательского текста. Именно через лексические, риторические и стилистические решения журналист конструирует реальность, передает тональность, воздействует на эмоциональную и рациональную сферу восприятия аудитории. Ошибки или предвзятые выражения, допускаемые на уровне языка, могут нейтрализовать даже самую тщательно собранную доказательную базу. Напротив, строгое следование принципам объективности, точности, дистанцированности и уважения к адресату усиливает доверие к расследованию и повышает его общественную ценность.

Международные и национальные кодексы журналистской этики, как было показано, предоставляют журналисту

не только рамки регулирования, но и ориентиры профессиональной идентичности. Они позволяют выработать внутренние этические рефлексии, необходимые в сложных ситуациях выбора и давления. Качественные расследования последних лет, выполненные с соблюдением этических норм, подтверждают: честность, доказательность и языковая сдержанность не только возможны, но и востребованы в современных условиях.

Таким образом, этика и язык в журналистских расследованиях являются не внешним ограничением свободы слова, а ее внутренним условием. Только журналист, владеющий профессиональными стандартами, способный сознательно выстраивать речевое воздействие и уважительно относиться к субъектам публикации, может быть по-настоящему свободным и в то же время — социально ответственным участником демократического общества.

Список литературы:

Article 33. (2025) Constitution of the Republic of Uzbekistan. Retrieved 02.06.2025 from https://nrm.uz/contentf?doc=719768_&products=1_vse_zakonodatelstvo_uzbekistana

Code of Ethics. (2025). Society of professional journalists. Retrieved 03.06.2025 from <https://spjdetroit.org/code-of-ethics/>

Cordero, J. M., Henn, T., Holtel, F., Sánchez Gómez, J. Á., Arenas, D., Šipka, A., & Vollmer, S. (2025). Developing Effective and Value-Aligned AI Tools for Journalists: 12 Critical Questions to Reflect upon. *Journalism Practice*, 1–20. <https://doi.org/10.1080/17512786.2025.2465894>

Ethische Standards für den Journalismus. Publizistische Grundsätze (Pressekodex). (2025). *Presserat.de*. Retrieved 03.06.2025 from <https://www.presserat.de/pressekodex.html>

Global Charter of Ethics for Journalists. (2025). *Ifj.org*. Retrieved 03.06.2025 from <https://www.ifj.org/who/rules-and-policy/global-charter-of-ethics-for-journalists>

Gutiérrez-Caneda B, Lindén C-G and Vázquez-Herrero J (2024) Ethics and journalistic challenges in the age of artificial intelligence: talking with professionals and experts. *Front. Commun.* 9:1465178. doi: 10.3389/fcomm.2024.1465178

IFJ Declaration of Principles on the Conduct of Journalists. (2025). *Ifj.org* Retrieved 03.06.2025 from <https://research.tuni.fi/ethicnet/country/ifj-declaration-of-principles-on-the-conduct-of-journalists/>

International Federation of Journalists. (1971). Retrieved 02.06.2025 from <https://www.ifj.org>

News. The latest news from the International Center for Journalists. (2025). *Icfj.org*. Retrieved 02.06.2025 from <https://www.icfj.org/news>

Romero-Domínguez, L. (2024). Redefining Hallin and Mancini's Media System: Cross-Border Investigative Networks in Europe. *Media and Communication*, 12, Article 7712. <https://doi.org/10.17645/mac.7712>

Salaidinov A. (2021). Responsibility for spreading false information has been established. What does this imply? *Kun.uz*. Retrieved

02.06.2025 from <https://kun.uz/ru/news/2021/01/09/ustanovlena-otvetstvennost-za-rasprostraneniye-lojnoy-informatsii-chto-eto-podrazumevayet?ysclid=magwb1ecno625260703>

Tertychny A.A. (2017). Genres of periodicals. Moscow. Aspect-press, 2017.

The Public College for Complaints against the Press. (2025). Retrieved 02.06.2025 from <https://presscouncil.ru/?ysclid=mbc9ehowch245118091>

The Code of Professional Ethics for Journalists. (2025). Norma.uz. Retrieved 03.06.2025 from https://www.norma.uz/nashi_obzori/u-jurnalistov_poyavilsya_kodeks_professionalnoy_etiki

The SPJ Code of Ethics at 110. (2025). Quill. A Magazine by the Society of Professional Journalists. Retrieved 03.06.2025 from <https://www.quillmag.com/2019/10/01/the-spj-code-of-ethics-at-110/>

van der Woude, M., Dodds, T., & Torres, G. (2024). The ethics of open source investigations: Navigating privacy challenges in a gray zone information landscape. *Journalism*, 0(0). <https://doi.org/10.1177/14648849241274104>

Varzapova V. Y. (2022). Methods of speech influence in the headlines of online media texts of the British quality press. *Philological Sciences. Questions of theory and practice*. Volume 15. Issue 8. Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/priyomy-rechevogo-vozdeystviya-v-zagolovkah-setevyh-mediatekstov-britanskoy-kachestvennoy-pressy?ysclid=mbc9wbr05o640613123>

Об авторе:

МУХИДДИНОВ Равшан Аббос угли — преподаватель кафедры «Медиаменеджмент и медиамаркетинг» Университета журналистики и массовых коммуникаций Узбекистана, ravshan-muhiddin@mail.ru

JURNALISTIK SURISHTIRUVLARD A XALQARO VA MILLIY AXLOQ ME‘YORLARI

Annotatsiya: Ushbu maqola jurnalistik surishtiruvlar sohasida jurnalistlar faoliyatini tartibga soluvchi axloqiy va normativ asoslarni tahlil qilishga bag‘ishlangan. Unda xalqaro va milliy axloqiy kodekslar — jumladan, Xalqaro jurnalistlar federatsiyasining “Jurnalist xulq-atvori prinsiplari deklaratsiyasi”, SPJ axloq Kodeksi, Germaniya matbuot Kodeksi, shuningdek, O‘zbekiston Respublikasida amal qilayotgan qonuniy va kasbiy me‘yorlar ko‘rib chiqiladi. Maqolada universal prinsiplarga — haqiqatga hurmat, maxfiylikni saqlash, xolislik va ijtimoiy mas‘uliyatga alohida e‘tibor qaratilgan. Axloq me‘yorlari jamiyat ishonchini shakllantirish hamda shaxs huquqlari va jamiyat manfaatlari o‘rtasida muvozanatni ta‘minlashda asosiy vosita sifatida e‘tirof etiladi.

Kalit so‘zlar: jurnalistik surishtiruvlar, jurnalist axloqi, kasbiy standartlar, manbalarni maxfiy saqlash, jurnalistik til, manipulyativ strategiyalar, SPJ axloq Kodeksi, XJF deklaratsiyasi, Germaniya matbuot Kodeksi, O‘zbekiston jurnalist axloq Kodeksi, so‘z erkinligi, jamoat manfaatlari, huquqiy javobgarlik, mediaaxloq, nutq strategiyasi.

Muallif haqida:

MUHIDDINOV Ravshan Abbos o'g'li — O'zbekiston jurnalistika va ommaviy kommunikatsiyalar universitetining "Media Menejment va media marketing" kafedrasi o'qituvchisi, ravshan-muhiddin@mail.ru

INTERNATIONAL AND NATIONAL ETHICAL STANDARDS IN
INVESTIGATIVE JOURNALISM

Abstract: This article is dedicated to the analysis of ethical and regulatory frameworks governing journalists' activities in the field of investigative journalism. It examines both international and national codes — including the Declaration of Principles on the Conduct of Journalists by the International Federation of Journalists, the SPJ Code of Ethics, the German Press Code, as well as legislative and professional norms in force in the Republic of Uzbekistan. Special attention is given to universal principles such as respect for the truth, protection of confidentiality, objectivity, and social responsibility. The article highlights the role of ethics as a key instrument in building public trust and ensuring a balance between individual rights and the interests of society.

Keywords: investigative journalism, journalistic ethics, professional standards, source confidentiality, language in journalism, manipulative strategies, SPJ code of ethics, IFJ Declaration, German press code, Uzbek code of journalistic ethics, freedom of speech, public interest, legal responsibility, media ethics, speech strategy.

About the author:

MUKHIDDINOV Ravshan Abbos ugli — is a lecturer at the Department of Media Management and Media Marketing at the University of Journalism and Mass Communications of Uzbekistan, ravshan-muhiddin@mail.ru

ПРЕВЕНТИВНО-РЕГУЛЯТИВНАЯ РОЛЬ МЕДИАГРАМОТНОСТИ В УСЛОВИЯХ МЕДИАХАЙПА

Зарифа Тажиева,
Независимый медиаисследователь

Аннотация: В цифровой медиасреде медиахайп выступает как форма краткосрочной, но интенсивной мобилизации внимания, которая сопровождается эмоциональным заражением, когнитивной перегрузкой и искажением общественного восприятия. Статья раскрывает превентивную, диагностическую, когнитивно-регулятивную и нормативно-этическую функции медиаграмотности, с фокусом на превентивную и регулятивную, как инструмента противодействия негативным эффектам медиахайпа. Проводится сопоставление механизмов медиахайпа и медиаграмотности, основанное на междисциплинарном подходе, включая когнитивные, социокультурные и алгоритмические аспекты. Также предлагается модель медиаграмотного отклика, применимая как на уровне индивидуального медиапотребления, так и в редакционных и институциональных практиках. Медиаграмотность рассматривается как основа системной информационной устойчивости в условиях постправды.

Ключевые слова : медиаграмотность, медиахайп, эмоциональное заражение, эмоциональная мобилизация, цифровая манипуляция, информационная устойчивость, критическое мышление, постправда

1. Введение и гипотеза

Современная медиасреда насыщена быстрыми потоками информации и мультимодальным контентом. По наблюдению S. Livingstone, эти характеристики существенно изменяют способы восприятия, интерпретации и переработки информации аудиторией, усиливая необходимость в критическом и осознанном медиапотреблении (2005). В этих условиях, по мнению Ш. Зубофф, теоретика цифровой эпохи и автора концепции «капитализма наблюдения», цифровые платформы всё чаще берут на себя управление вниманием пользователей, формируя так называемую архитектуру поведенческого моделирования, где информация отбирается не по достоверности, а по способности вызывать эмоции и удерживать внимание (2022).

На этом фоне особую актуальность приобретает изучение феноменов, возникающих на пересечении алгоритмической логики, медиапрактик и восприятия, в частности, медиахайпа как формы краткосрочной, но масштабной мобилизации общественного внимания. Понимание природы медиахайпа позволяет точнее определить риски искажения информационной картины мира и осмыслить роль медиаграмотности как инструмента информационной устойчивости.

Феномен медиахайпа в такой среде становится не просто маркером социальной и коммуникационной динамики,

DOI:
[https://doi.org/10.62499/
ijmcc.vi9.136](https://doi.org/10.62499/ijmcc.vi9.136)

Цитировать:
Тажиева, Зарифа. 2025.
ПРЕВЕНТИВНО-РЕГУЛЯТИВНАЯ РОЛЬ МЕДИАГРАМОТНОСТИ В УСЛОВИЯХ МЕДИАХАЙПА
Международный журнал медиа и коммуникаций в Центральной Азии. 9: 41-53

но и инструментом воздействия на когнитивные и поведенческие установки. P. Vasterman рассматривает медиахайп как самоподдерживающуюся волну новостей, инициированную конкретным событием и усиленную редакционной активностью СМИ, сопровождаемую ростом общественного возбуждения и мобилизацией (2005).

Механизмы формирования медиахайпа во многом опираются на поведенческие закономерности распространения информации, описанные М. Гладуэллом в концепции «переломного момента» (2016). Согласно его идее, массовое внимание может быть спровоцировано небольшими, но удачно сработавшими триггерами, особенно если они эмоциональны и «прилипчивы» в форме подачи.

Воздействие медиахайпа проявляется в снижении критического восприятия, усилении когнитивной зависимости и доверия к эмоционально вовлекающему, но фактологически слабо подтвержденному контенту. Эти процессы, по Зубофф, особенно усиливаются в условиях информационного переворота, то есть сдвига, при котором рациональное осмысление подменяется реактивным поведением, а потоки информации управляются не в интересах пользователя, а в интересах платформ.

В ответ на это международное экспертное сообщество, включая UNESCO, Европейскую комиссию и GAPMIL (Global Alliance for Partnerships on Media and Information Literacy), рассматривает медиаграмотность как ключевую компетенцию XXI века. Согласно определению UNESCO, медиаграмотность включает способность понимать, оценивать и критически анализировать медийные сообщения, а также создавать собственный медиа-контент в этически и социально ответственном ключе (Media, 2013).

Целью настоящей работы является выявление функциональной роли медиаграмотности в профилактике и нейтрализации негативных эффектов медиахайпа, таких как когнитивная перегрузка, тревожность, дезориентация в фактах и снижение доверия к институтам. В исследовании также рассматриваются компоненты медиаграмотности как формы защиты: фильтрация информации, распознавание манипуляций, устойчивость к эмоциональному заражению и развитие аналитического мышления. Отдельное внимание уделяется рассмотрению превентивной и регулятивной роли медиаграмотности в контексте исследования.

2. Методы и источники

Методологическая основа исследования опирается на междисциплинарный качественный подход. В работе исполь-

зуются два основных метода: элементы критического дискурс-анализа (для анализа риторики и конфликта), а также сравнительно-аналитический подход (для сопоставления механизмов медиахайпа и медиаграмотности).

Термин «хайп» (от англ. *hype*, производного от слова «*hyperbole*» — «преувеличение») возник в американском сленге 1920–1930-х годов как обозначение манипулятивного воздействия через избыточное внимание и обман. В современном медиаконтексте он сохраняет данную семантику, обозначая стимулируемый интерес, усиливаемый маркетингом или медиатехнологиями.

В научной литературе хайп соотносится с явлениями вирусного распространения, эмоционального заражения и социальной эпидемии. М. Гладуэлл ввел понятие «точки перегиба», момента, когда незначительное воздействие запускает широкомасштабную информационную волну (2016). Хайп можно рассматривать как форму социальной передачи, отличающейся высокой степенью эмоциональной восприимчивости и подражательности со стороны аудитории.

В условиях цифровой медиасреды хайп изучается на стыке социологии, психологии, медиакультурологии и алгоритмических технологий. Он представляет собой междискурсивное явление, возникающее в результате взаимодействия когнитивных уязвимостей, цифровых платформ и механизмов коллективного внимания. Его эффективность объясняется тем, что он одновременно воздействует на несколько уровней восприятия, формируя искаженную или гипертрофированную картину реальности. Это делает необходимым рассмотрение медиаграмотности как инструмента, способного снижать уязвимость к подобным формам воздействия.

Теоретической основой настоящей работы служат результаты исследований таких авторов, как P. Vasterman (2005), A.E. Boydston, A. Hardy and S. Walgrave S. (2014), Maxwell E. McCombs and Donald I. Shaw (1972), S. Livingstone, S. (2005), E. Hatfield, J.T. Cacioppo, R.L. Rapson (1993) и др.

В качестве руководства для выработки практических рекомендаций мы использовали коллективный труд под эгидой ЮНЕСКО «Руководящие принципы политики и стратегии в области медийной и информационной грамотности» (2013).

3. Результаты и обсуждение

Понятие медиахайпа (*media hype*) как теоретической категории было введено P. Vasterman, который определил его как самоподдерживающуюся волну новостного внимания, которая была инициирована конкретным событием и усилена за счёт внутренних механизмов медиапроизводства (2005). В после-

дующих исследованиях, в частности в работе A.E. Boydston, A. Hardy and S. Walgrave S. (2014), на первый план выходит схожее, но отличное по смыслу понятие медийного шторма (media storm), описываемого как внезапный, интенсивный и устойчивый всплеск внимания СМИ к событию или теме. Авторы подчёркивают, что хотя термины media hype и media storm пересекаются, они не совпадают: медиахайп связывается с преувеличением и драматизацией, в то время как media storm трактуется как аналитическая единица, позволяющая измерять интенсивность и длительность медиафокуса в зависимости от политического и социального контекста.

В результате анализа имеющихся определений хайпа, предлагается следующая формулировка: медиахайп — это краткий, но интенсивный всплеск интереса, вызванный событием и усиленный самоподдерживающимся медиапроизводством. Он характеризуется высокой степенью вовлечённости и эмоциональной реактивности аудитории, а также стремительным, зачастую экспоненциальным распространением информации в цифровой медиасреде. Медиахайп является результатом взаимодействия когнитивных, социальных и алгоритмически сконструированных механизмов, вызывающих массовую мобилизацию общественного внимания.

Важно разграничивать медиахайп от смежных понятий, таких как информационная вирусность и формирование повестки (agenda-setting). Феномен медиахайпа представляет собой не просто краткосрочный всплеск интереса к определённой теме, но системную динамику информационного воздействия, которая характеризуется высокой эмоциональной мобилизацией, алгоритмическим усилением и повторяющимся драматургическим паттерном. В отличие от понятий вирусности (virality) и формирования повестки (agenda-setting), медиахайп имеет качественно иную природу.

Вирусный контент (virality) предполагает широкое распространение информации за счёт её привлекательности или эмоционального заряда, но не обязательно включает редакционную драматургию и мобилизацию через общественные нарративы. Медиахайп, напротив, как показал P. Vasterman, представляет собой сфокусированный коллективный процесс, возникающий внутри медиапроизводства, сопровождаемый редакционной поляризацией, самоподдерживающимся усилением новостного цикла и активацией социальных акторов, включая политиков, СМИ и цифровые платформы (2005).

Также медиахайп выходит за рамки классической концепции agenda-setting, предложенной Maxwell E. McCombs и Donald I. Shaw, согласно которой медиа формируют повестку общественного внимания путём количественного акцентиро-

вания и позиционного приоритезирования тем (1972).

Системообразующими элементами медиахайпа становятся эмоциональное заражение (Hatfield, Cacioppo & Rapson, 1993), алгоритмическое усиление за счёт цифровых рекомендаций (Tufekci, 2015) и редакционные приёмы драматизации. Как указывают исследователи, медиапространство функционирует как эмоционально насыщенная среда, где новости создаются и воспринимаются сквозь призму чувств. На основе её анализа можно выделить повторяющийся цикл медиахайпа: инцидент — всплеск — вторичная реакция — спад — ретроспектива, что позволяет рассматривать медиахайп как самоподдерживающуюся структуру, способную исказить общественное восприятие (Schemer, 2021).

Исследователи выделяют ключевые признаки медиахайпа:

— драматизация событий и усиление эмоционального отклика аудитории (Hatfield, Cacioppo & Rapson, 1993),

— упрощение сложных тем до бинарных оценок. Как отмечает Л. Макинтайр, в условиях постправды происходит подмена анализа эмоциями и сокращение толерантности к нюансам (2018). При этом, как подчёркивает P. Vasterman, редакционные практики медиахайпа усиливают дихотомическую структуру повествования, поляризуя интерпретации (2005),

— цикличность: фазы «всплеска», насыщения и спада, с возможной ретроспективой и повторным возвратом в медиаполе (Vasterman, 2005),

— привлечение внимания за счёт эмоционально окрашенного контента и конфликтных нарративов (Медийная, 2012).

Среди факторов, способствующих распространению медиахайпа, исследователи выделяют снижение критического восприятия и влияние когнитивных искажений, что подчёркивается в материалах UNESCO как один из ключевых вызовов цифровой эпохи; эмоциональную мобилизацию, описанную P. Vasterman, как часть самоподдерживающегося процесса вовлечённости в медиаполе (2005); а также архитектуру цифровых платформ, нацеленную на удержание внимания за счёт приоритезации контента с высоким эмоциональным и конфликтным потенциалом (Tufekci, 2015). Хайп несёт не только краткосрочные поведенческие последствия (например, рост популярности бренда или темы), но и долгосрочные, включая:

— снижение доверия к институтам и замена экспертного знания популистскими или эмоциональными высказываниями;

— формирование ложных представлений о социальной значимости явлений;

— нормализация конфликтной риторики.

В контексте данной работы хайп рассматривается как форма медиаманипуляции, эксплуатирующая слабые когнитивные точки пользователя, и потому требует особых механизмов защиты, в том числе на уровне медиаобразования.

В научной и образовательной литературе медиаграмотность определяется как совокупность когнитивных, коммуникативных и этических компетенций, необходимых для осознанного восприятия, критического анализа, создания и распространения медиаконтента (Медийная, 2012).

В современных исследованиях медийная и информационная грамотность (МИГ, Media and Information Literacy, MIL) рассматривается не только как образовательная цель, но и как ключевой элемент формирования осознанного и устойчивого поведения в информационном обществе. Согласно определению UNESCO, МИГ включает способность получать доступ к информации, критически её оценивать, создавать медиаконтент и осмысленно взаимодействовать с медиа в контексте демократического участия (Медийная, 2012).

В модели медиаграмотности, предложенной W.J. Potter, основное внимание уделяется трём взаимосвязанным компонентам: когнитивным навыкам (анализ, синтез, дедукция, абстрагирование и др.), структурам знаний (о медиаиндустрии, типах контента, аудиториях и эффектах) и личной установке (мотивации и осознанности в отношении медиа). W.J. Potter трактует медиаграмотность как континуум, требующий постоянного развития критического мышления и рефлексии (2018).

Исследовательница S. Livingstone подчёркивает, что медиаграмотность - это не просто навык, а способность действовать в условиях когнитивной перегрузки, информационной фрагментарности и постправды (2005). В новых инициативах UNESCO и GAPMIL медиаграмотность трактуется как стратегический элемент цифровой демократии и устойчивого развития.

Ниже представлена авторская адаптация компонентов медиаграмотности, основанная на сопоставлении ведущих теоретических подходов. На основе обобщения этих подходов выделены четыре взаимосвязанных компонента медиаграмотности:

— Когнитивный компонент: понимание логики медиапроизводства, знание жанров, форматов и принципов фактчекинга.

— Критико-аналитический компонент: умение ин-

терпретировать и декодировать медиасообщения, выявлять манипуляции, аргументационные уловки и скрытые смыслы.

— Эмоционально-поведенческий компонент: регуляция вовлечённости, устойчивость к эмоциональному заражению, способность к осознанному медиапотреблению.

— Этический и гражданский компонент: ответственное участие в медиакommunikации, соблюдение цифровой этики, недопущение распространения вредоносного или дискриминационного контента.

Такая схема позволяет использовать медиаграмотность не только как образовательную категорию, но и как инструмент информационной устойчивости личности и сообщества в условиях цифровой среды, подверженной медиахайпам и платформенной манипуляции вниманием.

С учётом сопоставленного анализа механизмов медиахайпа и теоретических подходов к медиаграмотности, в настоящем исследовании предлагается классификация ключевых защитных функций медиаграмотности. Эти функции отражают различные уровни противодействия деструктивному информационному воздействию и позволяют рассматривать медиаграмотность как инструмент системной информационной саморегуляции:

1. Превентивная функция — формирование иммунитета к деструктивному контенту до контакта с ним; предотвращение некритичного распространения информации.

2. Диагностическая функция — умение выявить признаки манипулятивного воздействия, в том числе эмоциональной мобилизации, характерной для медиахайпа.

3. Когнитивно-регулятивная функция — снижение вероятности когнитивной перегрузки, активизация механизмов внимания и рациональной оценки информации.

4. Нормативно-этическая функция — отказ от участия в усилении хайпа, осознанное дистанцирование от токсичной информационной среды.

Медиаграмотность выступает не только как образовательная категория, но и как инструмент информационной саморегуляции в условиях постоянного давления со стороны медийных триггеров. Именно в этом качестве она способна противодействовать эффектам медиахайпа, обеспечивая устойчивость как на уровне личности, так и на уровне сообщества.

Рассмотрим детальнее превентивную и регулятивную функции медиаграмотности. Превентивная функция медиаграмотности проявляется на доинституциональном уровне. Её суть заключается в формировании устойчивого иммунитета к деструктивному контенту ещё до контакта с ним. Речь

идёт не только о базовых знаниях, но и о развитии внутренних фильтров, позволяющих заранее распознать потенциально манипулятивные нарративы. Такой «информационный иммунитет» формируется за счёт регулярной практики критического мышления, способности откладывать реакцию на эмоционально заряженный контент и выстраивания привычки к оценке источника, контекста и цели сообщения до его дальнейшего распространения. Превентивная функция медиаграмотности работает как барьер, снижающий восприимчивость к массовому эмоциональному заражению и предотвращающий вовлечение в медиахайп ещё на этапе его зарождения.

Регулятивная функция медиаграмотности активируется в момент контакта с информацией и отвечает за управление вниманием, когнитивной нагрузкой и эмоциональной вовлечённостью. Это способность «остановить» автоматическую реакцию, распознать паттерн, задать уточняющий вопрос к собственному восприятию, например: «Чем объясняется моё возбуждение или тревога?», «Есть ли у меня основания доверять этому утверждению?», «Что будет, если я прямо сейчас поделюсь этой информацией?». В этом аспекте медиаграмотность работает как внутренний когнитивный регулятор, который активирует осознанное восприятие и позволяет избежать втягивания в цепочку манипулятивного распространения. Особое значение здесь приобретает навык переключения, где медиаграмотный пользователь способен осознанно выйти из информационного потока, снизить плотность потребления и сохранить способность к рефлексии в условиях высокого информационного шума давления.

Следует отметить взаимосвязь превентивной и регулятивной функций. Первая обеспечивает долгосрочную устойчивость к медийному шуму, вторая позволяет сохранить осознанность в условиях непосредственного контакта с медиахайпом. Вместе они формируют основу информационной саморегуляции и позволяют воспринимать медиаграмотность не как сумму отдельных знаний и навыков, а как целостную метакомпетенцию, обеспечивающую критическое присутствие в цифровом пространстве.

Говоря о том, каким образом медиаграмотность помогает нейтрализовать эффекты медиахайпа, необходимо сравнить их механизмы. Сопоставление механизмов воздействия медиахайпа и медиаграмотности показывает, что они действуют через противоположные механизмы. Таблица ниже отражает их ключевые различия:

Механизм медиахайпа	Ответный механизм медиаграмотности
Эмоциональное заражение	Осознанное управление вовлечённостью
Упрощение информации, риторика «друзей и врагов»	Интерпретация контекста, выявление полутонов
Манипуляция страхами и социальным одобрением (FOMO)	Критическая дистанция и фактчекинг
Повторение и драматизация	Распознавание повторяющихся паттернов и анализ источника
Алгоритмическое усиление сенсации	Понимание цифровых следов и логики платформ

Таким образом, медиаграмотность работает как когнитивный фильтр, позволяющий пользователю «остановиться», оценить и не вовлекаться автоматически в распространение манипулятивного или деструктивного контента.

4. Рекомендации

Медиаграмотность актуальна не только для индивидуального потребителя, но и для редакционных коллективов, пресслужб и государственных и бизнес-структур:

— редакции могут внедрять этические фильтры на стадии заголовков и подачи материала;

— государственные структуры, различные институции давать вовремя структурированный и проверенный комментарий, снижая вероятность хайпа или эмоциональный градус.

Таким образом, медиаграмотность становится не только индивидуальной компетенцией, но и частью устойчивой информационной инфраструктуры, снижая вероятность манипулятивного хаоса и поддерживая стабильность цифровой публичной сферы.

В условиях возрастающей информационной турбулентности внедрение медиаграмотности как функциональной защиты от медиахайпа требует комплексного подхода. Ниже представлены рекомендации по следующим направлениям: редакционная практика, государственные и общественные коммуникации.

Для редакций и журналистов:

— разработка внутренних редакционных протоколов, позволяющих оценивать потенциал контента на предмет хайп-эффекта и возможного вреда;

— этический самоанализ при выборе заголовков, визуальных образов и нарративов;

— привлечение медиаграмотных экспертов на стадии освещения резонансных тем (например, кризисные спикеры, фактчекеры, медиаторы).

Для публичных коммуникаций:

— подготовка оперативных и структурированных разъяснений по горячим темам до того, как хайп станет самоподдерживающимся.

внедрение принципов MIL (Media and Information Literacy) в работу пресс-служб.

5. Заключение

В заключение следует отметить, что медиахайп — это не просто информационный всплеск, а структурированная форма цифровой манипуляции. Медиаграмотность должна рассматриваться как часть системной профилактики медийных искажений на уровне личности, редакционной практики и институциональной коммуникации.

В данном исследовании медиаграмотность была рассмотрена как функциональный и системный ответ на вызовы медиахайпа. Выявленные функции медиаграмотности позволяют не только снижать индивидуальную уязвимость, но и формировать устойчивую информационную культуру в обществе.

Список литературы:

Andrejevic, M., O'Neill, C., & Mahoney, I. (2025). "The scandal that shocked the world": conspirituality and online scam ads. *Journal of Information Technology & Politics*, 1–15. <https://doi.org/10.1080/19331681.2025.2453920>

Bajnaid, W., & Aljasir, S. (2025). Does Online Privacy Literacy Affect Privacy Protection Behaviour? A Mixed-Methods Study of Digital Media Users in the MENA Region. *Journalism and Media*, 6(1), 8. <https://doi.org/10.3390/journalmedia6010008>

Book Reviews: Emotions, Media and Politics, by Karin Wahl-Jorgensen. *Journalism & Mass Communication Quarterly*, 98(1), 319-321. <https://doi.org/10.1177/1077699020986930> (Original work published 2021)

Boydston A. E., Hardy A., Walgrave S. (2014). Two Faces of Media Attention: Media Storms vs. Non-Storms. *Political Communication*, 31 (4), 509–531. DOI: 10.1080/10584609.2013.875967.

d'Haenens, L., Vissenberg, J., Puusepp, M., Edisherashvili, N., Martinez-Castro, D., Helsper, E., Tomczyk, Ł., Azadi, T., Opozda-Suder, S., Maksniemi, E., Spurava, G., Salmela-Aro, K., Sormanen, N., Tiuhonen, S., Wilska, T., Hietajärvi, L., Martínez, G., Larrañaga, N., Garmendia, M., Oliveira-Araujo, R., Donoso, V., Pedaste, M., & Sepielak, D. (2025). Fostering Media Literacy: A Systematic Evidence Review of Intervention Effectiveness for Diverse Target Groups. *Media and Communication*, 13,

Article 8901. <https://doi.org/10.17645/mac.8901>

Gross, E., & Balaban, D. (2025). The Effectiveness of an Educational Intervention on Countering Disinformation Moderated by Intellectual Humility. *Media and Communication*, 13, Article 9109. <https://doi.org/10.17645/mac.9109>

Hatfield E., Cacioppo J. T., Rapson, R. L. (1993). Emotional contagion. *Current Directions in Psychological Science*, 2 (3), 96–100. DOI: 10.1111/1467-8721.ep10770953.

Livingstone, S. (2005). Media literacy – challenges ahead. Presentation at Westminster Media Forum: Implementing Media Literacy. Empowerment, Participation and Responsibility, 27 Oct 2005, London. London School of Economics and Political Science. Retrieved June 04, 2025 from <https://eprints.lse.ac.uk/archive/00000551>

McCombs, Maxwell E., Shaw Donald I. (1972). The agenda-setting function of mass media. *Public Opinion Quarterly*, 36 (2), 176–187. <https://doi.org/10.1086/267990>.

Media and Information Literacy: Policy and Strategy Guidelines. (2013). Published in 2013 by the United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization, 7, place de Fontenoy, 75352 Paris 07 SP, France. UNESCO, 196 p. ISBN: 978-92-3-001239-7 Retrieved June 04, 2025 from <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000225606>

Obermaier, M., Schmid, U. K., & Rieger, D. (2025). Empowerment Is Key? How Perceived Political and Critical Digital Media Literacy Explain Direct and Indirect Bystander Intervention in Online Hate Speech. *Social Media + Society*, 11(1). <https://doi.org/10.1177/20563051251325598> (Original work published 2025)

Polizzi, G. (2025). Digital literacy and strategic (dis)engagement: examining how functional and critical digital literacy shapes participation. *Information, Communication & Society*, 1–20. <https://doi.org/10.1080/1369118X.2025.2452282>

Potter, W. J. (2018). *Media literacy*. Sage publications. Retrieved June 04, 2025 from <https://books.google.co.uz/>

Tufekci Z. (2015). Algorithmic Harms beyond Facebook and Google: Emergent Challenges of Computational Agency. *Colorado Technology Law Journal*, 13, 203–218. Retrieved June 04, 2025 from <https://ctlj.colorado.edu/wp-content/uploads/2015/08/Tufekci-final.pdf>

Vasterman, P. L. M. (2005). Media-Hype: Self-Reinforcing News Waves, Journalistic Standards and the Construction of Social Problems. *European Journal of Communication*, 20(4), 508-530. <https://doi.org/10.1177/0267323105058254> (Original work published 2005)

Гладуэлл М. (2016). Переломный момент. Как незначительные изменения приводят к глобальным переменам. Пер. с англ. Москва. Манн, Иванов и Фербер, 272 с. Retrieved June 04, 2025 from <https://www.litres.ru/book/malkolm-gladuell/perelomnyy-moment-kak-neznachitelnye-izmeneniya-privodyat-8217561/chitat-onlayn/>

Зубофф Ш. (2022). Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти. Пер. с англ. А.Ф.Васильева; под ред. Я. Охонько и А. Смирнова. Москва. Издательство Института

Гайдара, 784 с. Retrieved June 04, 2025 from <https://www.rulit.me/books/epoha-nadzornogo-kapitalizma-bitva-za-chelovecheskoe-budushchee-nanovyh-rubezhah-vlasti-read-689691-1.html>

Макинтайр, Ли. (2018). Пост-правда. MIT Press, 240 с. Retrieved June 04, 2025 from <https://mitpress.mit.edu/9780262535045/post-truth/>
Медийная и информационная грамотность: программа обучения педагогов. (2012). Под ред. Алтона Гриззла и Кэролайн Уилсон; пер. Е. Малявской. Париж. ЮНЕСКО, 192 с.

Об авторе:

ТАЖИЕВА Зарифа Абдурахимовна — независимый медиаисследователь, tzarifa@gmail.com

MEDIAHAYP SHAROITIDA MEDIASAVODXONLIKNING
PREVENTIV VA REGULYATIV ROLI

Annotatsiya: Raqamli media muhitida mediayahp diqqatni qisqa muddatli, ammo kuchli safarbar etish shakli sifatida namoyon bo'ladi. Bu holat ehtirosiy yuqum, kognitiv yuklanmaning ortishi va jamoatchilik tasavvurining burmalanishi bilan kuzatiladi. Ushbu maqola mediasavodxonlikning preventiv (profilaktik), diagnostik, kognitiv-regulyativ va normativ-etik funksiyalarini ochib beradi. Asosiy e'tibor uning preventiv (profilaktik) va regulyativ funksiyalariga qaratilib, mediayahpning salbiy ta'sirini kamaytirishdagi samarali vosita sifatida o'rganiladi. Maqolada mediayahp va Mediasavodxonlik mexanizmlar taqqoslaniladi. Bu tahlil kognitiv, sotsiomadaniy va algoritmik jihatlarni qamrab olgan fanlararo tahlil asosida olib boriladi. Shuningdek, mediasavodli reaksiya modeli taklif etiladi, u nafaqat shaxsiy mediaiste'mol darajasida, balki tahririyat va institutsional amaliyotlarda ham qo'llashga mos keladi. Mediasavodxonlik posthaqiqat sharoitida tizimli axborot barqarorligining asosiy omili sifatida qaraladi.

Kalit so'zlar: mediasavodxonlik, mediayahp, ehtirosiy yuqum, ehtirosiy safarbarlik, raqamli manipulyatsiya, axborot barqarorligi, tanqidiy tafakkur, posthaqiqat

Muallif haqida:

TAGIYEVA Zarifa Abduraximovna — mustaqil media-tadqiqotchi, tzarifa@gmail.com

PREVENTIVE AND REGULATORY FUNCTIONS OF MEDIA
LITERACY IN MEDIA HYPE ENVIRONMENTS

Abstract: In the digital media environment, media hype acts as a form of short-term but intense attention mobilization, often accompanied by emotional contagion, cognitive overload and distortion of public perception. The article examines the preventive, diagnostic, cognitive-regulatory and normative-ethical functions of media literacy, with a particular focus on its preventive and regulatory dimensions as tools for countering the adverse effects of media hype. It also provides a comparative analysis of the mechanisms of media hype and media literacy, based on an interdisciplinary approach that includes cognitive, sociocultural and algorithmic dimensions. The article also proposes a model of media-literate response applicable both at the level of individual

media consumption and within editorial and institutional practices. Media literacy is conceptualized as a foundation for systemic information resilience in the post-truth era.

Keywords: media literacy, media hype, emotional contagion, emotional mobilization, digital manipulation, information resilience, critical thinking, post-truth

About the author:

TAZHIEVA Zarifa Abdurakhimovna — is an independent media researcher, tzarifa@gmail.com

ЛЕКЦИЯ № 4. СОВРЕМЕННЫЕ ТЕОРИИ СВОБОДЫ: РАЗБЕГАЮЩАЯСЯ ВСЕЛЕННАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ

Иосиф Дзялошинский,

Академия коммуникации и информации (Россия)

Аннотация: Лекция посвящена осмыслению и систематизации интерпретаций категории «свобода», сложившихся в XX веке. Выделены экзистенциалистские и либеральные подходы к пониманию свободы. Предпринят анализ дискурсивного и логико-герменевтического подходов. Показана связь свободы с привилегиями и справедливостью, изучаемая в рамках социальной философии.

Ключевые слова: свобода, теории свободы, справедливость

XX век дал такое количество подходов к пониманию феномена свободы, что для их изложения понадобится многотомная энциклопедия. В этой лекции попробуем обозначить лишь некоторые фрагменты этой противоречивой истории интерпретаций.

Экзистенциализм о свободе как творчестве

Одним из ведущих течений мысли XX века был экзистенциализм — «философия существования», рассматривавшая индивидуальную свободу как трагическую обязанность человека, проистекавшую из его абсолютного одиночества. «Значит, это и есть свобода? ...Один — и свободен. Но эта свобода слегка напоминает смерть» (Сартр, 1992, с. 157).

Используя идеи Г.В.Ф. Гегеля, Э. Гуссерля, М. Хайдеггера, переосмысливая их, Ж.-П. Сартр утверждает, что человек абсолютно свободен. Сознание, человек, свобода или бытие-для-себя — все это для него тождественно, по своей сущности и ничем не детерминировано. Человек абсолютно свободен или его нет. Каждое мгновение он выбирает самого себя. Если у Г.В.Ф. Гегеля свобода разворачивается исторически от в-себе-бытия к для-себя-бытию, то у Ж.-П. Сартра получается как бы обратное: для-себя-бытие, свобода стремится закрепить себя в-себе-бытии, но постоянно терпит поражение. Отсюда следует абсурдность человеческого бытия. Отрицая априорный характер социальности, как это было фактически у И. Канта, Г.В.Ф. Гегеля или даже у М. Хайдеггера (априорная структура *Mitsein*), он в гносеологическом отношении, согласно теории Э. Гуссерля, исходит из позиции методологического индивидуализма. Социальность, совместное бытие, бытие-для-другого — просто эмпирический факт. Но уже в работе «Бытие и ничто» Ж.-П. Сартр вынуж-

DOI:

<https://doi.org/10.62499/ijmcc.vi9.120>

Цитировать:

Дзялошинский, Иосиф. 2025. СОВРЕМЕННЫЕ ТЕОРИИ СВОБОДЫ: РАЗБЕГАЮЩАЯСЯ ВСЕЛЕННАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ

. Международный научный журнал медиа и коммуникаций в Центральной Азии. 9: 54-82

ден противоречить самому себе. Моя свобода абсолютна, но все же ограничена свободой другого, которого я встречаю повсюду. Попытки конституировать социальность как вторичный продукт от встречи с другим, ведут ко всем трудностям возникающим у него. Р. Арон — бывший друг Ж.-П. Сартра — с большим основанием упрекал его в постоянных колебаниях между волонтаризмом (анархией) и фатализмом (тоталитаризмом) (Aron, 1993/94, p. 690). Строго логически рассуждая, абсолютность свободы каждого индивида неизменно тяготеет к произволу, а последний есть неконтролируемая стихийность, которая обрекает на предопределенность, фатализм. Абсурдность бытия как раз и вытекает из этого (Бегалиева, Колядко, 2006).

Заметим, что понимание свободы как осознанной необходимости экзистенциалистов не устраивало в принципе: утверждение, будто человек свободен, если он знает законы развития общества и бытия, неверно, поскольку человек в этом случае не свободен от самой системы законов. По сути, такая свобода свободой не является. Совершая выбор, человек изменяет свою судьбу, свое существование (*exzistentio*), поэтому он обязан отказаться от принятия решений под воздействием влияния родителей и друзей, других людей, общества, государства, и принимать решения сам. Только тогда он несет ответственность за сделанный выбор. Свобода всегда личностна, — это свобода отдельного, конкретного человека. Именно поэтому экзистенциалистов не интересовала метафизика. «Мне нет нужды обращаться к метафизической проблеме свободы. Меня не интересует, свободен ли человек вообще, я могу ощутить лишь свою собственную свободу. У меня нет общих представлений о свободе, но есть лишь несколько отчетливых идей. Проблема «свободы вообще» не имеет смысла, ибо так или иначе связана с проблемой Бога. Чтобы знать, свободен ли человек, достаточно знать, есть ли у него господин. Эту проблему делает особенно абсурдной то, что одно и то же понятие и ставит проблему свободы, и одновременно лишает ее всякого смысла, так как в присутствии Бога это уже не столько проблема свободы, сколько проблема зла. Альтернатива известна: либо мы не свободны и ответ за зло лежит на всемогущем Боге, либо мы свободны и ответственны, а Бог не всемогущ» (Камю, 1990, с. 54).

Следовательно, под свободой экзистенциализм понимает свободу духа и свободу выбора: «Единственная доступная моему пониманию свобода — это свобода ума и действия. Так что если абсурд и уничтожает шансы на вечную свободу, то он представляет мне свободу действия и даже увеличивает ее. Отсутствие свободы и будущего равнозначно росту налич-

ных сил человека» (Камю, 1990, с. 54).

Для экзистенциалистов подлинной свободой является свобода творчества. «Настоящая свобода заключается лишь в творческом действии. Рыбак свободен, когда его инстинкт направляет его. Скульптор, лепящий понравившееся ему лицо, свободен. Свобода выбрать из четырех моделей автомашин "Дженерал моторс", или между тремя фильмами господина З., или между одиннадцатью блюдами закуской — карикатура свободы. Свобода лишь в том, чтобы сделать выбор между стандартными статьями в системе всеобщей схожести. Система эта дает возможность приговоренному к казни выбрать, быть ли посаженным на кол или повешенным, — и я восхищен тем, что ему предоставляется выбор! Дайте мне скорее правила игры в шахматы, чтобы меня что-то могло волновать! Скорее дороги, чтобы по ним куда-то идти! Скорее человека, созданного, чтобы быть освобожденным!..» (Мижо, 1965).

Если человек сознает, что лишь он один наделен свободой, это означает, что именно он ежеминутно всецело ответствен за то, чем он является, ни прошлое, ни его так называемая природа не определяют принимаемых им решений. «Существовать — это значит быть здесь, только и всего; существования вдруг оказываются перед тобой, на них можно наткнуться, но в них нет закономерности. Полагаю, некоторые люди это поняли. Но они попытались преодолеть эту случайность, изобретя существо необходимое и самодовлеющее. Но ни одно необходимое существо не может помочь объяснить существование: случайность — это не нечто кажущееся, не видимость, которую можно развеять; это нечто абсолютное, а стало быть, некая совершенная беспричинность» (Сартр, 1992, с. 134).

В «Критике диалектического разума» Ж.-П. Сартр старается показать, как возможна солидарность среди угнетенных слоев населения, как индивидуальная свобода преобразуется в свободу коллективов. Это получается не особенно убедительно. Свобода личности всегда и везде ограничена свободой коллектива, к которой личность принадлежит. Определенная конфронтация «нашего» и «чужого» неизбежна во всех обществах, внутренне расчлененных на классы прежде всего, нации, вероисповедания, даже профессии (Бегалиева, Колядко, 2006).

Ж.-П. Сартр совершенно справедливо указал на то, что абсолютная свобода влечет за собой и абсолютную ответственность. Но ответственность по своей природе, по значению слова социальна. По существу, вообще нельзя говорить об индивидуальной свободе и индивидуальной ответственности. Сложность оказывается только в познании социальной

необходимости, а следовательно, и в поведении, действии с этой как бы познанной необходимостью. Стоит напомнить о том, что действия отдельных личностей и масс, которые свободно выбирают в соответствии со своими интересами свое действие, оказываются во все большей степени противоположными истинным их интересам. Так, у М. Хайдеггера бытие человека, как правило, это бытие в усредненности или отчужденности от свободного бытия, подлинного бытия. Существование в способе *Man*, когда каждый поступает как все, а не по своему уникальному проекту. К. Ясперс говорит о свободе в подлинной коммуникации с трансцендентностью как о редчайшем событии. Ж.-П. Сартр, не признавая деления на подлинное и не подлинное бытие, тем не менее вводит понятие действий по непреднамеренному самообману (*mauvaise foi*) в противоположность к поступкам искренним, в соответствии с амбивалентным определением им сознания и соответственно свободы (Бегалиева, Колядко, 2006).

Свобода как основа развития: позиция либералов

Ф. Хайек отстаивал идею, согласно которой свобода — краеугольный камень развития Запада. Свободу не следует смешивать с равенством, как с имущественным, так и с политическим. Комбинация свободы и равенства ведет к статизму и рабству (Филимонова, 2004), поэтому в интерпретации Ф. Хайека свобода — негативный концепт, ее обеспечивает господство права (Наук, 1976). Ф. Хайек выступает за децентрализацию власти правительства и ее рассредоточение на локальном и даже индивидуальном уровне, что будет способствовать установлению «спонтанного порядка» (Наук, 1989). Ф. Хайек дифференцирует представление об обществе как о «спонтанном порядке», олицетворяющем плюрализм мнений, эволюционирующий разум, и о «сконструированном порядке», характеризующемся наличием предвзятых идеологических установок касательно того, каким должно быть общество (Наук, 1973, р. 5).

Ф. Хайек считает, что современное общество — сеть свободно взаимодействующих индивидуумов, соответствующая «спонтанному порядку», который не характеризуется наличием общих целей, поэтому планирование не в состоянии успешно координировать индивидуальные действия членов гражданского общества. Согласно Ф. Хайеку, оптимально регулировать жизнь современного общества может только право.

Ф. Хайек подчеркивает, что правительство как орган, не связанный ни традициями, ни собственными решениями,

ни решениями предыдущих правительств, в компетенцию которого входит как реализация исполнительной власти, так и части законодательной в форме правомочия издавать постановления, просто не в состоянии генерировать универсальные, абстрактные, справедливые правовые нормы (Шапири, 1992). Концепция Ф. Хайека направлена на разграничение данных полномочий в рамках соответствующих демократических процедур (Шарифжанов, 1989).

Согласно Ф. Хайеку, либерал считает демократию средством обеспечения господства права и полагает, что она выработала процедуры мирной смены правительства, предотвращения деспотизма власти и предусматривает задействование аппарата принуждения только в целях «обеспечения соблюдения справедливых правил поведения, одобренных всеми или хотя бы большинством» (Науек, 1979, р. 5). Демократ считает демократию формой народного правления и полагает, что она создает механизм агрегации интересов и наложения на общество воли большинства.

Согласно Ф. Хайеку, правительства склонны использовать свою власть для распоряжения «всеми ресурсами общества, включая индивидуальные, чтобы они служили партикулярным желаниям их избирателей» (Науек, 1996). Постепенно правительства заменят «спонтанный порядок» Великого общества на «сконструированный порядок», служащий объединениям влиятельных лиц, со всеми вытекающими последствиями.

По Ф. Хайеку, необходимо ограничить компетенцию правительства, чтобы оно не могло повсеместно использовать свои полномочия для редистрибуции ресурсов по дискриминационному признаку. В сущности, это означает поставить действия правительства в правовые рамки. Ф. Хайек является апологетом «минимального правительства», но признает, что существуют сферы, где чистая рыночная экономика не может заменить государственного регулирования: оборонная отрасль, транспортная инфраструктура (Янссон, 1996), образование. Но даже в данных сферах Ф. Хайек рекомендует исключить прямое государственное вмешательство и наделяет правительство лишь координационными функциями (Ярулин, 1997).

Совместив свои представления о свободе с экономикой, Ф. Хайек стал одним из виднейших адептов экономического (рыночного) либертаризма. Он относил солидаризм и коллективизм к пережиткам, унаследованным от периода дикости (Хайек, 1992) и называл рынок и конкуренцию «процедурой открытия», без которых не может быть нормального развития человечества и которые нельзя ограничивать каким-либо

государственным регулированием (Хайек, 1988). Рынок, по мнению Ф. Хайека, открывает и актуализирует потребительскую ценность различных способностей человека. Не приемлет он только эгалитаризм и связанное с ним регулирующее вмешательство государства.

По Ф. Хайеку, свободный от государственного вмешательства рынок необходим, поскольку он способствует прогрессу (производство неизвестного продукта не может быть внесено в план) и гарантирует устойчивое снижение издержек производства (за счет рыночного механизма цен происходит отбор наиболее эффективного производителя тех или иных продуктов). В своих работах Ф. Хайек жестко оппонирует последователям Дж. М. Кейнса, считая, что политика дешевых денег и создания рабочих мест за счет бюджета в перспективе грозит новыми экономическими проблемами (Хайек, 1992а; Хайек, 1992б).

Ф. Хайек стоял на позициях монетаризма — теории, обретшей наибольшую популярность в 1970-е годы и опиравшейся на количественную теорию денег. Наибольшее развитие идеи монетаризма получили в доктрине М. Фридмана (Фридман, 2006; Фридман, Фридман, 2007; Фридман и Хайек о свободе, 1990). Критикуя Дж. М. Кейнса, М. Фридман утверждал, что с помощью кредитно-денежных рычагов необходимо влиять не на занятость и объем производства, а на цены. М. Фридман предложил отказаться от гибкой кредитно-денежной политики в пользу поступательного наращивания денежной массы на 3–5 % в год и ограничить чрезмерную свободу действий центральных кредитно-денежных органов (центрального банка и т. п.). Теория М. Фридмана является ярким примером либертарианства. Либертарианство (от фр. *libertaire* — анархист) — идеологическое течение, возникшее в рамках экономического либерализма, рассматривающее такие формы государственного вмешательства, как налогообложение и антимонопольное регулирование, как частный случай воровства и грабежа, а поэтому подлежащий упразднению.

Ф. Хайек разработал теорию рынка как «спонтанного порядка» или "catallaxy", предусматривающего право независимых индивидов производить обмен товаров и услуг на взаимовыгодной основе (Хайек, 1967, р. 162; Хайек, 1973, р. 36–37). Ф. Хайек полагает, что центральное планирование в экономике непродуктивно. Во-первых, правительству недоступна та информация, которую индивиды и организации скрывают и оставляют для личного пользования (например, в интересах бизнеса). Поэтому, ввиду недостатка данных правительство не может создать оптимальный план экономического развития страны (Adair, 2000). Во-вторых, concentra-

ция экономической власти неминуемо ведет к концентрации политической, что создает базис для тоталитаризма. Тем не менее, сам Ф. Хайек недвусмысленно признает, что без вмешательства государства в жизнь гражданского общества в целях обеспечения функционирования оборонной промышленности, транспортной инфраструктуры, противодействия негативным эффектам, продуцируемым вследствие нерегулируемой жизнедеятельности социума, «спонтанный порядок» превращается в беспорядок (Науек, 1979, р. 41–44). Поэтому Ф. Хайек предусматривает возможность легитимного государственного вмешательства в целях защиты индивидуальной свободы граждан (Науек, 1979. Р. 152; Adam Smith reviewed, 1992).

Ф. Хайек, безусловно, является либералом, апологетом чистой рыночной экономики, признает приоритет гражданского общества над государством, функции которого в его концепции сведены до минимума. Правительство не только не вправе заниматься централизованным планированием экономики, но и не может судить о том, что хорошо или плохо для отдельного индивида. Более того, используемый Ф. Хайеком для характеристики свободного общества, базирующегося на естественном неравенстве людей, термин «спонтанный порядок» подразумевает самоорганизацию индивидов, их способность на рациональные суждения и действия. В концепции Ф. Хайека поощряется конкурентная борьба, индивидуальная инициатива и креативность, а социальную стабильность обеспечивает рациональная интеграция индивидов, преследующих свои частные интересы и соблюдающих традиции.

Другими словами, свобода необходима людям не из соображений гуманизма или справедливости, а только по причине своей продуктивности. Свободный труд гораздо более эффективен, и именно поэтому современный рабочий живет гораздо богаче египетского фараона, владевшего тысячами непродуктивных рабов. Поэтому отмена рабства и феодализма была необходима не только для рабов и крестьян, но и для их хозяев, которые отныне могут пользоваться всеми выгодами общего роста производительности труда. Кроме того, только сам индивид компетентен в оценке своего счастья. Никто, кроме него, не в состоянии этот уровень счастья оценить. Поэтому ему нужна свобода для того, чтобы выбрать образ жизни, более всего ему подходящий.

Свобода как синтез противоположностей

В XX веке фокус исследования свободы был перенесен на язык, выступающий посредником между сознанием и реаль-

ностью. После «лингвистического поворота» язык как инстанция, формирующая реальность, становится новым исходным пунктом герменевтики свободы: как в аналитической, так и в континентальной интеллектуальной традиции рефлексия свободы сопрягается с «речевым действием», «языковой коммуникацией», «семантикой ключевых историко-социальных понятий» (Дискурсы свободы, URL).

Существенный вклад в современное понимание свободы внесла Х. Арендт (Арендт, 2014). Она утверждает, что испытывает отвращение к древнегреческому пониманию свободы. Её центральный тезис состоит в том, что свободу нужно очистить от связи с волей, суверенностью, самоутверждением. Свобода всегда прекрасна, суверенность — постыдна и безобразна. Нужно делать прекрасные вещи, и тогда драматургия не вызовет отвращения. Наша свобода может быть девиантной и отвратительной (Глухов, URL).

Послевоенная континентальная мысль, где доминируют логики различия, озабочена критикой господствующих представлений о благе, формализации прав и свобод. Благодаря этому мы сегодня гораздо лучше знаем репрессивные механизмы и типы властных отношений. Однако, как сказано выше, проблема свободы не в знании, а в признании себя свободным. И здесь возникает сериализация мысли, выражающаяся в типовом воспроизведении одних и тех же клише. Функционирует ряд запретов: например, табуируется мышление о длительности свободы. Свободе отводится только миг, мгновение, событие. В следующий момент свободный либо погибает, либо превращается в тирана. Свобода приобретает ореол мученичества. Только смерть вполне доказывает свободу. Воздух свободы оказывается каким-то смертельным ядом. Табуируется также утвердительность различия, поскольку свободный непременно станет тираном. Свобода становится негативной, как следствие структуры и формы свободы примитивизируются. Различие из политического делается логическим, формальным, книжным: требуется лишь обозначить свое различие с остальными, но не утверждать его. Возникают ритуалы свободы и легитимные формы свободной работы: деконструкция канона, кинокритика, исполнение художественной акции или театрального перформанса. Но различие, лишённое возможности суверенного бытия, ничего не знает о самом себе. Несмотря на обилие логик различия и огромный объем сопутствующей культурной продукции, у нас бедный репертуар различий. Сформировались сериальные типы: политический активист, радикальный художник, феминистки, представители сексуальных меньшинств, национальных меньшинств, нелегальных мигрантов, заводских

рабочих ... Каждый из этих типов уже отыгран, исполнен актерами и запечатлен в эстетических образах. Он уже красив и не рискует быть безобразным. Если мы стремимся к сильной свободе, нам предлагается ничуть не более широкий выбор судеб и биографий, чем в рекламных проспектах общества потребления, в которых превозносятся достоинства стильных и экономически рентабельных образов жизни. В итоге одна логика распределения сталкивается с другой. Перед нами два набора жизней, а не свобода (Глухов, URL).

Узнаваемый базовый принцип: несколько свободных различий, скомпонованных в отношении взаимного безразличия при посредничестве философского понимания справедливости. Так, например, устроено платоновское «Государство» (Annas, 1981, с. 1). Этот текст надо читать как историю компоновки различных образов жизни и пониманий суверенной свободы:

1) экономический образ жизни, ставящий в центр всего — «ойкос», дом, «нормальность», расчет, благопристойность, отсутствие политических амбиций, нежелание рисковать и стремление к государственным гарантиям и безопасности;

2) политический образ жизни, «милитантный» (Фуко), «машина войны» (Делез), стайная жизнь, неограниченное движение по линии развития мужества, доблести, ярости, презрения к смерти и специфически отторгающей от себя сексуальности;

3) философский образ жизни, развивающийся в постоянном испытании истиной, властью-знанием и справедливостью (Глухов, URL).

Любопытный анализ теорий свободы, которые можно назвать современными, содержится в работе С. Ниринга, которая вышла на английском языке в 1961 году (Nearing, 1961) и практически сразу была переведена на русский язык (Ниринг, 1966). В этой книге С. Ниринг попытался рассмотреть значения понятия «свобода» в их противоположности.

1. Как обособление и как взаимоотношение.

Как обособление — «пожалуй, самое непререкаемое качество свободы состоит в ее обособленности. Свобода подразумевает обособленность: сюда входит подготовка к разъединению и отделению, сам процесс отделения и возникающая независимость как результат отделения. «Быть или не быть» — первый вопрос человека, «принадлежать или не принадлежать — второй. В той или иной мере обособленность присуща каждому человеку, она входит в жизнь любого сообщества людей, образующих человеческую расу» (Ниринг, 1966, с. 15–16).

Как взаимоотношение — «свобода не существует сама

по себе, в некоем вакууме, она развивается в переплетении с другими, связанными с ней, идеями» (Ниринг, 1966, с. 22).

2. Как причину и как следствие.

Как причина — «свобода как одна из первопричин, лежащих в основе человеческого благополучия. Борьба за право называться свободным определила развитие западной цивилизации» (Ниринг, 1966, с. 27).

Как следствие — «отход от природного детерминизма, поскольку свобода — дело рук человеческих» (Ниринг, 1966, с. 33).

3. Как средство, или инструмент для достижения цели (Ниринг, 1966, с. 37) и как путь к цели.

Сама по себе свобода нейтральна: «...свобода не целенаправленна. Она лишь открывает возможности действия. Она дает путь чувствам и мыслям. Она предлагает выбор и возможность решения. Тот, кто пользуется свободой, может принять решение» (Ниринг, 1966, с. 38).

С. Ниринг называет четыре фактора, определяющих человеческую свободу:

- 1) борьба за существование и непрерывность;
- 2) социальное равновесие;
- 3) деятельность руководителей, осознавших свою ответственность, и их подчиненных;
- 4) поддержание нормальной жизнедеятельности общества» (Ниринг, 1966, с. 35).

Развивая эти положения, С. Ниринг утверждает, что свобода — это возможность осуществить выбор, принять решение и воплотить его в жизнь, без принуждения и самостоятельно. Свобода невозможна без самоопределения, идет ли речь об индивидууме или социальной группе. Лишь в том случае, если индивидуум или социальная общность людей обладают ничем не сдерживаемой возможностью самовыражения: физически, эмоционально, умственно, духовно, — лишь в этом случае можно говорить о существовании свободы. Такова позитивная, конструктивная и творческая концепция (Ниринг, 1966).

Два пространства свободы

Значительный вклад в понимание свободы внес И. Берлин, предложив оригинальную трактовку определения свободы (Берлин, 2001). Ему удалось не просто установить два варианта понимания этого термина («негативное» и «позитивное»), ознаменовав тем самым начало новых дискуссий и споров, связанных с определением понятия «свобода». Ему впервые удалось определить «свободу» не в качестве изоли-

рованного понятия, но в контексте его употребления, применив популярную в философии середины XX века технику определения под названием «определение через употребление» ("definition in use").

И. Берлин предложил следующее решение данной проблемы: «Значение этого слова... столь многослойно, что найдется немного истолкований, которые окажутся для него непригодными. Я не намерен рассматривать ни историю этого многослойного слова, ни тем более две сотни его значений, выявленных историками идей. Я собираюсь рассмотреть только два его значения, которые, будучи центральными, вобрали в себя значительную долю человеческой истории, как прошлой, так, осмелюсь утверждать, и будущей. Первое из этих политических значений свободы я буду (следуя во многом прецеденту) называть "негативным", и это значение подразумевается в ответе на вопрос: "Какова та область, в рамках которой субъекту — будь то человек или группа людей — разрешено или должно быть разрешено делать то, что он способен делать, или быть тем, кем он способен быть, не подвергаясь вмешательству со стороны других людей?". Второе значение я буду называть позитивным, и оно подразумевается в ответе на вопрос: "Что или кто служит источником контроля или вмешательства и заставляет человека совершать это действие, а не какое-нибудь другое, или быть таким, а не другим?"» (Берлин, 1997, с. 20–23).

И. Берлин подчеркивает, что совесть западных либералов тревожит не столько то, что свобода, которую желают индивиды, различается в зависимости от социального или экономического положения, сколько то, что «меньшинство, обладающее ею, обрело ее за счет эксплуатации тех, у кого ее нет, или, по крайней мере, пренебрежения к ним» (Берлин, 1997, с. 129). По И. Берлину, если человек слишком беден для того, чтобы позволить себе нечто не запрещенное законом — сделать покупку, объехать мир, оплатить услуги адвоката, — он так же несвободен, как если бы его ограничивал закон (Берлин, 1997, с. 126). И. Берлин констатирует: «Если же я полагаю, что не могу что-то получить из-за того, что какие-то люди так устроили и у них достаточно для этого денег, я в праве считать себя жертвой принуждения или порабощения» (Берлин, 1997, с. 126). Более того, если индивид убежден, что в нужде его держит особое социальное устройство, которое он считает несправедливым, можно вести речь об экономическом угнетении или порабощении (Берлин, 1997, с. 127).

И. Берлин полагает, что разумным или свободным государство будет в том случае, если в нем будут править законы, свободно принятые всеми разумными людьми (Берлин,

1997, с. 152). С точки зрения либералов, конечной целью является индивидуальная негативная свобода (Берлин, 1997, с. 177). И. Берлин подчеркивает: «В идеальном случае свобода совпадает с законом, автономия — с властью» (Берлин, 1997, с. 157). Согласно И. Берлину, «неограниченная власть в чьем бы то ни было распоряжении непременно рано или поздно кого-то уничтожит» (Bellamy, 1995; Берлин, 2001, с. 174). Демократия способна разоружить олигархию, привилегированное лицо или группу лиц, но «может при этом так же беспощадно крушить людей, как и любой прежний правитель» (Берлин, 2001, с. 175). В трактовке И. Берлина вечная идея совершенного общества, где «истина, справедливость, свобода, счастье, добродетель сливаются в их совершеннейших формах» (Берлин, 2001, с. 202), не просто утопична, но и внутренне противоречива, так как если некоторые из этих ценностей несовместимы друг с другом, то они не могут, просто не могут слиться воедино (Берлин, 2001, с. 202).

По И. Берлину, следует учредить общество, где границы свободы не дозволено пересечь никому. Правила, определяющие эти границы, могут именоваться «естественными правами, словом Бога, законом природы, требованиями пользы или постоянных интересов человека» (Берлин, 2001, с. 176). По И. Берлину, очевидно, что свобода не так уж много получит от правления большинства, ведь демократия как таковая логически ей ничем не обязана, а исторически редко умела ее защитить. Немногим правительствам, как показывает исторический опыт, было так уж трудно «побудить своих подданных выразить именно такую волю, которая этим правительствам нужна» (Берлин, 2001, с. 176). Согласно И. Берлину, и политическое равенство, и эффективная организация, и социальная справедливость не совмещаются даже с малой долей индивидуальной свободы (Берлин, 2001, с. 179). Более того, в существующих обществах справедливость и равенство — «идеалы, которые все еще требуют определенной толики насилия» (Берлин, 2001, с. 153), ведь, если преждевременно снять социальный контроль, более сильные, способные и наглые станут угнетать слабых (Берлин, 2001, с. 153), что несовместимо с тем правом на достойное существование, которое имеют слабые, менее состоятельные и способные (Берлин, 2001, с. 18).

То, что сделал И. Берлин, представляет интерес, как минимум, по двум причинам.

1. Экспликация понятия «свобода» в контексте социального взаимодействия позволяет применить к анализу этого понятия совершенно другие методологические средства, прошедшие апробацию и подтвердившие свою эффективность в

философии языка. То есть нас должно интересовать не значение понятия «свобода» самого по себе, взятого изолированно, но то, как оно употребляется в различных речевых контекстах. Иными словами, И. Берлин показал, что «свобода» является контекстуально обусловленным понятием, получающим значение только в рамках контекста его употребления.

2. Результатом применения указанной методологии явилась концепция И. Берлина о двух видах свободы: негативной и позитивной, которая ему показалась тесно связанной с политической традицией. То есть негативная и позитивная свобода — это не просто два разных вида свободы, но они могут быть представлены как конкурирующие, несовместимые интерпретации одного политического идеала (Оглезнев, 2010, с. 61–67). Речь идет о том, что с одной стороны, свобода представляет собой отсутствие внешних препятствий и ограничений. Вы свободны, если никто и ничто не мешает Вам сделать что-либо. С другой стороны, свобода понимается как присутствие контроля со стороны кого- или чего-либо. Чтобы быть свободным, надо быть независимым, т.е. Вы должны быть в состоянии управлять Вашей собственной судьбой в Ваших же интересах. И. Берлин назвал эти два вида свободы негативной и позитивной соответственно. Основная причина для использования этих обозначений в том, что в первом случае свобода представляется как простое отсутствие кого- или чего-либо (т. е. препятствий, барьеров, ограничений или вмешательства), тогда как во втором случае требуется присутствие кого- или чего-либо (т.е. контроля, самообладания, самоопределения или самореализации). И. Берлин отмечает, что «первое из этих значений или смыслов, которое, следуя множеству прецедентов, я называю "негативным", содержится в ответе на вопрос: "Велико ли пространство, в рамках которого человек или группа людей может делать что угодно или быть таким, каким хочет быть?" Второй смысл, называемый мною "позитивным", возникает в ответе на вопрос: "Где источник давления или вмешательства, которое заставит кого-то делать то, а не это или быть таким, а не другим?" Вопросы эти различны, хотя ответы на них могут частично совпадать» (Берлин, 2001, с. 126).

Таким образом, негативная свобода может пониматься как отсутствие препятствий, барьеров или ограничений. У каждого есть негативная свобода до той степени, что действия в этом отрицательном смысле доступны только для него одного. Позитивная свобода есть возможность действия или факт действия. Однако без ответа остаются такие вопросы: «Какая концепция свободы правильная?», «Какая свобода желательна?». Ответ на эти вопросы предлагает Дж. МакКаллум

(MacCallum, 1967). Его основной тезис заключается в том, что не имеет смысла различать два вида свободы: позитивную и негативную — и определять, какая из них является единственной, «наиболее истинной» или «наиболее ценной» свободой, ибо различие между ними достаточно нечетко и отчасти основано на серьезных заблуждениях. Он предлагает «избавиться от общепринятой, но малополезной сосредоточенности на «типах» свободы и обратиться к истинно важным проблемам в этой области социальной и политической философии» (MacCallum, 1967, p. 312).

Свобода как триада отношений

Дж. МакКаллум утверждает, что фактически есть только одно фундаментальное понимание свободы, которого придерживаются обе дискутирующие стороны. И единственное, в чем они расходятся, так это то, как понятие «свобода» должно интерпретироваться. Действительно, в истории философской мысли можно обнаружить множество различных интерпретаций свободы, а искусственная дихотомия И. Берлина вынуждает считать, что должны быть только два ее варианта. Дж. МакКаллум как раз и продолжает то, с чего начал И. Берлин, но до конца не довел, а именно: исследовать понятие «свобода» аналитическими средствами философии языка. А это приводит к тому, что концепция свободы И. Берлина становится эмпирически и методологически неэффективной (Оглезнев, Брянский, URL).

Дж. МакКаллум дает следующее определение понятия «свобода»: субъект, или актер, свободен от определенных ограничений или препятствующих обстоятельств, чтобы сделать что-то. В этом смысле свобода является триадическим отношением, т.е. отношением между тремя элементами: актером, определенными препятствующими обстоятельствами и его поведением в этих условиях. Но наличие в высказывании всех трех элементов необязательно, так как, если «при обсуждении свободы отсутствует ссылка на один из этих параметров, это должно происходить лишь потому, что считается, будто он понятен из самого контекста обсуждения» (MacCallum, 1967, p. 314). Следовательно, любое высказывание о свободе или несвободе может быть представлено в виде высказывания вышеупомянутой формы, определяющей, что свободно или несвободно и кто свободен или несвободен сделать что-то.

В формуле свободы Дж. МакКаллума интерпретация каждой из трех переменных остается открытой для того, чтобы она могла охватить и негативное и позитивное понима-

ния свободы. Именно поэтому, он считает, что «многие люди, делящие свободу на позитивную и негативную, не в состоянии понять, что осмысленность разговоров, касающихся свободы акторов, в конце концов, сводится к пониманию свободы как триадического отношения. Свидетельством этого недопонимания, или же предпосылкой к нему, является простое, но общепринятое определение различия между двумя видами свободы как различия между понятиями "свободный от" и "свободный для" — описание, предполагающее, что свобода может быть одним из двух диадических отношений. Но такое описание не различает два абсолютно разных вида свободы; оно может служить лишь для того, чтобы подчеркнуть одну или другую из двух особенностей каждого случая свободы акторов. Следовательно, когда речь заходит о различении двух видов свободы, мнение того, кто утверждает, что "свобода от" — единственно возможная, или что "свобода для" — наиболее истинная... нельзя считать разумным и ясным» (MacCallum, 1967, p. 318).

Тем не менее, триадическая формула свободы Дж. МакКаллума, несмотря на ее сильные стороны, оказавшие влияние на философов свободы, имеет и слабые места. Возможно, поэтому проведенное И. Берлиным разделение продолжает доминировать в дискуссиях о значении политической и социальной свободы. Вот что по этому поводу пишет К. Скиннер, один из оппонентов Дж. МакКаллума: «Если негативный анализ свободы всегда принимает триадическую форму, как это предлагает МакКаллум, то он всегда будет включать по крайней мере неявную ссылку на то, что индивид обладает независимой, нескованной волей, вследствие чего он может действовать свободно, преследуя избранные им цели. Верно то, что это иногда ставится под сомнение» (Скиннер, 2013, с. 157). В качестве примера он ссылается на тезис Дж. Грея, который утверждает, что «свобода должна рассматриваться как фундаментально диадическое, а не триадическое понятие» (Gray, 1980, p. 511). Другой слабой стороной формулы Дж. МакКаллума считается то, что она не распространяется на всевозможные концепции свободы и в этом смысле не является универсальной, как предполагал ее автор. В частности, отмечает Ч. Тейлор, понятие самообладания или саморегуляции предполагает наличие некоего контроля, который не объясним с помощью свободы как триадического отношения. Поскольку если рассматривать свободу как включающую в себя саморегуляцию, то получаем осуществление свободы в противоположность ее возможности (Taylor, 1979). Если интерпретировать свободу через контекст ее осуществления, то свобода состоит не просто в возможности выполнения опре-

деленных действий (т.е. при отсутствии ограничений на их выполнение), но и в том, чтобы фактически совершать определенные действия определенными способами. Идея свободы как отсутствие ограничений на реализацию подобных выводов могла бы быть оспорена как не способная описать осуществление свободы, поскольку последнее не указывает на отсутствие ограничений.

Таким образом, приходится признать, что понятие «свобода» вряд ли может быть адекватно охарактеризовано и четко определено в терминах одной теории, не оставив при этом возможности для иной его интерпретации. Равно как и не может быть разработано универсальной концепции свободы, учитывающей разнообразные оттенки и нюансы ее употребления. Как отмечает Л. Свендсен, «разделение позитивной и негативной свободы, как свободы от и свободы для, могло бы иметь педагогическое значение, но когда это разделение превращается в определение этих форм, то оно окончательно сбивает с толку» (Svendson, 2014, p. 111).

Свобода как привилегия

По мнению З. Баумана (Бауман, 2021), свобода родилась как привилегия и с тех пор всегда ей оставалась. Свобода делит и разделяет. Она отделяет лучших от остальных. Свою привлекательность она черпает из различия: её наличие или отсутствие отражает, отмечает и обосновывает контраст между высоким и низким, хорошим и плохим, желанным и отталкивающим. С самого начала и до сих пор свобода означала существование двух резко отличных социальных состояний; приобрести свободу, быть свободным означало подняться из одного, низшего, социального состояния в другое, высшее, состояние. Два эти состояния различались во многих отношениях, но один аспект их противопоставления, тот, что выражен в понятии свободы, был на порядок важнее прочих — различие между действием, зависящим от чужой воли, и действием, зависящим от собственной воли (Бауман, 2021).

Анализируя таких разнородных мыслителей, как Иеремия Бенетам, Блаженный Августин, и Макс Вебер, З. Бауман замечает, что все они исходили из неспособности большинства самостоятельно выбирать благо. Вместо того чтобы обращаться к преобразующей силе культуры или идеологии, выход обнаруживался в создании общественной системы, порядка, в котором истинной свободой обладают только высшие управленцы. Остальные же заключаются в тесные рамки заранее спроектированных «выборов», регулярных и предсказуемых действий, с насильственным подавлением самых

непокорных. В докапиталистической религиозной традиции «избранными» были высокодуховные индивиды, достигшие слияния с божеством (либо непогрешимые иерархи Церкви); И. Бентам отводит место верховного надзирателя капиталисту, движимому интересом эффективного извлечения прибыли; М. Вебер пишет о научной, интеллектуальной и политической аристократии (Бауман, 2021).

3. Бауман указывает, что некоторые люди могут быть свободны лишь постольку, поскольку существует форма зависимости, какой они стремятся избежать. Если быть свободным значит иметь разрешение идти куда угодно, то это также значит, что есть люди, которые прикреплены к своему месту жительства и лишены права свободно перемещаться. Если быть свободным значит избавление от крепости и повинностей или работ и податей, то это имеет смысл лишь благодаря другим людям, которые прикреплены, несут повинности, работают и платят подати. Если быть свободным значит действовать без ограничения, то это подразумевает, что действия некоторых других ограничены. В древне- и среднеанглийском языке свобода всегда означала льготу (exemption) — избавление от налога, пошлины, подати, юрисдикции лорда. Льгота, в свою очередь, означала привилегию: быть свободным означало быть допущенным к исключительным правам — корпорации, города, сословия. Лишь те, кто получил эти льготы и привилегии, вступали в ряды знатных и благородных. До конца XVI века «свобода» была синонимом благородного (gentle) рождения или воспитания, знатности, щедрости, великодушия — всякого человеческого свойства, которое власть имущие объявляли признаком и причиной своей исключительности и превосходства. Позже льгота утратила связь со знатностью рождения. Но сохранила своё значение привилегии. Дискурс свободы сосредоточивался теперь на вопросе, кто имеет право быть свободным в сущностно несвободном человеческом состоянии (Бауман, 2021).

Очевидно, считает 3. Бауман, что капитализм сохранил качественное разделение человечества: стремление предпринимателя к свободе реализуется за счет эксплуатации, превращения других людей в инструменты, вещи и цифры. Поскольку конкуренция отделяет немногих «выигравших» от многих «проигравших», постепенно ведя к монополизации и повышению порогов вхождения, освободившихся должно становиться всё меньше и меньше. Экономисты и социологи, сравнивающие современный капитализм с неофеодализмом, подчеркивают, что путь к власти и богатству давно уже лежит не через усердный труд и смекалку, а через включение в элитные группы: выбор правильного места обучения, приобрете-

ние характерных манер, конкретные знакомства и т.п. Низы, которым оказывается недоступной даже отдушина потребления, всё так же нуждаются в контроле и подавлении. З. Бауман подчеркивает здесь двусмысленность государственных пособий: их получатели часто подвергаются унижительному контролю, представляются неразумными и порочными, при том что полученных денег обычно не хватает для реального изменения жизни (Бауман, 2021).

По мнению З. Баумана, текучесть и неопределенность современной эпохи порождают у людей страх. Отличие этого страха от страхов прошлых эпох — его непрерывность, это непрекращающийся страх, «текучий» страх. Именно этот страх заставляет нас поступиться свободой ради индивидуальной безопасности. Сегодня мы, по З. Бауману, переживаем времена, когда этот «маятник» стремительно движется в сторону безопасности, и мораль этого момента заново переосмысливает и свободу, и толерантность, и врагов, и друзей, и жизнь, и смерть. Во многом такую мораль З. Бауман рассматривает (и оценивает, имея в прошлом опыт и коммунистических убеждений, и социал-демократических, и памятуя о критическом марксизме, и учитывая критику постмодернистов) как порождение неолиберализма. Нравственная проблема нынешней «Свободы» заключена в том, что она утратила необходимую связь с «Равенством» и «Братством». Толерантность, ставшая духом времени, распространяется в том числе и на социальную несправедливость: мы невероятно терпимы к ней, мы уважаем бедность как «инакость», — и все возрастающее социальное неравенство поглощается в той же мере растущей социальной энтропией (Бауман, 2015).

Пытаясь ответить на вопрос: «Смогут ли выжить понятия равенства, демократии и самоопределения, когда общество все в меньшей мере рассматривается как результат совместного труда и общих ценностей и во все большей мере — как просто контейнер товаров и услуг, к которым тянется множество конкурирующих рук?», З. Бауман утверждает, что в этом обществе нас настигает «кризис гуманности», который сегодня воплощают в себе беженцы (Бауман, 2002). Перед нами новый эпизод взаимоотношений с «чужаком» как неизменной проблемой социологии. Рефлекс эксклюзии, поиска внутреннего врага неожиданным образом срабатывает в отношении либерального истеблишмента, который оказался «чужаком» в своем обществе и легкой добычей «популистов». В одной из своих последних лекций Бауман сравнивал их в способности превращать всех и вся в «чужаков» с Холокостом. (Баньковская, URL).

Свобода и справедливость

Одной из самых известных на сегодняшний день является концепция справедливости Дж. Ролза. Считается, что теория справедливости Дж. Ролза является частью «теории рационального выбора» (Ролз, 1995, с. 30) и альтернативой утилитаризму (Ролз, 1995, с. 15). В этой теории Дж. Ролз делает попытку разрешить антиномию свободы—равенства. Главная суть политической свободы в его понимании — соблюдение принципа «равного участия» (Ролз, 1995). Проблему свободы Дж. Ролз вписывает в широкий контекст ценностного плюрализма, поставившего перед исследователями вопрос «Как возможна совместная (солидарная) жизнь в ситуации, когда в одном жизненном пространстве сосуществуют индивиды и социальные группы с противоположными ценностными представлениями?». Решение Дж. Ролза было скорректированным вариантом теории общественного договора, заключаемого индивидами в «первоначальной ситуации», которую отличает полное незнание этими индивидами самих себя и своего положения в обществе. Только это служит, по убеждению Дж. Ролза, гарантией того, что выработанные ими принципы справедливости будут справедливыми. Данное решение соответствовало либеральному политико-правовому идеалу, краеугольный камень которого образует принцип «этической нейтральности» государства.

В книге Дж. Ролза «Теория справедливости» содержится и ответ на вопрос о том, какой должна быть теория плюрального общества. По мнению Дж. Ролза, целью хорошо организованного общества является укрепление институтов справедливости (Ролз, 1995, с. 325). В концепции Дж. Ролза правительство ограничивает свободу индивидов в обществе общим интересом (Bentley, 1987). Концепция Дж. Ролза «справедливость как честность» оценивает социальную систему с позиций равного гражданства и разных уровней доходов и богатства (Ролз, 1995, с. 95).

Дж. Ролз считает, что все социальные ценности: свобода и возможности, доход и состояние, основания чувства собственного достоинства — должны распределяться поровну, за исключением тех случаев, когда неравное распределение какой-либо из этих ценностей ведет ко всеобщей выгоде. Так, неравное право на владение оружием, перераспределение его в пользу правоохранительных органов обеспечивает, в действительности, равную безопасность жизни для всех. Неравенство приемлемо, если делает всех людей богаче. Границей допустимого неравенства является соблюдение следующего принципа: в условиях неравенства наи-

худшим должно жить лучше, чем в условиях равенства. Если при свободном рынке наихудшие живут лучше, чем при «шведском социализме», значит, необходимо действительно «минимизировать государство». Если же такая система приводит к концентрации нищеты и богатства на разных полюсах, то государство должно вмешаться — даже в ущерб экономической эффективности — и включить в действие систему «распределительной справедливости».

Концепция справедливости Дж. Ролза являет собой пример процедурной справедливости, условия которой — равенство участников, отсутствие у них скрытых мотивов, а также свободный доступ к обсуждению выдвигаемых принципов. Специфика справедливости проявляется в том, что она начинает действовать в особого рода условиях, когда субъекты выдвигают друг к другу требования, провоцирующие возникновение конфликта. Для описания подобной ситуации Дж. Ролз использует выражение Д. Юма «обстоятельства справедливости», которые и составляют три первые характеристики его субъектов: рациональность, заинтересованность каждого только в себе (самоинтересованность — *self-interestedness*), равенство. Д. Юм отмечал, что в некоторых случаях идея справедливости является неприменимой. В условиях чрезвычайной бедности или, наоборот, богатства идея справедливости кажется либо абсурдной, либо вообще не имеет оснований для возникновения (Юм, 1996, с. 534–535). Дж. Ролз подразумевает под «обстоятельствами справедливости» ситуацию, которая делает справедливость уместной, — эгоизм его рациональных субъектов, а также недостаточное количество ресурсов, необходимых им для реализации своих интересов. Дж. Ролз полагает важными не только естественные свободы, обеспечивающие равные стартовые возможности, но и обеспечение равенства на всех стадиях распределения, включая результаты, за которыми необходим и общественный контроль. Правда, с последним заключением о необходимости стремления к «равенству результатов распределения» многие не согласны. Так, М. Фридман, доказывая важность идеи свободы человека реализовывать свои возможности и способности по своему индивидуальному плану, считал незыблемой веру в «равные права человека быть неравным другому», четко проводил грань между «равенством прав и возможностей» и «материальным равенством результатов», считая необходимым выбор одного из двух. Однако М. Фридман, как и многие вслед за ним, не замечал, что, во-первых, материальное неравенство неизбежно ведет к его конфликту с равенством шансов, во-вторых, Дж. Ролз отнюдь не призывал к полной уравнительности результатов, хотя и полагал разум-

ным и честным общество сравнительно равно обеспеченных сознательных и честных граждан, в котором улучшение перспектив одних не вело бы к ухудшению положения других. В таком обществе благосостояние наиболее привилегированных групп может быть максимизировано лишь тогда, когда уже были удовлетворены ожидания на повышение статуса менее успешных групп. Во всяком случае, именно подобное общество было бы не только более справедливым, но и стабильным. А стабильность в западных странах очень ценится (отсюда стремление правительств многих стран не допустить чересчур резких перепадов в уровне доходов населения, например, через налоговое регулирование, прогрессивную шкалу налогообложения). В этой связи многие вынуждены согласиться с тем, что неолиберальная теория справедливости Дж. Ролза, близкая к ценностям социализма, преодолевшая противоречие «должного» и «блага», является в высшей степени гуманистичной по своей сути (Гаврилова, URL).

Всё больше сторонников завоевывает и идея Дж. Ролза о «сильной социальной политике государства», стремящейся к реальному смягчению социальной напряженности, уменьшению социального расслоения, обеспечению базового социального минимума и возможностей для развития (в широком смысле слова) максимального числа своих граждан, что в конечном итоге создает благоприятные условия и для развития всех сфер жизни гражданского общества. В этой связи весьма актуальным представляется замечание Р. Нозика, последовательного противника теории справедливости Дж. Ролза, сказавшего, что «теперь политические философы должны работать либо в рамках теории Ролза, либо объяснять, почему они не делают этого» (Nozick, 1974, p. 183).

Дальнейшее развитие идей справедливости можно найти в другой крупной работе Дж. Ролза — «Политический либерализм», — в которой автор счел необходимым уточнить дефиницию справедливости, рассматривая ее в реальных условиях современного общества сквозь призму политики ввиду существенного разделения людей по идейным, религиозным и моральным воззрениям. Исходя из этого, он пытался ответить на вопрос, каким образом «возможно длительное существование стабильного и справедливого общества свободных и равных граждан» (Rawls, 1993, p. 20). Отвечая на этот вопрос, Дж. Ролз предположил, что общей основой для создания реального справедливого демократического общества по-прежнему остается «справедливость как честность», но не в виде философской, а в виде политической доктрины (чем преодолевалась метафизичность его теории справедливости). Именно такое основание политического сообщества

позволяло преодолеть противоречие, связанное с плюрализмом индивидуальных или групповых доктрин и взглядов, и стать стабильным.

Главной политической ценностью современного либерального общества, по мысли Дж. Ролза, выступает общая справедливость, или справедливость базовых общественных институтов, стремящаяся к консенсусу. Весьма примечательно замечание автора о том, что «точно так же люди неразумны, если они планируют участие в кооперативных схемах, однако не собираются соблюдать и даже предлагать, за исключением представительских целей, никаких общих принципов и стандартов для определения честных условий сотрудничества. Они готовы нарушать эти условия, если потребуют того их интересы» (Rawls, 1993, p. 50). Напротив, общество, эффективно управляемое политической концепцией справедливости, предполагает наличие в нем морали принципов, а не морали авторитета или морали ассоциации, что означает возможность их совершенствования посредством публичной дискуссии (Кашников, 2004, с. 218). Иначе говоря, именно в хорошо организованном обществе всем гарантирован равный статус свободных граждан, открытый социальный диалог и взаимовыгодное свободное сотрудничество (конечно же, при условии соблюдения «правил игры»).

Такая концепция справедливости присуща обществу «развитого либерализма», тем странам, где сложилась прочная либерально-демократическая культура с развитым публичным разумом. Другими словами, это страны, где воплотилась идея Л. Дюги о «социальной солидарности» как высшем принципе общественной и государственной организации, о частной собственности, которая не есть субъективное право в духе Кодекса Наполеона, а скорее, обязывающая «социальная функция», откуда и пошла ныне известная конституционная формула «собственность обязывает» (Дюги, 1919, с. 19).

А. Хоннет поставил вопрос о связи признания и свободы (Honneth, 2010, s. 75–76), и выдвинул два взаимосвязанных тезиса: модернизация есть последовательное развитие разума в социальной реальности, и это развитие есть осуществление универсального содержания свободы. А. Хоннет исходит из опыта человека: требование справедливости в современном обществе можно легитимировать только таким образом, чтобы оно было так или иначе соотносимо с автономией индивида, т. е. свободой целеполагания, целедостижения и саморазвития. Не воля общества или класса, не природный порядок, а индивидуальная свобода образует нормативный фундамент всех представлений о справедливости (Honneth, 2011, s. 38). Субъект должен мыслиться как вклю-

ченный в гарантирующие его свободу социальные структуры, прежде чем он, как свободное существо, сможет быть вовлеченным в процедуры, которые стоят на страже легитимности общественного порядка (Honneth, 2011, s. 108–109). Следовательно, только свободные субъекты смогут порождать свободные результаты своей деятельности, укрепляющие (легитимизирующие) социальный порядок.

Свобода и автономия мыслятся А. Хоннетом как взаимосвязанные понятия: свободен тот, кто имеет в самом себе источник активности, кто сам в состоянии стать инициатором новой цепочки причинности, внести в мир нечто новое, что там отсутствовало до его деятельности. Однако, как напоминают исследователи творчества А. Хоннета (Шачин, Шачина, 2022), еще его учитель Ю. Хабермас показал в книге «Фактичность и значимость», что индивидуальная и коллективная автономии представляют собой две стороны единого процесса: граждане демократического правового государства в ходе исходного акта полагания основ своей конституции вырабатывают коллективные ориентиры своей совместной жизни, призванные постепенно осуществляться в мире, и наполняют их конкретным содержанием посредством надления друг друга неотчуждаемыми правами и свободами (так что свобода человека имеет в себе интересубъективное основание: она не может существовать до сознательного объединения граждан в демократическое правовое государство) (Habermas, 1994, s. 134–135, 670–672).

В книге «Идея социализма: попытка актуализации» (Honneth, 2015) А. Хоннет показывает основные принципы того общества, в котором максимально реализована социальная свобода. В нем каждый будет иметь возможности удовлетворения своей потребности в физической или эмоциональной связи с близкими людьми, будет обладать достаточной экономической независимостью и профессиональным самоопределением в гражданском обществе (т. е. заниматься делом по душе и достигать в нем максимальных результатов) и, наконец, будет участвовать в управлении обществом в разных формах, реализуя тем самым политическую автономию (Honneth, 2015, s. 166). Условием возможности такого всестороннего развития личности каждого является особая институциональная среда, где личности смогут всегда положиться на помощь партнеров по интеракции. А для того чтобы эта среда успешно развивалась, необходимы особые установки в сознании каждого индивида.

Речь идет не только о взаимном моральном самоограничении как условии возможности отношений взаимного признания. А. Хоннет приходит к выводу, что индивид в обще-

стве социальной свободы не просто перестанет рассматривать других как препятствия в осуществлении целей. Он также будет опираться на поддержку их деятельности в процессе своего целедостижения. Но и этого мало. Изменения произойдут в самом целеполагании: уже на этой стадии индивид будет выбирать такие цели, реализация которых будет содействовать осуществлению целей других и рассматривать успешность реализации их планов как важнейшее условие возможности осуществления своих планов. То есть и целеполагание, и целедостижение будут нести в себе диалектический синтез индивидуальной и коллективной автономии (Honneth, 2015, s. 40–42). Только тогда каждый сможет быть в обществе как «у себя дома», а общество будет способствовать развитию уникальных качеств личности каждого посредством максимального роста социальных качеств у всех членов кооперирующегося сообщества.

Интересные мысли можно найти в работе К. Янагида «Философия свободы». По его мнению, подлинная демократия и реальная свобода несовместимы с массовой бедностью. «Хотя считается, что "не единым хлебом жив человек", но вряд ли это может произвести впечатление на тех, кому недоступен даже "хлеб насущный". Не может быть свободы там, где человек лишен права жить по-человечески. Поэтому основным условием достижения всеобщей свободы должна быть гарантия права на жизнь и труд для всего народа. Пока основные права не будут гарантированы, то, сколько бы ни предоставлялась свобода слова и мысли, она не будет истинной свободой» (Янагида, 1958, с. 120). В другом месте этой же работы он писал: «У животных нет свободы. Свободой обладает только человек. Однако ростки того, что явилось основой для свободы, возникли отнюдь не у человека. Если в поисках истоков свободы мы устремим свой взор в глубь веков, то нам, возможно, придется дойти до истоков самой жизни» (Янагида, 1958, с. 107).

Уровневый подход к пониманию свободы

Еще одна идея, которая может пригодиться в размышлениях о свободе, связана с разными уровнями ее осуществления. На первом уровне свобода проявляется как внутренняя характеристика личности, имманентно присущее человеческой личности свойство, отличающее ее от других живых существ. Это свобода воли, лежащая в основе формирования социальной саморегуляции. С наличием свободы воли связывают юридические качества лица как субъекта права, члена гражданского общества: правоспособность, дееспособность, де-

ликтоспособность.

Второй уровень и, соответственно, следующий аспект свободы как «генетической основы самоуправленческих начал в обществе» характеризует свободу с точки зрения состояния, положения человека в обществе. На этом уровне индивид не только осознает человеческую «самость», становится владельцем своей жизни и собственной человеческой личности, но и противопоставляет себя социальной среде, коллективу, обществу в целом, строит с ними отношения на определенных принципах, характеризующих степень единства индивидуальных и коллективных (общественных) интересов, уровень демократизма и самоорганизации этих отношений. Данный аспект свободы характеризуется как освобождение личности от ограничений и насилия (в форме экономического или политического принуждения, национального угнетения, дискриминации и т. д.). Происходит закрепление статуса индивида как гражданина. Это так называемый негативный, «отрицательный» уровень свободы — «свобода от...».

Третий уровень свободы личности как основы самоорганизации населения и взаимоотношений человека, общества и государства отражает свободу как деятельную характеристику личности. Человек выступает не только как самостоятельная, независимая личность, но как деятельный субъект. Свобода предполагает здесь широкие возможности для выбора различных вариантов активного поведения, для преобразующей деятельности личности. Это позитивная свобода, «свобода на...». Она раскрывается через конкретные права и свободы, правовые стимулы. Данный уровень, в отличие от негативного, в большей степени отражает идеи коллективизма (Милевская, 2004).

Список литературы:

Арендт, Х. 2014. Между прошлым и будущим. Москва. Издательство Института Гайдара.

Баньковская, С. Прощальный взгляд на постсовременность: между «свободой» и «безопасностью». URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/proschalnyy-vzglyad-na-postsovremennost-mezhdu-svobodoy-i-bezopasnostyu-zigmunt-bauman-1925-2017>

Бауман, З. 2002. Индивидуализированное общество. Москва. Логос.

Бауман, З. 2015. Идет ли богатство немногих на пользу всем прочим? Москва.

Бауман, З. 2021. Свобода. Москва. Новое издательство.

Бегалиева, С. М., Колядко, В. И. 2006. К проблеме свободы человека (индивидуальной и социальной) в философии экзистенциализма. Компаративистский анализ общечеловеческого и национального в философии: Материалы конференции. Санкт-Петербург.

Берлин, И. 1997. Две концепции свободы. Современный либера-

лизм. Москва. Прогресс.

Берлин, И. 2001. Философия свободы. Европа. Москва. Новое литературное обозрение.

Гаврилова, И. Н. Западные трактовки социальной справедливости: обзор концепций. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/2664>

Дискурсы свободы в российской интеллектуальной истории. Антология. URL: <https://www.litres.ru/book/raznoe-4340152/diskursy-svobody-v-rossiyskoy-intellektualnoy-istorii-antol-63080411/chitat-onlayn/>

Дюги, Л. 1919. Общие преобразования гражданского права со времени Кодекса Наполеона. Москва. Госиздат.

Камю, А. 1990. Миф о Сизифе. Эссе об абсурде // Камю, А. Бунтующий человек. Москва.

Кашников, Б. Н. 2004. Либеральные теории справедливости и политическая практика России. Великий Новгород.

Мижо, М. 1965. Сент-Экзюпери. Москва. Молодая гвардия. URL: <http://20v-euro-lit.niv.ru/20v-euro-lit/mizho-sent-ekzyuperi/nakanunebolshih-sobytij.htm>

Милевская, Т. В. 2004. Грамматика дискурса. Ростов-на-Дону.

Ниринг, С. 1966. Свобода: обещание и угроза. Москва.

Оглезнев, В. В. 2010. Интерпретация понятия «свобода» в аналитической политической философии. Вести Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. № 3 (11).

Оглезнев, В. В., Брянский, С. Н. Исая Берлин и проблемы определения понятия «свобода». URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/isayya-berlin-i-problemy-opredeleniya-ponyatiya-svoboda>

Ролз, Д. 1995. Теория справедливости. Новосибирск. Издательство Новосибирского университета.

Сартр, Ж.-П. 1992. Тошнота. Сартр Ж.-П. Стена. Избранные произведения. Москва.

Скиннер, К. 2013. Идея негативной свободы: философские и исторические перспективы. Логос. № 2 (92).

Филимонова, М. А. 2004. Классический республиканизм в американской и французской революциях конца XVIII века. Новая и новейшая история. № 1.

Фридман и Хайек о свободе. 1990. Москва. Полифакт.

Фридман, М. А. 2006. Капитализм и свобода. Москва. Новое издательство.

Фридман, М., Фридман, Р. 2007. Свобода выбирать: наша позиция. Москва. Новое издательство.

Хайек, Ф. 1988. Конкуренция как процедура открытия. Мировая экономика и международные отношения. № 10.

Хайек, Ф. 1992а. Дорога к рабству. Москва. Экономика.

Хайек, Ф. 1992б. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. Москва. Новости при участии Gatallaxu.

Шапиро, И. 1992. Демократия и гражданское общество. Политические исследования. № 4.

Шарифжанов, И. И. 1989. Судьбы либеральной философии истории. Актон и современная англо-американская историография. Казань.

Издательство Казанского университета.

Шачин, С. В., Шачина, А. Ю. 2022. Концепция общества социальной свободы Акселя Хоннета. Журнал социологии и социальной антропологии. № 25 (1).

Юм, Д. 1996. Трактат о человеческой природе. Книга III. Часть 2. Глава 2. Юм, Д. Сочинения в 2-х томах. Том 1. Москва. Мысль.

Янагида, К. 1958. Философия свободы. Москва.

Янссон, Т. 1996. Треугольная драма: взаимоотношения между государством, местным самоуправлением и добровольными организациями. Гражданское общество на европейском Севере. Санкт-Петербург.

Ярулин, И. Ф. 1997. Гражданское общество: история и современность. Хабаровск. Издательство Хабаровского государственного технического университета.

Adair, D. G. 2000. The intellectual origins of Jeffersonian democracy: republicanism, the class struggle, and the virtuous farmer. New York, Oxford: Lexington Books.

Adam Smith reviewed. 1992. Ed. by P. Jones and A. S. Skinner. Edinburg. Edinburg University Press,

Annas, J. 1981. An introduction to Plato's Republic. Clarendon Press.

Aron, R. 1993/94. Soljenitsne et Sartre. Commentaire. № 64.

Bellamy, R., Hollis, M. 1995. Liberal Justice: political and metaphysical. Philosophical Quarterly. Vol. 45.

Bentley, M. 1987. The climax of liberal politics: British liberalism in theory and practice, 1868–1918. London: Edward Arnold.

Gray, J. 1980. On Negative and Positive Liberty. Political Studies. Vol. 28.

Habermas, J. 1994. Faktizität und Geltung: Beiträge zur Diskurstheorie des Rechts und des demokratischen Rechtsstaates. Frankfurt am Main. Suhrkamp Verlag.

Hayek, F. A. 1979. The political order of a free people. London: Routledge.

Hayek, F. A. 1989. Order: with or without design? Selections from F. A. Hayek's contribution to the theory and application of spontaneous order. London. Centre for Research into Communist Economies.

Hayek, F. A. 1967. Studies in philosophy, politics and economics. London. Routledge.

Hayek, F. A. 1973. Rules and order. London. Routledge.

Hayek, F. A. 1976. The road to serfdom. London. Routledge.

Honneth, A. 2010. Das Gewebe der Gerechtigkeit. Über die Grenzen des zeitgenössischen Prozeduralismus. In: Honneth A. Das Ich im Wir. Berlin. Suhrkamp Verlag.

Honneth, A. 2011. Das Recht der Freiheit: Grundriss einer demokratischen Sittlichkeit. Berlin. Suhrkamp Verlag.

Honneth, A. 2015. Die Idee des Sozialismus: Versuch einer Aktualisierung. Frankfurt am Main. Suhrkamp Verlag.

MacCallum, G. C. 1967. Negative and Positive Freedom. The Philosophical Review. Vol. 76. No. 3.

Nearing, S. 1961. Freedom: Promise and Menace. A Critique on the Cult of Freedom. Harborside, ME. Social Science Institute.

Nozick, R. 1974. Anarchy, State and Utopia. New York. Basic Books, Inc. Publishers.

Rawls, J. 1993. Political Liberalism. New York. Columbia University Press.

Svendsen, L. 2014. A Philosophy of Freedom. London. Reaktion Books.

Taylor, C. 1979. "What's Wrong with Negative Liberty". A. Ryan (ed.). The Idea of Freedom. Oxford University Press.

Об авторе:

ДЗЯЛОШИНСКИЙ Иосиф Михайлович (Москва, Россия) — доктор филологических наук, проректор по науке Академии коммуникации и информации, член Правления Национальной ассоциации исследователей массмедиа, действительный член Евразийской академии телевидения и радио, член редакционного совета Российской коммуникативной ассоциации, imd2000@yandex.ru.

LECTURE № 4. MODERN THEORIES OF FREEDOM: THE EXPANDING UNIVERSE OF INTERPRETATIONS

Abstract: The lecture is devoted to understanding and systematization of interpretations of the category "freedom" that developed in the 20th century. Existentialist and liberal approaches to understanding freedom are highlighted. An analysis of discursive and logical-hermeneutic approaches is undertaken. The connection between freedom and privileges and justice, studied within the framework of social philosophy, is shown.

Key words: freedom, theories of freedom, privileges and justice.

About the author:

DZIALOSHINSKII Iosif Mihailovich (Moscow, Russian Federation) — Dr. of Philol., vice-rector for Science of the Academy of Communication and Information, member of the board of the National Association of Mass Media Researchers, full member of the Eurasian Academy of Television and Radio, member of the editorial board of the Russian Communication Association, imd2000@yandex.ru

MA'RUZA NO 4. ZAMONAVIY ERKINLIK NAZARIYALARI: QOCHUVCHI KOINOT TALQINLARI

Annotatsiya: Ma'ruza "erkinlik" kategoriyasining XX asrda shakllangan talqinlarini tushunish va tizimlashtirishga bag'ishlangan. Erkinlikni tushunishda ekzistensialistik va liberal yondashuvlar ajratib ko'rsatilgan. Diskursiv va mantiqiy-germenevtik yondashuvlar tahlili amalga oshirilgan. Ijtimoiy falsafa doirasida o'rganiladigan erkinlikning imtiyozlar va adolat bilan bog'liqligi ko'rsatilgan.

Kalit so'zlar: erkinlik, erkinlik nazariyalari, adolat

Muallif haqida:

DZIALOSHINSKII Iosif Mihailovich (Moskva, Rossiya Federatsiyasi)
— Filologiya fanlari doktori, Aloqa va axborotlashtirish Akademiyasining
ilmiy ishlar bo'yicha prorektori, Ommaviy axborot vositalari tadqiqotchilari
Milliy assotsiatsiyasi kengashi a'zosi, Evroosiyo televideniye va radio
Akademiyasining haqiqiy a'zosi, Rossiya aloqa assotsiatsiyasi tahririyati
a'zosi, imd2000@yandex.ru

FUQAROLIK JAMIYATI VA AXBOROT
KOMMUNIKATSIYALARI KATEGORIYALARISherzodxon Qo'dratxo'ja,

O'zbekiston jurnalistika va ommaviy kommunikatsiyalar universiteti

Annotatsiya: Ushbu maqolada fuqarolik jamiyati va axborot-kommunikatsiya texnologiyalari kategoriyalari demokratik va huquqiy davlatning muhim tarkibiy qismlari sifatida ko'rib chiqiladi. Muallif raqamli texnologiyalarning fuqarolik jamiyati shakllanishiga ta'sirini tahlil qiladi, IKTning davlat hokimiyatining oshkoraligini ta'minlash, jamoatchilik nazoratini rivojlantirish va jamiyat hamda davlat institutlari o'rtasida aloqa o'rnatishdagi ahamiyatini ochib beradi. Shuningdek, maqolada fuqarolik jamiyatining strukturasi o'zgarishlariga oid nazariy yondashuvlar ham tahlil qilingan.

Kalit so'zlar : fuqarolik jamiyati, axborot-kommunikatsiya texnologiyalari, demokratiya, markazlashtirish, raqamli transformatsiya, institutlar, struktura.

Hozirgi davrga kelib jahonda fuqarolik jamiyati va huquqiy davlatlar shakllanib, yanada rivojlanib bormoqda. XX asrning oxiri – XXI asrning boshlariga kelib axborot kommunikatsiyalarining takomillashib borishi fuqarolik jamiyatining rivojlanishiga kuchli ta'sir etdi. Jahonning rivojlangan mamlakatlarda fuqarolik jamiyatining asosiy vazifasi jamiyatdagi ijtimoiy qatlamlar manfaatlarini himoya qilish, ularni amalga oshirish shart-sharoitlarini yaratish, shuningdek davlat hokimiyati organlari faoliyatlari ustidan jamoatchilik nazoratini amalga oshirish hisoblanadi. Albatta, bu jarayonda zamonaviy axborot kommunikatsiyalari - aholi bilan “elektron hukumat” vositasida muloqotlarni rivojlantirish, jamiyatni axborot xurujlaridan himoyalash, nodavlat notijorat tashkilotlarning o'zaro va davlat organlari bilan kommunikativ aloqalarini uyushtirish, jamiyat va davlat boshqaruvida raqamli iqtisodiyotni joriy etish eng muxim va dolzarb vazifalar sirasiga aylandi. Jahonda 2022-yilda axborot texnologiyalari xarajatlari hajmi 603 mlrd. AQSH dollarini tashkil etganligi, bu bir yil ichida 4,1 foizga o'sganligi (Qarang, 2023) fikrimizga dalildir.

Shu bilan birga, mamlakatda hozirgi davrda fuqarolik jamiyatini shakllantirishning asosiy omili darajasiga ko'tarilgan - aholini axborot kommunikatsiyalari va texnologiyalari o'zida jamiyat institutlariga xos sifatlarni o'zlashtirdi. Fuqarolik jamiyatini barpo etishning sinonimi sifatidagi axborot jamiyatini qurish maqsadi tug'ilgani ham bejiz emas. Umuman olganda, mavzuni o'rganishning dolzarbligi yana quyidagilar bilan belgilanadi:

- axborot kommunikatsiyalarining hozirgi davrdagi asosiy vazifasi – axborotlarni o'ta tezkorlik bilan ommabop tarzda, turli mafkuraviy qarashlardan holi ravishda yetkazish bo'lganligi uchun ham fuqarolik jamiyatining asosiy institutlaridan biri

DOI:

<https://doi.org/10.62499/>

ijmcc.vi9.198

Iqtibos:

Sherzodxon, Qo'dratxo'ja.
2025. FUQAROLIK
JAMIYATI VA AXBOROT
KOMMUNIKATSIYALARI
KATEGORIYALARI
Markaziy Osiyoda media va
kommunikatsiyalar xalqaro
ilmiy jumali. 9: 83-85.

sifatida namoyon bo‘lmoqda;

- axborot kommunikatsiya vositalari hokimiyat organlar va fuqarolar o‘rtasidagi munosabatarni bog‘lab turuvchi vosita vazifasini bajarib, ular fuqarolarning turli manfaatlarini tashuvchi va ifoda etuvchi institut funksiyalarini bajara boshladi;

- jamiyatda axborot kommunikatsiya texnologiyalarini fuqarolik jamiyati institutlari boshqaruvi va faoliyatiga joriy etishga muhim e‘tibor berilmoqda. Chunki ommaviy axborot vositalari fuqarolarning siyosiy ijtimoiylashuvi tezlashayotgan bir davrda, ularning ongi, qarashi va yangi axborotlar olishga intilishlari kuchayib borishini taqozo etmoqda. Shu bilan birga, mamlakatda fuqarolik jamiyatini rivojlantirishda axborot kommunikatsiyalarini joriy etish sur‘atlarini tezlashtirish Yangi O‘zbekiston va uchinchi Rennensans poydevorini qurishning tarkibiy qismlaridan biri sifatida e‘tirof etilmoqda.

Hozirgi davrda g‘arb davlatlarida fuqarolik jamiyati institutlarining rivojlanib borishi bilan davlat boshqaruvini nomarakazlashtirish (detsentralizatsiyalash) uchun ijtimoiy, iqtisodiy va psixologik shart-sharoitlar yaratiladi. Bu jarayon davlat boshqaruvini erkinlashtirish (liberallashtirish) va ma‘muriy islohotlarning eng asosiy sharti hamdir.

Fuqarolik jamiyati shakllanib borgani sari mansabdorlar faoliyatini milliy manfaatlar, jamiyat baroqarorligi va xalq farovonligi asosida kechishi uchun shart-sharoitlar shakllanib boradi. Chunki, jamiyatning manfaatlari bilan shaxsning manfaatlari uyg‘unlashgan fuqarolik jamiyati sharoitida fuqarolarning huquqlar ham manfaatlar asosida insoniy birliklarga uyushish va shu asosda hokimiyat organlarini nazorat qilish, ularda ishtirok etish mayllari shakllanib va o‘sib bordi.

Fuqarolik jamiyati sharoitida markaziy hokimiyatda milliy manfaatlar bilan bog‘liq yirik vakolatlardan boshqasi mahalliy hokimiyat organlari va fuqarolik jamiyati institutlariga uzatiladi. Hududiy o‘zini o‘zi boshqarish organlari, o‘z navbatida, fuqarolarning ixtiyoriy birlashuvi o‘z zimmasiga olmagan yoki u rad etganidan boshqa vakolatlarni amalga oshira boshladi. Bu holatda konsensusga erishish prinsipiga asoslanildi. Bu prinsip ko‘pincha ma‘muriy shartnomalarda ifodalana boshlaydi.

Rivojlangan mamlakatlarda huquqiy davlatning paydo bo‘lishi fuqarolik jamiyati tushunchalarini talqin etishga ham kuchli ta‘sir etdi. Jumladan, fuqarolik jamiyati tushunchasini keng va tor ma‘nolarda ishlatish rusumga kirdi. Keng ma‘nodagi fuqarolik jamiyati - davlat va uning tizimlari tomonidan jamiyatni egallab olmagan qismi, boshqacha aytganda, davlatning qo‘li yetmagan qismidir. Bu kabi jamiyat davlatga nisbatan avtonom, bevosita unga qaram bo‘lmagan qatlam sifatida rivojlandi. Shuningdek, fuqarolik jamiyati keng ma‘noda faqat demokratik qadriyatlarini

muhitidagina emas, balki avtoritarizm rejimida ham yashay oladi. Lekin, totalitarizmning paydo bo'lishi bilan fuqarolik jamiyati siyosiy hokimiyat tomonidan butunlay «yutib» yuboriladi.

Fuqarolik jamiyati tushunchasi tor ma'noda talqin etilganda, u huquqiy davlatning ikkinchi tomoni bo'lib, ular bir-birlarisiz yashay olmaydi. Fuqarolik jamiyati bozor iqtisodiyoti va demokratik huquqiy davlat sharoitida davlat tasarrufida bo'lmagan erkin va teng huquqli individlarning o'zaro munosabatlaridagi plyuralizmdan tashkil topadi. Bunday sharoitlarda jamiyat sohalariga xususiy manfaatlar va individualizmning erkin munosabatlari qamrab olinadi. Bu kabi jamiyatn

Foydalanilgan adabiyotlar ro'yxati

Differentsiatsiya [fr. differentiation < lot. differentia farq qilish, tafovut] - 1) bir butunning turli qismlar, shakllar va darajalarga bo'linishi, ajralishi, parchalanishi.

Qarang: Mirovoy IT-rinok. 23 iyunya 2023 g.// <https://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%D1...>

Qarang: Osnovi politicheskoy nauki. Chast I. Pod.red. V.P.Pugacheva.-M.: MGU im. M.V.Lomonosova, 1996. –B.219-221.

Kartashov, V.N. Grajdanskoye obshestvo kak sistema (sotsialno-pravovoy aspekt)/ V.N. Kartashov // Vestnik Yaroslavskogo gosudarstvennogo universiteta im. P.G.Demidova.–2009.–№1.–S. 37-43.

Reznik, Yu.M. Formirovaniye institutov grajdanskogo obshestva (sotsioinjenerniy podxod) / Yu.M. Reznik // Sotsis. – 1994. – №10. – S. 21 – 30.

CATEGORIES OF CIVIL SOCIETY AND INFORMATION COMMUNICATIONS

Abstract: This article explores the categories of civil society and information and communication technologies (ICT) as essential components of a democratic and legal state. The author analyzes the impact of digital technologies on the development of civil society and highlights the role of ICT in enhancing government transparency, strengthening public oversight, and facilitating communication between state and civil institutions. The article also delves into theoretical approaches to the structure of civil society and its institutional framework in contemporary conditions.

Keywords: civil society, information and communication technologies, democracy, decentralization, digital transformation, institutions, structure.

About the author:

QUDRATXOJA Sherzodhon — doctor of political science, rector of the University of journalism and mass communications of Uzbekistan, sherzodxon.qudratxoja@jmcu.uz

KIBER MAKONDA BLOGPOSTNING AHAMIYATLI JIHATLARI

Laylo Xusanova,

O'zbekiston jurnalistika va ommaviy kommunikatsiyalar universiteti

Annotatsiya: Maskur maqolada blogpostning xususiyatlari va turlari haqida batafsil to'xtalib, uning bugungi kundagi ahamiyati haqida yozilgan. Tezisdan ko'zlangan maqsad blogerlarning mediadagi rivojlanishni jalb qiluvchi kuchga aylanib, yangi ijtimoiy va iqtisodiy tendensiyalarni shakllantirishda muhim rol o'ynashi hamda ularning mediadagi o'rni, ijtimoiy, siyosiy va iqtisodiy voqeliklarga ta'siri, kontentning erkinligi va raqamli platformalardan foydalanish, qolaversa, blogpostlarning ahamiyati borasidagi ixtiyoriy erkinliklarini ochib berishdan iborat.

Kalit so'zlar: Media savodxonlik, blogpost, blogsoha, kontent, professional axborot, blog turlari, ishtimoiy tarmoqlar.

Tezlik bilan rivojlanayotgan zamonda har bir narsa o'z shakl shamoilini o'zgartirar ekan, axborotning ham ixcham va londa qilib berilishining ahamiyati blogpostlarda ko'rinmoqda (Miller, 2015). Blog (inglizcha: web log – „veb-jurnal“) so'zidan olingan bo'lib, bu veb-saytning bir ko'rinishi, undagi maqolalar xronologik tarzda yoziladi. Aksariyat bloglarda ma'lum bir mavzuga tegishli yangilik yoki sharh chop etiladi; boshqalari esa shaxsiy onlayn kundalik sifatida xizmat ko'rsatadi. Washington Profile ma'lumotlarga ko'ra birinchi blog varaqasiga 1992-yili TIM BERENS-Li tomonidan yangiliklar nashr etgan. 1996-yili bloglardan foydalanish keng ommaga yoyildi. 1999-yil avgust oyida San-Fransiskolik PYRA LABS kompaniyasi Blogger saytini ochdi. U birinchi bepul blog xizmati edi. Keyinchalik Blogger Google kompaniyasi tomonidan sotib olindi. 2004-yili Apple kompaniyasi hali rasmiy e'lon qilinmagan yangi tavarlari haqida bloggerlar ma'lumotlar tarqatganligi uchun bloggerlarni sudga berdi, ammo sutda yutqazib qo'yishdi.

2006-yili sud bloggerlar ham jurnalistlar ega bo'lgan huquqlarga ega deb qaror chiqardi (David, 2023). Konstitutsiyamizning 29-moddasiga (2023) muvofiq, har kim o'zi istagan axborotni izlash, olish va uni tarqatish huquqiga ega. Demak, bloger ham o'zi istagan axborotni izlashi, olishi, chuqur o'rganishi va o'rganish natijalarini ommaga e'lon qilishi mumkin. Blogpost – bu internetda joylashtiriladigan, odatda biror mavzuda yozilgan maqola yoki yozuv. U turli formatlarda bo'lishi mumkin: fikrlar, tahlillar, qo'llanmalar yoki shaxsiy tajribalar. blogpostlar ko'pincha o'quvchilar bilan muloqot qilish, ularning fikrlarini inobatga olish va muayyan auditoriyaga ma'lumot berish maqsadida yoziladi.

Blogpost yozish orqali, siz o'z fikrlaringiz, tajribangiz va bilimlaringizni boshqalar bilan bo'lishingiz mumkin (Chua,

DOI:

[https://doi.org/10.62499/](https://doi.org/10.62499/ijmcc.vi9.199)

ijmcc.vi9.199

Iqtibos:

Xusanova, Laylo. 2025.
KIBER MAKONDA
BLOGPOSTNING
AHAMIYATLI JIHATLARI
Markaziy Osiyoda media va
kommunikatsiyalar xalqaro
ilmiy jurnali. 9: 86-89.

2023). Albatta bunda axborot almashinuvi hosil bo‘ladi. Quyida blogpostning asosiy xususiyatlari haqida to‘xtalib o‘tamiz:

Blogpostning eng birinchi xususiyatlari informatsiya berish hisoblanadi (Doherty & Viller, 2020). Ya‘ni, blogpostni ma‘lum bir mavzu haqida ma‘lumot berish, fikrlarni ifodalash yoki tajribalar bilan bo‘lishish uchun ishlatamiz.

Ikkinchi muhim xususiyati bu – korreksiya: – unda bloglar o‘zgaruvchan va muntazam ravishda yangilanishi mumkin, bu esa ularni o‘zgaruvchan va dinamikli bo‘lishiga olib keladi.

Uchinchi xususiyati shundayki, o‘zaro muloqotga ta‘sir qiladi. Shuningdek, bloglar o‘zlarining o‘quvchilariga o‘zaro muloqot qilish uchun platformani shakllantiradi.

blogpostning asosiy e‘tibor qaratiladigan to‘rtinchi turi kontent hisoblanadi. Unda matn, surat, video va boshqa multimedia kontentlari muhim rol o‘ynaydi. Sababi, kuzatuvchilarning e‘tiborini tortish maqsadida ham aynan shu sanab o‘tilgan formatlardan keng foydalanilmoqda.

Yangiliklar berib borish blogpostning an‘anaiy xususiyatlaridan hisoblanadi. Blog postlari odatda yangi ma‘lumotlar, ko‘rsatmalar va tahlillar kabi yangiliklar bilan davomiylikni ta‘minlaydi. Uning ham bir qancha turlari mavjud bo‘lib quyida ular bilan tanishinib chiqamiz.

Shaxsiy blog: muallifning fikrlarini, tajribalarini va qiziqishlarini baham ko‘radigan onlayn platforma (Lamri, 2023). U turli mavzularda bo‘lishi mumkin: sayohat, texnologiya, san‘at, salomatlik, o‘z-o‘zini rivojlantirish, va boshqalar. Bunday blog yaratish uchun birinchi navbatda, qiziqadigan mavzuni tanlash zarur. Keyin blog platformasini (WordPress, Blogger, Medium kabi) tanlash kerak. Dizayn va tuzilmani o‘zingiz xohlagan tarzda sozlang. Bunda jamiyatimizdagi har bir shaxs o‘z fikrlari, hayoti va tajribalari bilan bo‘lisha oladi.

Tashkilot blogi:

1. Maqsad va strategiya – Tashkilotning maqsadlari, missiyasi va strategiyalari haqida ma‘lumot berish. Bu o‘quvchilarga tashkilotning asosiy yo‘nalishlarini tushunishga yordam beradi.

2. Yangiliklar va tadbirlar – Tashkilot ichida bo‘layotgan yangiliklar, o‘tkazilayotgan tadbirlar haqida xabarlar. Bu, tinglovchilarni xabardor qiladi va jalb etadi.

3. Tadqiqotlar va nazariyalar – Tashkilotda amalga oshirilayotgan tadqiqotlar haqida maqolalar yozish. Bu specializatsiyalashgan jamoa uchun foydali.

4. O‘qitish va tarbiya – O‘qituvchi va mutaxassislar tomonidan yozilgan ko‘rsatmalar va maslahatlar. Bu, jamoa a‘zolarining malakasini oshirishga yordam beradi.

5. Muloqot va fikrlar – O‘quvchilar bilan fikr almashish

imkoniyatini yaratish. Izohlar va savollarga javob berish orqali aktiv munosabat o'rnatish mumkin.

6. Resurslar va vositalar – Foydali materiallar va manbalarni taqdim etish. Bu, tashkilot ishchilari va o'quvchilar uchun qo'shimcha yordam bo'ladi.

7. Jamoat davomiyligi – Tashkilotning jamoatga ta'sirini oshirish va o'quvchilarni tashkilot ishlariga jalb qilish (Simon, 2022).

Sana blogi:

Bunga turli mavzular haqida o'zaro muloqotlar va tahlillar bilan bo'lishish uchun sana blogi misol bo'lishi mumkin.

blogpostlari odatda "bloglar" da joylashtiriladi, ular ushbu turdagi tarkibni nashr etishga bag'ishlangan veb-saytlardir (odatda ma'lum bir mavzu yoki joyga qaratilgan), ammo deyarli har qanday veb-saytda ushbu turdagi postlar ishlab chiqariladigan maxsus blog bo'limi bo'lishi mumkin.

blogposti nima uchun ishlatiladi?

blogpostlarining eng qiziqarli jihatlaridan biri shundaki, ular odatda ikkita noyob afzalliklarga ega bo'lib, ular o'quvchilar va noshirlar o'rtasida sog'lom "g'alaba qozonish holatini" o'rnatadilar (Marr, 2024).

Bir tomondan, blogpostlari odatda axborot xarakteriga ega, ayniqsa ular mutaxassislar tomonidan joylashtirilganda. Shu sababli, ular o'quvchilarni o'qitish va o'quvchilarning ma'lum mavzular bo'yicha so'rovlarini qondirish uchun ishlatiladi.

Boshqa tomondan, bloglarni joylashtirish o'quvchilarga mahsulotingiz yoki xizmatlaringiz haqida ma'lumot beradi, shu bilan birga ko'proq trafikni jalb qiladi va sizning brendingiz yoki biznesingiz uchun ko'proq savdo va etakchilarni yaratadi. blogpostlarini yozishning asosiy maqsadi mavzu haqida ko'proq ma'lumot berishdir. Butun dunyoda turli mavzular haqida ma'lumot beruvchi millionlab bloglar mavjud. Ushbu bloglarning farqi shundaki, postlar qanchalik qiziqarli bo'lsa kuzatuvchilari ham o'ziga yarasha ortib boradi. Agar siz blogingizga ko'proq o'quvchilarni jalb qilmoqchi bo'lsangiz, blogpostlaringiz juda jozibali bo'lishi kerak. Qiziqarli va ma'lumotli blogpostlarini yozish shunchaki yozishdan ko'proq narsani talab qiladi. O'ziga xos tamonlari ham bor (Reuters Institute, 2023).

1. Foydali ma'lumot – o'quvchilarga yangi bilimlar beruvchi yoki muammolarini hal etishga yordam beradigan maqolalar yaratish muhim.

2. Shaxsiy tajriba – shaxsiy tajribangizni baham ko'rish, o'quvchilar bilan bog'lanishga yordam beradi. Bu ishonchni oshiradi.

3. Yozish uslubi – qiziqarli va oson tushuniladigan uslubda yozish, o'quvchilarni maqolani davom ettirishga undaydi.

4. Vizual materiallar – rasm, diagramma yoki video qo‘shish, maqolani qiziqarli qiladi va o‘quvchining e‘tiborini tortadi.

5. SEO optimizatsiyasi – qidiruv tizimlari uchun maqolani optimallashtirish, ko‘proq o‘quvchilarga erishishga yordam beradi.

6. Muloqot va izohlar – o‘quvchilar bilan muloqot o‘rnatish, ularni jalb qiladi va jamaatni oshiradi.

7. Doimiy yangilanish – muntazam ravishda yangi postlar qo‘shish, blogni yangilab turadi va o‘quvchilarning qiziqishini saqlaydi.

Bundan tashqari, oliy ta‘lim muassasalarida jurnalistika, axborot texnologiyalari va ijtimoiy fanlar yo‘nalishlarida media savodxonlik bo‘yicha maxsus darslar va kurslar joriy etilgan (Gondwe, 2023). O‘zbekiston Respublikasi Axborot va ommaviy kommunikatsiyalar agentligi YUNESKO va OSCE bilan hamkorlikda respublika bo‘ylab OAV xodimlari, blogerlar, yosh jurnalistlar uchun treninglar, seminarlar va o‘quv dasturlari yo‘lga qo‘yilgan. Masalan, 2023-yilda o‘tkazilgan “Media savodxonlik haftaligi” doirasida 300 dan ortiq ishtirokchi uchun treninglar tashkil etildi.

Foydalanilgan adabiyotlar ro‘yxati

Anderson, J. Q., & Rainie, L. (2022). The Future of Digital Spaces and Social Media. Pew Research Center. <https://www.pewresearch.org/internet/2022/06/30/the-future-of-digital-spaces-and-social-media/>

Boyd, D. (2014). It’s Complicated: The Social Lives of Networked Teens. Yale University Press.

Burgess, J., & Green, J. (2018). YouTube: Online Video and Participatory Culture (2nd ed.). Polity Press.

Chadwick, A. (2017). The Hybrid Media System: Politics and Power (2nd ed.). Oxford University Press.

Gillmor, D. (2006). We the Media: Grassroots Journalism by the People, for the People. O’Reilly Media.

Jenkins, H., Ford, S., & Green, J. (2013). Spreadable Media: Creating Value and Meaning in a Networked Culture. New York University Press.

Kietzmann, J. H., Hermkens, K., McCarthy, I. P., & Silvestre, B. S. (2011). Social media? Get serious! Understanding the functional building blocks of social media. *Business Horizons*, 54(3), 241–251. <https://doi.org/10.1016/j.bushor.2011.01.005>

McQuail, D. (2010). *McQuail’s Mass Communication Theory* (6th ed.). Sage Publications.

Shirky, C. (2008). *Here Comes Everybody: The Power of Organizing Without Organizations*. Penguin Books.

Sundar, S. S. (2008). The MAIN model: A heuristic approach to understanding technology effects on credibility. In M. J. Metzger & A. J. Flanagin (Eds.), *Digital Media, Youth, and Credibility* (pp. 73–100). MIT Press.

Muallif haqida:

XUSANOVA Laylo Jumaboy qizi — O‘zbekiston jurnalistika va ommoviy kommunikatsiyalar universiteti 1-bosqich magistranti

IMPORTANT ASPECTS OF A BLOGPOST IN CYBERSPACE

Abstract: The article discusses in detail the characteristics and types of blogposts and their importance today. The aim of the thesis is to reveal the role of bloggers in shaping new social and economic trends, their role in the media, their influence on social, political and economic realities, their freedom of choice in the use of digital platforms, and the importance of blogposts.

Keywords: Media literacy, blogpost, blogosphere, content, professional information, blog types, social media

About the author:

KHUSANOVA Laylo Jumaboy qizi — first-year master’s student at the University of Journalism and Mass Communications of Uzbekistan.

O‘ZBEKISTONDA DESTRUKTIV KONTENTGA QARSHI
KURASH: MEDIA STRATEGIYALAR TAHLILI

Shohista Yunusaliyeva,
O‘zbekiston Milliy universiteti

Annotatsiya: Maqolada O‘zbekiston internet makonida destruktiv kontentlarga qarshi kurashishda axborot platformalarining, xususan, Kun.uz va Yuz.uz saytlarining o‘rni tahlil qilinadi. Destruktiv kontent turlari, ularning ommaviy axborot vositalari orqali tarqalish uslublari, shuningdek kontr-narrativlar, media savodxonlik va faktchekingning ahamiyati asosida tahlil qilinadi. Yuz.uz va Kun.uz saytlarining konkret faoliyatiga asoslangan tahliliy misollar orqali bu kontentlarga qarshi strategiyalar yoritiladi.

Kalit so‘zlar: destruktiv, content, axborot platformalari, sayt, kontr-narrativ, media savodxonlik, faktcheking

Axborot makonida global raqobat kuchayib borayotgan bir paytda, O‘zbekistonda ham jamiyatni axboriy tahdidlardan himoya qilish dolzarb masalaga aylanmoqda. E.Tofflarning urushlar tipologiyasiga ko‘ra, agrar jamiyat urushlari hududlar uchun, industrial davr urushlari ishlab chiqarish vositalari uchun olib borilgan bo‘lsa, zamonaviy axborot davri kurashlari axborot oqimi va bilim resurslari ustidan yuritiladi (Toffler, 1980).

Destruktiv kontent turlari

Destruktiv kontentlar orasida feyk xabarlar, manipulyativ yangiliklar, ekstremistik chaqiriqlar, nafrat so‘zlari, emotsional shov-shuvli sarlavhalar asosiy o‘rinda turadi. Philip N. Howardning “Lie Machines” (2020) asarida internetdagi manipulyatsiya va yolg‘on xabarlarining demokratik jamiyatlarga salbiy ta‘siri keng yoritilgan.

DOI:

<https://doi.org/10.62499/>

ijmcc.vi9.200

Iqtibos:

Yunusaliyeva, Shohista.
2025. O‘ZBEKISTONDA
DESTRUKTIV
KONTENTGA QARSHI
KURASH: MEDIA
STRATEGIYALAR TAHLILI
Markaziy Osiyoda media va
kommunikatsiyalar xalqaro
ilmiy jurnali. 9: 90-92.

Kun.uz saytida destruktiv kontentga qarshi strategiyalar.

Kun.uz O‘zbekistondagi eng yirik xabar portallaridan biri bo‘lib, feyk xabarlarni fosh etish, firibgarlik sxemalarini aniqlash, emotsional sarlavhalar bilan birga faktlarga asoslangan tahliliy maqolalar e‘lon qilishi bilan ajralib turadi. Sayt, misol uchun, “zombi virus” yoki “TeslaX investitsiyasi” singari feyk xabarlarga qarshi rasmiy manbalarga tayanib materiallar chiqargan.

Saytda clickbait, vahimaga solish, shubha uyg‘otish, davlat organlariga ishonchsizlik singari manipulyatsiya usullariga misol bo‘luvchi maqolalar ham kuzatilgan. Bu esa jurnalistik mas‘uliyat va faktcheking muammolarini yuzaga chiqaradi.

Kun.uz kabi yirik sayt jamoasida, albatta, materiallar ichki tahririyat nazoratidan o‘tadi. Shunday bo‘lsa-da, xato yoki aniqlanmagan ma‘lumot tarqalish xavfi saqlanib qoladi. Masalan, yirik falokatlar haqida ilk xabarlar odatda ijtimoiy tarmoq va messendjerlardagi xabarlarga asoslanadi – u yerda esa ma‘lumot ko‘pincha rasmiy tasdiqsiz bo‘ladi. Qamchiq dovonidagi YTH misolida rasmiy axborot ikki kun kechikkan, natijada hodisa haqidagi dastlabki tasvirlar ijtimoiy tarmoq orqali tarqalgan va omma orasida taxminlar uyg‘ongan edi.(kun.uz) Bu o‘rinda sayt ijtimoiy tarmoqda chiqqan videolarga tayangan holda hodisani yoritishga majbur bo‘ldi. To‘g‘ri, keyinchalik rasmiy tasdiq keldi, ammo dastlabki bosqichda xabar to‘liq tasdiqlanmagan axborotga qurilgan edi.

Yuz.uz saytida kontr-narrativ strategiyalar.

Yuz.uz esa rasmiy axborot manbasi sifatida feyk xabarlarga qarshi tezkorrad etish, ijtimoiy ongda ishonchni tiklash, multimedia vositalari orqali konstruktiv kontent yetkazish vazifasini bajaradi. Masalan, “Muftiy Nuriddin Xoliqnazarov nomidan feyk video” haqidagi ogohlantiruv, Markaziy bank tangasi haqidagi yolg‘on xabarlarni rad etish, “Jaholatga qarshi ma‘rifat” kabi videoroliklar shular jumlasidandir. Yuz.uzning afzalliklaridan biri bu kontentning ko‘p tildaligi va xalqaro auditoriyani ham qamrab olishidir. Sayt o‘z materiallarini o‘zbek, rus, ingliz, qozoq, tojik tillarida taqdim etadi.

Yuz.uz sayti davlat axborot siyosati doirasida ishlaganligi sababli, uning afzallik jihati – rasmiy manbalarga bevosita tayanishi va xabarlarining ishonchliligi yuqori ekanligidir. Sayt O‘zbekistondagi aksar rasmiy idora va tashkilotlarning axborot xizmati bilan integratsiyalashgan holda ishlaydi. Masalan, Yuz.uz milliy axborot agentligi UZA bilan hamkor tarzda ishlagani tufayli qonun chiqaruvchi va ijro hokimiyatidagi yangiliklarni birinchi manbada oladi. Bu esa tezkorlik va haqqoniylikni ta‘minlaydi. Yuqoridagi misollardan ko‘rinadiki, Yuz.uz ogohlantiruvchi kontentni tezda e‘lon qilish orqali feyk xabarlarining keng tarqalib ketishining oldini olishga intiladi. Misol uchun, O‘zbekiston

Musulmonlar idorasi va Markaziy bank bilan bog‘liq feyklar bo‘yicha rasmiy izohlar operativ tarzda berilishi natijasida jamiyatda noto‘g‘ri tushunchalar chuqur ildiz otmadi.

Multimedia texnologiyalar va foydalanuvchi ishtiroki.

Yuz.uz video, infografika, podcastlar orqali ijtimoiy muammolarni yoritadi va ijobiy misollar asosida motivatsion kontent yaratadi. Shu bilan birga, foydalanuvchi ishtirokini rag‘batlantirish – xalq vakillarining chiqishlarini e‘lon qilish, fikr bildirish imkoniyatlari, ijtimoiy tarmoqlar bilan integratsiya qilish – bu kontr-narrativlarning samaradorligini oshiradi.

Xulosa o‘rnida ta’kidlash joizki, destruktiv kontentga qarshi kurash doimiy e‘tibor va yangilanishni talab etuvchi jarayon hisoblanadi. Tahlillar ko‘rsatganidek, yetakchi internet-nashrlar (Kun.uz, Yuz.uz kabi) feyklarni fosh etib, rasmiy bayonotlarni yetkazib, kontr-narrativlar yaratish orqali muhim ishlarni amalga oshirdi. Xorijiy tajribani o‘rganish va zamonaviy texnologiyalarni jalb etish bu kurashni yangi bosqichga olib chiqishi mumkin. Axborot asrida axborot xavfsizligi milliy xavfsizlikning ajralmas qismiga aylangan. Shu bois, davlat idoralari, ommaviy axborot vositalari va fuqarolik jamiyati birgalikda yagona pozitsiyada jamiyatni yolg‘on va buzuvchi xabarlardan himoya qilish uchun izchil chora-tadbirlar ko‘rishi lozim.

Foydalanilgan adabiyotlar ro‘yxati

Arifxonova, S. (2023). Internet makonida axboriy xavfsizlik va tahlil yondashuvlari. O‘zbekiston jurnalistikasi, 2(4).

Kun.uz. (2024–2025). Turli tahliliy va yangiliklar maqolalari. <https://kun.uz>

Yuz.uz. (2024–2025). Rasmiy rad etishlar va ogohlantiruvlar maqolalari. <https://yuz.uz>

Howard, P. N. (2020). Lie machines: How Facebook, Google, and Twitter made Trump. Yale University Press.

OSCE. (2023). Preventing violent extremism through media literacy. <https://www.osce.org>

Toffler, A. (1980). The third wave. William Morrow and Company.

UNESCO. (2024). Media literacy in Central Asia. <https://www.unesco.org/en>

Muallif haqida:

YUNUSALIYEVA Shohista Qodirovna — O‘zbekiston Milliy universiteti mustaqil izlanuvchisi.

COMBATING DESTRUCTIVE CONTENT IN UZBEKISTAN: ANALYSIS OF MEDIA STRATEGIES

Abstract: This article analyzes the role of information platforms, particularly the Kun.uz and Yuz.uz websites, in combating destructive content in Uzbekistan's internet space. It examines types of destructive content, their methods of dissemination through media, as well as the importance of counter-narratives, media literacy, and fact-checking. Strategies against this content are highlighted through analytical examples based on the specific activities of the Yuz.uz and Kun.uz websites.

Keywords: destructive, content, information platforms, website, counter-narrative, media literacy, fact-checking

About the author:

YUNUSALIYEVA Shohista Qodirovna — independent Researcher at the National University of Uzbekistan.

ПРОФЕССИЯ ЖУРНАЛИСТА В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ: ТРАНСФОРМАЦИЯ РОЛЕЙ И ВЫЗОВЫ МУЛЬТИМЕДИЙНОЙ СРЕДЫ

Нозима Муратова,

Университет журналистики и массовых коммуникаций Узбекистана

Аннотация: В статье рассматривается трансформация журналистской профессии в условиях стремительного развития цифровых технологий и мультимедийной среды. Анализируются изменения в характере журналистской деятельности, рост требований к универсальности специалистов, влияние "взрыва авторства" и конкуренции с непрофессиональными авторами в интернете. Особое внимание уделяется новым форматам подачи информации, роли потокового медиа и изменению восприятия журналистики как профессии и призвания. Отмечаются социальные, этические и технические вызовы, с которыми сталкиваются журналисты в XXI веке.

Ключевые слова: цифровая эпоха, журналистика, мультимедийная среда, потоковое медиа, универсальный журналист, блогер, авторство, профессиональная трансформация.

О профессии журналиста в информационный век существуют различные мнения. Согласно одному из распространенных среди них, такая специальность в ее традиционном понимании отомрет вместе с печатной периодикой. С такой позицией трудно согласиться. Данная профессия сохранится до тех пор, пока у членов общества будет потребность в новостях и аналитике. Что касается печатной журналистики, то она сохранится, как минимум, в качестве одного из направлений того большого и сложного комплекса, который именуется журналистикой информационного века.

DOI:

<https://doi.org/10.62499/ijmcc.vi9.201>

Цитировать:

Муратова, Нозима. 2025. ПРОФЕССИЯ ЖУРНАЛИСТА В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ: ТРАНСФОРМАЦИЯ РОЛЕЙ И ВЫЗОВЫ МУЛЬТИМЕДИЙНОЙ СРЕДЫ. Международный научный журнал медиа и коммуникаций в Центральной Азии. 9: 93-100

В свою очередь, мультимедийная журналистика будет означать для представителей данной специальности необходимость работать в более трудных профессионально-творческих условиях. Усложняются виды материалов и, соответственно, процесс их подготовки к публикации. Даже рядовой журналист должен научиться работать не только с текстовым, но и визуальным, а также звуковым материалами, т.е. со всеми типами контента, которые использует редакция. Следует также суметь выделить свое издание и свои сообщения в большом потоке других медиа и среди других материалов. Надо предостерегаться плагиата, который становится притчей во языцех в информационном веке. Но, прежде всего, необходимо обеспечить свой, оригинальный контент в сонме большого числа авторов, в т.ч. пишущих об одних и тех же событиях.

Становится все более распространенной практикой, когда редакции сокращают штатные единицы, загружая оставшихся сотрудников дополнительной нагрузкой. Это повышает технические способности журналистов, но уменьшает их созидательный потенциал, потому что оставляет меньше времени на размышления над творческими материалами. Не говоря уже о перегрузке, к которой ведет такой способ деятельности.

В мультимедийной журналистике, как журналистике нового типа, в немалой степени меняются приоритеты. Авторы становится очень много и не все они ставят на первое место материальное вознаграждение за свою работу, хотя последних также немало. Появляется немало любителей, которые также хотят высказать свое мнение. Более того, специфика информационного этапа развития человечества такова, что для немалого числа авторов журналистика вместо профессии становится призванием или хобби. В мультимедийной журналистике заметно преобразуются методы проникновения в темы, поиск материала для публикации, способы анализа и представления освещаемых проблем аудитории. Меняется сам процесс сбора сведений, подготовки текста и отработки содержания материалов СМИ. Следует сказать больше – мультимедийными становятся не только материалы виртуальных изданий, но и творческая психология самих журналистов, иначе они не смогли бы умело готовить подобные публикации.

В свойственном ему стиле конкретные цифры об авторах, как представителей новой журналистики, приводит российский исследователь медиа, создатель ряда книг по теории и практике журналистики Андрей Мирошниченко. Он в своей статье пишет: «Краеугольный камень всех процессов, происходящих в медиа, – количество авторов, т.е. лю-

дей, способных сообщить информацию за пределы своего физического окружения. За 6 тыс. лет истории человечества их было около 300 млн. Сейчас за счёт Интернета технический доступ к авторству имеют 2 млрд 400 млн человек, т.е. за короткий период – 20 лет – на порядок больше, чем за всю историю. Это «взрыв авторства» (Мультимедийная, 2014). Он говорит о том, что необходимо менять свое отношение к Интернету, и если мы его ранее воспринимали как возможность, сегодня это потребность, необходимость, обязанность. Если правильно оценить мнение эксперта, то становится ясно, что между авторами и пользователями практически не остается разницы, потому что даже «социализация перемещается в сеть» (Мультимедийная, 2014), а посетители становятся авторами, потому что, если человек не сможет представить себя в сети, значить, его нет. Для того, чтобы он мог себя представить, он должен писать в сеть, ставить фотографии и т.д.

Мы полагаем, что это не столь однозначный вопрос. Всегда будет немало таких людей, которые не будут писать в сеть, даже если им предоставят для этого все условия: компьютер, подключение к интернету, выход на социальные сети и т.д. Подобных безынициативных пользователей, и просто нежелающих публично представлять себя, среди 8-10 миллиардов наберется очень много. Но нельзя отрицать и того, что даже в подобных условиях будет взрыв авторства. Данный взрыв заметен в Узбекистане уже сегодня, когда количество блогеров в интернете стало преобладать над числом работающих в нем профессиональных журналистов.

Из происходящих в сети трансформаций важной является и такая, как переориентация авторского внимания с объекта описания на время пользователя. У посетителей сайтов его сегодня очень мало и выигрывает тот, кто в первую очередь учтет это. Американские исследователи Элвин Тоффлер и Хейди Тоффлер не зря приводят следующий факт: «Не желая отставать, фирма в Нью-Дели предлагает уже трехминутные свидания. Однако три минуты могут оказаться вечностью в Интернете, где пользователи, как правило, уходят с сайта, если он не запустится за восемь секунд» (Тоффлер, 2008).

В данном плане нельзя отрицать того, что по мере того, как свободного времени, год от года, у аудитории становится все меньше, его ценность столь же значимо возрастает. Учет, в первую очередь, свободных часов и минут аудитории, а также временных графиков и пауз определенной аудитории заметно повышает общую эффективность деятельности журналистов в мультимедийных условиях.

А. Мирошниченко составил интересную дифференциацию авторов, задействованных в интернете. Он пишет: “Таким

образом, можно провести классификацию авторов по типам их активности. ‘Мерцающие’ авторы находятся на периферии авторского массива. Их авторское участие заключается в том, что они имеют аккаунт в соцсети и иногда что-то читают и оценивают. Их количество огромно, они участвуют в дистрибуции контента. При этом они осуществляют отбор, фильтрацию контента. Если происходит какое-то яркое событие, свидетелями которого они являются, они становятся случайными репортёрами и выходят в следующую авторскую категорию – начинают производить контент. Следующая категория – авторы-‘молчуны’. Это бесклавиатурные, ‘мышковые’ авторы, которые участвуют в распространении контента с помощью кликов мышью – нажимают кнопки ‘лайк’, ‘репост’ и т.п., т.е. отбирают контент для распространения. Их огромная заслуга – вирусная дистрибуция, они служат фильтром, с помощью которого аудитория сама себе рассказывает, что происходит. ‘Пустые’ авторы оставляют междометия, ничего не значащие реплики. ‘Реактивные’ авторы, которые 10%, в основном комментируют. Наконец, авторы-принципалы, или эмитенты, – авторы, создающие темы. Они понимают: это значимо, на эту тему нужно писать. Авторов-принципалов всего 1%” (Мультимедийная, 2014). Последняя цифра очень важна потому, что она показывает, что серьезно пишущих авторов всего 1 процент от посетителей сети. Это, кстати, противоречит утверждениям некоторых специалистов, которые считают, что тех, кто активно пишет в сеть, заметно больше.

Работа редакций с авторами приобретает новые грани, которых не было раньше. Некоторые руководители сайтов пытаются привлечь на свою сторону, или хотя бы заручиться поддержкой популярных блогеров для реализации через них своей редакционной политики. Выгода от этого очевидна – такие блогеры уже имеют авторитет среди пользователей, не нужно тратить время и средства на раскрутку их имиджа. Однако многие блогеры не столь легко поддаются подробной обработке. Поэтому редакции электронных изданий стали использовать еще один путь – они пытаются расшевелить так называемых ленивых авторов, которые ограничиваются лайками или перепостами. Данный метод приносит больше результатов потому, что подобных авторов очень много и у тех руководителей сайтов, кто пытается привлечь их к более активной деятельности, есть выбор.

Разумеется, приводимые нами положения применимы к независимым мультимедийным медиа. Что касается государственных, партийных и части общественных мультимедийных изданий, то там господствует жесткая иерархия и этому не следует удивляться. Это в Великобритании партийная га-

зета может публиковать статьи фривольного характера, приключенческие материалы или эротические снимки. В Узбекистане, где господствует многовековой менталитет местного народа, такие попытки будут признаны неверными.

Хотя мир и происходящие в нем события стали доступны каждому, их интерпретации могут существенным образом отличаться друг от друга. Касательно Узбекистана мы можем отметить, что никто и ничто, даже суперэлектроника, не может снять ответственности с редакций и авторов, а также спасти их от критики, если они не будут соблюдать местные обычаи. Поэтому вопрос соблюдения национальных обрядов и традиций является одним из главных для местных авторов.

Хорошо описал специфику работы мультимедийного журналиста заведующий отделом политики издательского дома «Комсомольская правда» Андрей Рябцев: «Редакция ‘КП’ обслуживает все продукты: сайт, газету, радио, онлайн-ТВ. Основная обкатка контента происходит на сайте. Если в течение какого-то времени набирается много откликов, комментариев, мы берём материал в газету. На заседаниях редколлегии присутствуют представители всех четырёх подразделений холдинга. Естественно, журналиста никто не заставляет делать всё от начала до конца, ролики монтируют профессионалы. Но если репортёр ‘держится’ в кадре, может говорить, то он участвует на всех площадках, в том числе пишет монтажный план для видеороликов”

(Мультимедийная, 2014). Это говорит об универсальности в профессии. Далее он продолжает: “журналист, который освещает какое-то событие, должен написать репортаж минимум в течение часа после события. Большую роль в его работе играют Twitter, социальные сети. Твиты сразу идут вместе с картинками на сайт, они же являются черновиками репортажей для сайта и газеты” (Мультимедийная, 2014). Это влияние социальных сетей и взаимодействие с ними. И следующий момент, который характеризует так называемую “кухню” мультимедийного журналиста, это постоянно быть в режиме эфира и рассказывать новости, цитата автора: “Первый шаг на пути эволюции медиажурналиста – из пишущего он должен превратиться в говорящего. Медиажурналист должен уметь выходить в прямой эфир, общаться с ведущим и экспертами в радиостудии... Следующий этап – работа в кадре. На все мероприятия к журналисту приезжает оператор с оборудованием, которое позволяет вести прямой эфир” (Мультимедийная, 2014).

Необходимо обратиться к потоковому мультимедиа как форме новой журналистики. Сам термин “потокое мультимедиа” появился для определения вида и функций ленточных

накопителей, выпущенных фирмой Data Electronics Inc. Они были предназначены для постепенного сбора с последующим запуском записанной информации. Преимуществом потоковых дорожек была их меньшая стоимость, что помогло им выжить в соперничестве со своими конкурентами.

Потоковое вещание также не является каким-то совершенно новым явлением. Обычные радио и телевидение, где информация льется потоком и есть потоковые медиа. Здесь все дело в форме доставки сведений. Если она непрерывная, то это будет потоковое медиа, например, круглосуточное телевидение, радиовещание или сайт.

Другое дело, что в мультимедийных условиях такая журналистика получает новую жизнь. Довольно часто соединение различных форматов информации (текст, телеролики, фото, звукозаписи) делает выпускаемые материалы достаточно большими. В результате до потокового медиа остается два шага: 1) желание передать как можно больше информации ведет к непрерывному росту ее объема и продолжительности; 2) попытки передать все очередные трансляции по какому-либо продолжающемуся событию ведет к тому, что к предыдущей информации непрерывно подвешиваются последующие материалы, что и способствует появлению сплошного медиа.

Потоковое медиа современного типа стало возможно после того, как техника оказалась в состоянии обеспечить их успешное функционирование. Хотя первые ЭВМ появились в начале 70-х гг. XX в., тем не менее, практически до 2000 г., даже их усовершенствованные образцы не были в состоянии обеспечить устойчивое сплошное вещание. Стабильное функционирование потокового медиа стало возможно после того, как сложились пять основных условий для этого: 1) созданы новые, более скоростные и совершенные модели компьютеров; 2) разработаны технические протоколы, в т.ч. ТСР/ІР, НТТР и НТМІ; 3) проводились непрерывные технико-творческие эксперименты по разработке и внедрению новых видов потокового вещания; 4) появилась возможность, в результате роста объемов рекламы, финансирования мероприятий по функционированию потоковых медиа. Однако все эти новшества оказались бы несостоятельными без пятого, основного фактора – заинтересованности в потоковых медиа со стороны массовой аудитории и роста, в результате этого, посетителей сети интернет. Увеличение числа пользователей помогло организаторам потоковых мультимедиа решить ряд важных вопросов, как творческого и технического, так и материального планов.

Понятно, что потоковое медиа, в силу большого объ-

ема записываемой информации, занимают очень много места на носителях, поэтому важной задачей стало их техническое сжатие, чего также удалось достигнуть.

Сегодня потоковое вещание распространяется все шире. Известные всем вебинары, передачи и трансляции в режиме онлайн, а также большинство видеозаписей обычно бывают выполнены в виде потокового вещания. Приобретают популярность потоковые онлайн концерты и фильмы, когда спектакли известных коллективов с мировым брендом можно смотреть и в других странах.

Те, кто умело использует технологию потокового мультимедиа, может получить хорошую выгоду от своей деятельности. Так, RIAA (Ассоциация звукозаписывающих компаний Америки) объявила, что в 2015 г. более трети своего дохода (2,4 млн долларов), она получила за счет оказания услуг в сфере потоковой музыкальной индустрии. Это превысило ее прибыль за 2014 год на 29%. Еще выше темпы оказались в 2016 г. За первых шесть месяцев доходы компании выросли на 57 % и составили 1,6 млн долларов. Т.е., потоковое вещание стало для компании основным источником коммерческой прибыли.

Можно также отметить, что потоки мультимедиа могут быть живыми и по запросу. Живые потоки характерны для передач здесь и сейчас, с завершением прямой трансляции они прекращаются. Потоки по запросу означают предварительную запись транслируемого для последующей передачи. Как правило, в архивах серверов, подобно библиотечному фонду, хранится большое количество подобных записей.

В завершение отметим, что иногда потоковое медиа относят к разряду постжурналистики. Данное определение вовсе не бессмысленно, как может показаться на первый взгляд. Но это, скорее, постклассическая журналистика, существенно отличающаяся от своего предшественника. Во всяком случае, потоковое медиа, как показал изложенный выше материал, имеет свои отличия от классической журналистики.

Список литературы:

Мультимедийная журналистика. (2014). Информационно-аналитический журнал «Университетская книга» раздел «Инновационные технологии». Мультимедийная журналистика. // <http://www.unkniga.ru/innovation/tehnology/2532-multimedijnaya-zhurnalistika.html>, обращение к ресурсу 23.09.20

Тоффлер Э., Тоффлер Х. Революционное богатство. Пер. с англ. – М. Султановой, Н. Цыркун. М.: АСТ, ПРОФИЗДАТ. 2008. – С. 87

Об авторе:

MURATOVA Nozima Faxritdinovna — доктор филологических наук, проректор по науке и инновациям Университета журналистики и массовых коммуникаций Узбекистана, nozima.muratova@jmcu.uz

RAQAMLI DAVRDA JURNALISTLIK KASBI: MULTIMEDIA
MUHITIDAGI ROL O'ZGARISHI VA UNING MUAMMOLARI

Annotatsiya: Maqolada jurnalistika kasbining jadal raqamli rivojlanish va multimedia muhitining yuksalishi sharoitidagi o'zgarishi tahlil qilingan. Unda jurnalistik faoliyat mohiyatidagi o'zgarishlar, ko'p qirrali ko'nikmalarga bo'lgan talabning ortib borishi, hamda internetdagi "mualliflik portlashi" va noprofessional kontent yaratuvchilarning raqobati ta'siri o'rganiladi. Axborot yetkazishning yangi shakllari, oqim tarzidagi medianing roli va jurnalistikani ham kasb, ham hayotiy yo'nalish sifatida idrok etishning o'zgarishiga alohida e'tibor qaratilgan. Maqolada XXI asrda jurnalistlar duch kelayotgan asosiy ijtimoiy, axloqiy va texnik muammolar yoritib berilgan.

Kalit so'zlar: raqamli davr, jurnalistika, multimedia muhiti, striming media, kross-funksional jurnalist, blogger, mualliflik, kasbiy transformatsiya.

Muallif haqida:

MURATOVA Nozima Faxritdinovna - filologiya fanlari doktori, fan va innovatsiyalar bo'yicha prorektor, O'zbekiston jurnalistika va ommaviy kommunikatsiyalar universiteti, nozima.muratova@jmcu.uz

THE PROFESSION OF A JOURNALIST IN THE DIGITAL AGE:
ROLE TRANSFORMATION AND CHALLENGES OF THE
MULTIMEDIA ENVIRONMENT

Abstract: The article explores the transformation of the journalism profession in the context of rapid digital development and the rise of the multimedia environment. It examines changes in the nature of journalistic work, the increasing demand for cross-functional skills, and the influence of the "explosion of authorship" and competition from non-professional content creators online. Special attention is given to new formats of media delivery, the role of streaming media, and the shifting perception of journalism as both a profession and a calling. The article highlights key social, ethical, and technical challenges journalists face in the 21st century.

Keywords: digital age, journalism, multimedia environment, streaming media, cross-functional journalist, blogger, authorship, professional transformation.

About the author:

MURATOVA Nozima Faxritdinovna — Doctor of Philology, Vice-rector for Science and Innovation of University of Journalism and Mass Communications of Uzbekistan, nozima.muratova@jmcu.uz